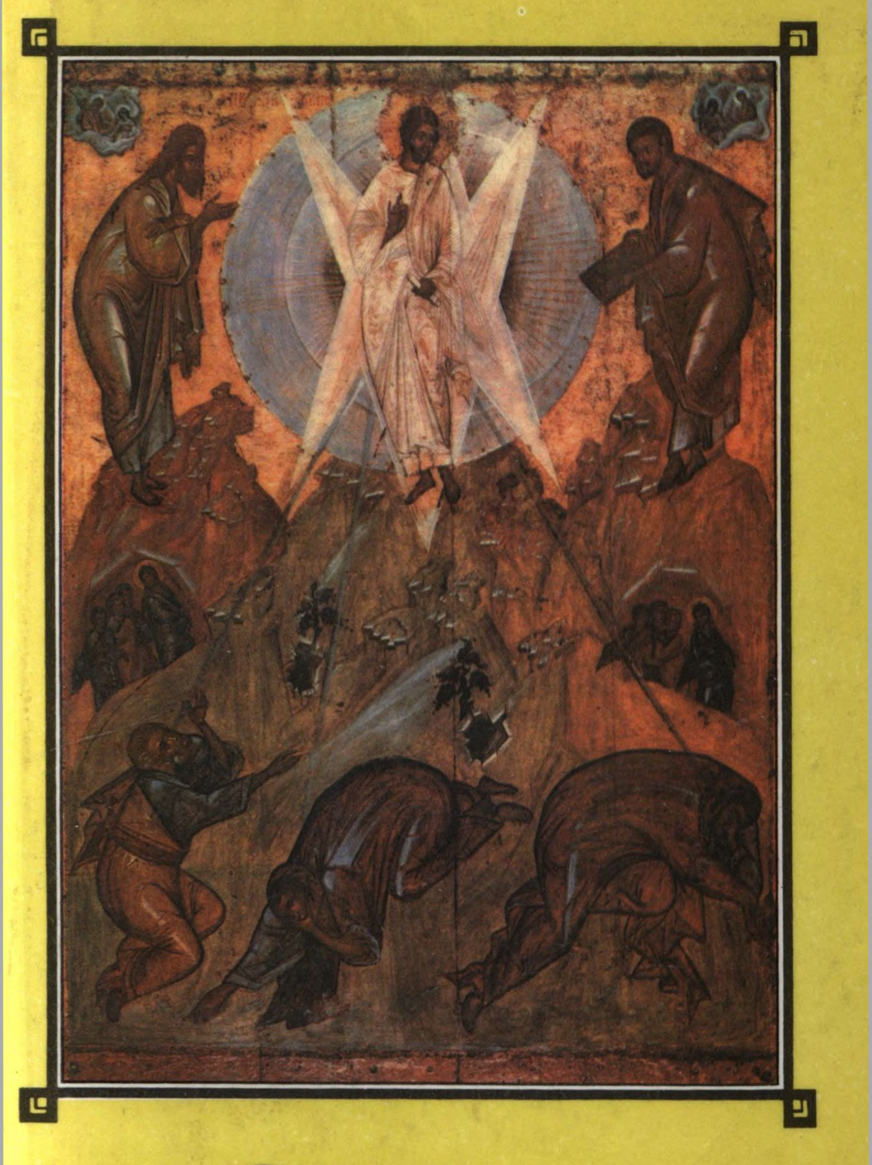
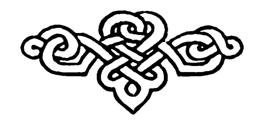


СТИХИ ДУХОВНЫЕ

Гь саваѡ



МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1991

Составление, вступительная статья,
подготовка текстов и комментарии
Ф. М. Селиванова

Художник Е. Ф. Бекетов

С $\frac{4702010202-318}{М-105(03)91}$ КБ–21–53–91

ISBN 5–268–00844–7

НАРОДНО-ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Даже студентов-филологов, в учебные программы которых входит изучение фольклора, в последнее полустолетие не знакомили с произведениями, составившими нашу книгу. И у читателей — любителей устного народного творчества не было возможности встреч с духовными стихами: на протяжении семи с лишним десятилетий отдельными антологиями их не издавали, в составе фольклорных сборников почти не печатали. Между тем духовные стихи представляют интерес и как собственно художественные произведения, и как материал для познания истории народного мышления, и, что кажется неожиданным, они актуальны: они способствуют воскресению всеми прессами государственности униженного и раздавленного духовно-нравственного начала христианства.

Духовные стихи — неоднородные по тематике и жанровым признакам произведения. В Древней Руси и позднее *духовное* противопоставлялось *мирскому, светскому*, то есть всему, что не имело отношения к божественному, причем только в его христианском смысле. С современной точки зрения, к духовной культуре относятся все художественные ценности прошлого и настоящего, в том числе и фольклор. С точки зрения той духовности, которая закрепилась в определении рассматриваемых произведений, бо́льшая доля устного народного творчества *духовной* не была; сказками или песнями люди «беса тешили», губили свою душу, а духовные стихи служили для утешения и спасения души человека. В области народной поэзии по «серьезности» на одном уровне с духовными стихами стояли, пожалуй, только былины.

Источники духовных стихов — в христианской литературе, которая стала активно проникать на Русь после ее крещения в конце X в. Состав этой литературы не ограничивался только книгами Священного Писания (Ветхий и Новый завет) и сочинениями отцов церкви. Существовал огромный пласт неканонической (апокрифической, еретической), то есть не признаваемой официальной церковью, литературы. Так, кроме канонического Четвероевангелия (от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна), были апокрифические евангелия Петра, Фомы, Никодима и других авторов, ряд евангелий о детстве Христа. Данные о жизни Богоматери в канонических евангелиях очень скудны, и возникло множество сказаний и легенд о ее жизни. В первые века распространения христианства создавались многочисленные жития страдальцев за новую веру и утвержде-

ние ее идеалов. Ветхозаветные (библейские) сказания распространялись не столько через Библию, сколько через устнопоэтические, но зафиксированные письменно, трансформации ее сюжетов. Именно такая литература, в определенной степени отразившая широкие и весьма неоднозначные взгляды на христианские святыни и догмы, стала основной сюжетной базой для духовных стихов.

Новая для Руси христианская культура привлекала архитектурой культовых строений, иконописью, торжественной красотой церковных литургий с их пением. Монастыри и церкви, постепенно проникавшие все дальше от городских поселений, были и очагами книжной культуры. Как следствие церковных проповедей, восприятия иконописных сюжетов, ознакомления людей, близких к клерикальной среде, с христианской литературой у какого-то круга лиц, увлекшихся новым учением, возникает стремление вынести за пределы монастырей и церквей повествования о непривычных для народа богоугодных деяниях «богатырей» в сфере духа. Новые сюжеты и образы, вышедшие из торжественно-ритуальной обстановки церкви, не могли реализовать себя в устной и постоянно живой традиции вне художественной формы. Духовные стихи — это результат эстетического освоения народом идей христианского вероучения (подлинность этих идей в народном освоении — другой вопрос).

Ученые предполагают, что создателями и исполнителями духовных стихов в Древней Руси были *калúки* (или *калéки) перехожие,* паломники по святым местам и монастырям. В какой-то мере они были бродячими певцами с серьезным, «божественным» репертуаром; исполнение духовных стихов давало им средства к существованию. Былины знают калик-одиночек («Илья и Идолище») и каличьи ватаги («Сорок калик»; в этой былине калики поют для князя Владимира «Еленьской стих»); подобные сведения о каликах есть и в древнерусских летописях. У слова *калики* тогда еще не было значения *убогий, слепой, нищий;* оно приобретено позднее.

Сложение репертуара духовных стихов — процесс длительный. Вероятно, он начался вскоре после крещения Руси, продолжался в течение ряда веков, расширяясь вслед за окончательным признанием народом христианства своей религией. Творчество в области духовных стихов получило новый импульс со времени церковного раскола в 50—70-е гг. XVII в., но это было творчество относительно малой части населения, упорно сохраняющей «древлее благочестие».

Свои духовные стихи старообрядцы называли *псальмами* (в женском роде). *Псáльмы*, лирические или лиро-эпические песнопения, в науке получили название младших стихов, в отличие от старших, эпических стихов. Деление стихов на старшие и младшие условно, оно указывает лишь на преобладающее появление псальм в последние века. Среди самых старших по времени сложения стихов можно указать по приведенной классификации стих «Плач Адама» — лиро-эпическое

произведение (псальма), который был известен уже в XII в. (знание его обнаруживает Даниил Заточник в своем «Молении»).

Духовные стихи, по крайней мере старшие эпические стихи, единственная группа фольклорных произведений, исполнение которых было профессией определенного круга лиц — калик перехожих. В последние века русской истории каличье звание закрепилось только за нищими, убогими, преимущественно бродячими слепыми, добывающими средства к существованию пением духовных стихов. Калики ходили в одиночку (с поводырем) и объединялись в артели (ватаги). Они пели стихи в селениях под окнами, на церковных папертях и обычно устремлялись туда, где проходили многолюдные ярмарки, в монастыри во время храмовых праздников. Впечатляющую картину со слепыми старцами на монастырском дворе (после церковной службы) воссоздает писатель и этнограф С. В. Максимов (50—60-е гг. XIX в.).

«Кто ни подошел к кругу старцев, тот и остался тут неподвижным.

Такая же бессменная, но нарастающая толпа окружила и тех слепцов, которые пели у колокольни, и другой круг слепых и калек, поместившихся за святыми воротами у колодчика, ископанного руками святого угодника.

— Умиление! — замечал сдержанным голосом седой человек после тяжелого, протяжного вздоха.

— Умудрил Господь старцев! — вторил ему другой растроганный голос, когда кончали слепцы один «стихарь» и немедленно заводили другой; некогда было и деньги нащупывать, и думать о мирском и постороннем.

Надобно было от слов не отставать и за другими тянуться.

Праведное солнце
В раю просветилося,—

заводил Матвей трескучим басом любимую песню калек «Про падение Адама» и плач его о прекрасном рае.

Расплачется Адам,
Перед раем стоячи:
«Ай, раю мой, раю,
Прекрасный мой раю!» —

вторили ему всякие голоса товарищей-калек в то время, когда издали доносилось про Лазаря, а на другом конце монастырского двора заводили «Человека божья».

Все о нищете и убожестве Богом любимых и ему угодных, все о нужде и страданиях, которые каждый на себе испытал, и тоску, согласную с напевом и складом, носит в душе своей, да не умеет выразить. Вызвались старцы за мир постонать, выделились на видное место за всех поплакать и вслух рассказать про людскую скорбь и напасти. Теперь они — выборные от всего мира ходатаи и жалобники.

Не велел Господь нам жити
Во прекрасном раю,
Сослал нас Господь Бог
На трудную землю.
Ой, раю мой, раю,
Прекрасный мой раю!
Век правдой жити —
Нам зла не творити,
От праведных трудов,
От потного лица
Пищи соискати!..

Воистину сердечное умиление! — повторял седой человек.

— Ой, болезненькие! Миляги несчастные. Ох, сердечные, Богом обиженные! — вторили женские голоса.

И, глотая обильные слезы, женщины утирали их рукавами, не двигаясь с места и готовясь слушать до самого вечера»[1].

Существенно признание одного из старцев, пение которых описывает С. В. Максимов,— деда Матвея, ослепшего в младенчестве и не помнящего «свету белого»: «Я пою, а в нутре как бы не то делается, когда молчу либо сижу. Подымается во мне словно дух какой и ходит по нутру-то моему. Одни слова пропою, а перед духом-то моим новые выстают и как-то тянут вперед, и так-то дрожь во мне во всем делается. Лют я петь, лют тогда бываю; запою — и по-другому заживу, и ничего больше не чую. И благодаришь Бога за то, что не забыл он и про тебя, не покинул, а дал тебе такой вольный дух и память»[2].

Сказанное не означает, что знатоками духовных стихов были только калики перехожие. В часы домашнего досуга или спокойной работы крестьяне да и благочестивые горожане напевали эти произведения. Один из собирателей народной поэзии в северных районах России писал: «Великим постом на посиделках девицы и молодицы вместо песен поют духовные стихи»[3]. В старообрядческой, шире — вообще в раскольничьей среде знание духовных стихов, особенно новых лирических и лиро-эпических, было обязательным для всех, поскольку они участвовали в молениях, где такие стихи исполнялись хором. Вот одно из описаний обстановки, в которой совершались старообрядческие моления (в начале XX в.):

«Мы приехали глухой летней ночью в одну одинокую деревушку... Большой крестьянский дом, заросший кругом березами. Тихо открыли нам ворота и повели в дом. Вдруг долетело тоскливое, как будто могильное, пение. Однообразное, стройное, оно быстро настраивает душу на молитвенный лад... Потом большая горница, залитая *ярким, ярким* светом. *Чистые* бревенчатые стены, из которых передняя вся уставлена иконами.

[1] Максимов С. В. Избр. произведения: В 2 т.— М., 1987.— Т 2.— С. 470—471.

[2] Там же.— С. 455.

[3] Барсов Е. Из обычаев обонежского народа//Олонецкие губернские ведомости.— 1867.— № 12.

Иконы все древней живописи, и видно, что заботливо ухаживают за ними: нигде ни пылинки, ни соринки. Направо полки с книгами Священного Писания, бережно уложенные.

Комната полна народу <...>. Тут есть мужчины и женщины. И среди них преобладает решительно белый и черный цвет в одеждах. Эта любовь и особое уважение к черному и белому весьма характерна для старообрядчества и удивительно гармонирует с тем мистическим настроением, которое царит на этих богослужениях да и вообще родственно всему быту людей старой веры.

Кругом лица людей, которые молятся. Молитва видна в их глазах, в истовой позе <...>.

Все это обряды, скажут. Да, обряды. Но кто поручится, что под грустное пение священных песен, при умиленных взорах на лики святых икон, ярко освещенных восковыми свечами, в этой торжественно-таинственной обстановке «борцов за свою веру» — душа их — простых людей — не «взыскует града божия? <...>

Таким образом, особенностью обрядов старообрядчества является: особое благочиние, стройность, некоторая таинственность обстановки и т. д.

И приходится полагать, что за всем этим скрываются религиозные искания, стремление ко всему святому. Раскрыть их ясно — это значит создать духовный образ «раскольника», увидеть, что за этим словом стоит не что-то неприятное, темное, а главным образом своеобразное»[1]. «Любят они сами петь их (духовные стихи.— *Ф. С.*), любят слушать пение других. Я никогда не забуду этот грустный тягучий напев, что так сильно влияет на душу. Я никогда не забуду минут, когда эти неуклюжие порой для чтения стихи в напеве старообрядцев преображались в хорошую мелодию. А те вдохновенные лица и слезы в глазах исполнителей и слушателей!»[2]

* * *

Живут в «своем» времени герои всех жанров устного народного творчества: волшебных сказок — в очень отдаленном прошлом, былин — в Киевской Руси, баллад и бытовых сказок — в относительно недавнем прошлом, лирических песен и частушек — в настоящем... Время действия в отдельных духовных стихах тоже может быть вполне определенным и ограниченным (например, при императоре Диоклетиане), но если иметь в виду духовные стихи в целом, оно начинается с «сотворения мира» и продолжается после кончины существующего мироздания. И дело не только в размещении изображаемых событий по всей протяженности его, но и в связи их постоянно действующими и перспективно бесконечными персонажами.

---

[1] Кондратьев Н. Взыскующие града//Изв. Архангельского о-ва изучения Русского Севера.— 1912.— № 5.— С. 206—207.
[2] Там же.— С. 214.

Открывающие наш сборник варианты стиха о Голубиной Книге дают ключ к пониманию временной масштабности духовных стихов. Начало человечества (жизнь первых людей — Адама и Евы) — оно же начало первого варианта; второй вариант завершается преддверием кончины мира, господством антихриста («При последнем будет при времени»; см. ниже). Но начало и конец мира лишь внешние рамки, в пределах которых проявляет себя динамика космогонического времени.

По вариантам стиха о Голубиной Книге выделяются три сферы — небесная, земная и подземная. Предметы и явления первой сферы зачались от Бога (солнце от лица его, месяц от темечка...); в земной сфере сословная иерархия — от частей тела Адама, а явления собственно человеческой деятельности «рождаются» от «отца» или «матери»: всем городам отец — Иерусалим, всем церквам мать — церковь Богородицы в Иерусалиме и т. д.; тот же характер порождения имеют основные атрибуты земной поверхности (горы, моря, озера, реки). В некотором смешении с животными, обитающими на земле, но все же заметно обрисовывается подземная сфера: на семи китах земля стоит, единорог (белояндрих-зверь) горы держит; по некоторым вариантам стиха стрефил-птица, живущая на морском камне, выполняет роль недоброго хозяина океана и колеблет его. Таким образом, все небесное — от Бога, земное социальное — от человека (только опосредованно, через Адама, от Бога), культура и земная поверхность — от освященных деяниями Христа предметов, поэтому получивших особый духовный смысл; подземная сфера ни по происхождению, ни по функциям никакого отношения к Богу не имеет.

Верх и низ, светлое и темное, между ними земное, человеческое с высоким и низким, светом и тьмой. Ученые считают, что кипарис («всем древам мати») — трансформация мифического мирового дерева, уходящего корнями в преисподнюю (подземный мир) и вершиной достигающего неба. Если это так, в Голубиной Книге дана грандиозная картина мироздания в противостоянии его крайних сфер и в их единстве. И это мироздание не статично. Горы — от одной горы, города — от одного города, церкви — от одной церкви и т. д. Предполагается центробежное движение во времени и пространстве к появлению все новых гор, новых городов, новых церквей и т. д. В Голубиной Книге дана еретическая, сильно расходящаяся с ветхозаветной и евангельской, концепция миротворения и мироздания. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» — этой формулировкой Иоанн Евангелист как бы снял противоречия в библейской картине сотворения мира: Бог творит его (небо и землю) из ничего, а некоторые элементы его делает из «подручного» материала (человек сотворен «из праха земного»). Бог как идея для духовных стихов и непонятен, и неприемлем. Он существует как нечто материальное (пусть в свето-цветовом воплощении). Только от материального может отпочковаться, родиться материальное. Под христианским

колоритом Голубиной Книги кроются воззрения, идущие из глубин дохристианских тысячелетий.

В пределах обозначенного Голубиной Книгой времени развивается, через отдельные сюжеты, своеобразная история человечества в ее народно-христианском толковании. Жизнь Иисуса Христа, с одной стороны, временно́й центр, завершивший предшествующий период (от Адама), а с другой — начало новой и главной для духовных стихов истории. Появившиеся как основные персонажи в стихах на евангельские сюжеты Христос и Богородица (Богоматерь, Святая Дева, Мария) стали сквозными для всего состава духовных стихов (вместе с реже упоминаемыми некоторыми библейскими праотцами, пророками и апостолами). Они же предопределили программу поведения более поздних персонажей-праведников, оценки поступков грешников.

В течение тысячелетий народы славили своих героев, борцов с силами зла. Их противниками часто выступали драконы, змееподобные существа. Христианская литература и устная поэзия при своем зарождении и развитии опирались на древнюю (языческую) мифологию, вовлекая в сферу своего творчества старые системы персонажей, наделяя их новыми качествами и функциями, изменяя цели их борьбы.

Федор Тирон один побеждает вражеское войско, освобождает похищенную змеем мать. Это подвиги собственно былинного богатыря. И небольшое отличие: былинным героям за их подвиги князь Владимир предлагает «села с приселками, города с пригородками», золотую казну (от вознаграждения богатыри обычно отказываются), а Федору царь Константин обещает «царство небесное» и избавление от «муки вечныя» а после подвигов устанавливает ежегодный день его памяти. Любопытно совмещение богатырского и духовно-христианского оружия: собираясь на битву со змеем,

Он берет книгу евангельску,
Он берет животворящий крест,
Наточил саблю вострую,
Опустил копье мурзавецкое.

Чтение Евангелия на берегу моря вызвало сказочную рыбу-кит, по которой Федор переправился «как по суху» к обиталищу змея (и обратно), а богатырским оружием он победил врага. Скипетр, которым побеждает Егорий Храбрый змея в одном из вариантов стиха, уже не богатырское оружие, но еще может восприниматься как что-то вроде тяжелой богатырской палицы; в другом варианте стоило Егорию произнести заклинание *(Уже ты стань, змея, да тиха, кротка)*, как чудовище, наводившее страх на город и государство, смиряется и его, как собачку, можно вести на поводке. Слово, за которым стоит вера в Христа, слово от имени Христа — главное оружие героев духовных стихов. Егорий Храбрый словом распределяет по земле леса и горы, реки и моря, расселяет зверей и определяет им пропитание.

В этих эпизодах Егорий действует сам как Бог, только силой своего слова. Эта сила унаследована им от более раннего времени. Образ Егория Храброго (Георгия Победоносца) по своему происхождению — один из наиболее сложных. Он впитал в себя признаки солнечных божеств Ближнего Востока, Египта, всего Средиземноморья. Культ Георгия как покровителя животных, весеннего возрождения распространен в ряде христианских стран, особенно у восточных и южных славян. Как воитель с темными силами природы, он приобрел атрибуты воина, но, переведенный в христианские герои, он почти не пользуется оружием. В то же время это единственный из героев духовных стихов, под страхом смерти внедряющий новую веру. Освобождение царской дочери от змея не главное в стихе: город и государство остаются обреченными на уничтожение змеем, если они не вернутся в лоно христианской веры или не примут ее (в другом варианте). Если принять во внимание содержащееся в начале стиха сообщение, что змея лютого на город напустил сам Бог за отступничество от веры (или за неверие), то Егорий очень искусно сумел использовать врага для насаждения христианства.

Однако образ Егория Храброго как воителя за утверждение христианской веры, несмотря на его исключительную популярность в народной среде, выглядит все же одиноким среди персонажей духовных стихов. Тот же Егорий обрел и более свойственную героям христианской литературы ипостась.

Раннее христианство привлекало к себе сторонников не оружием, а положительным примером твердости в своей вере, страданиями за нее, силой божественного слова. В условиях гонений на христиан создавались легенды о мучениках за веру и одним из мучеников стал Егорий Храбрый. Первым в ряду таких мучеников был сам Христос.

Правда, страдания Христа на кресте, по евангельским описаниям и по изображению в духовных стихах, не выходят за рамки реального. Истязания последователей Христа настолько невероятны, что все мыслимые и немыслимые возможности человека остаются далеко позади. Егория пилят «пилами булатными», рубят топорами, жгут в печи, бросают в котел с кипящей смолой и т. д. Пытки не ведут к желаемому результату. Похоже, что Егорий вообще не испытывает страданий *(Егорью ничего не вредило)*. По-видимому, так и быть должно: каждая пытка только укрепляет Егория в его вере. Духовное начало, обретаемое безграничной убежденностью в своей вере, делает человека неуязвимым. Превосходство духовного над телесным, доходящее до признания абсолютной незначимости последнего,— одна из основных идей, «материализуемых» в христианских легендах и сказаниях.

Через сходные испытания проходят Кирик и его мать. Можно предположить, что Егорий, будучи взрослым, сознательно определил свою позицию. В случае с Кириком иное — он святой младенец. А это значит, что обусловленная святостью неуязвимость младенца логически непости-

жима, как, впрочем, многое в христианской литературе и духовных стихах.

И Егорий, и Кирик с Улитой — невольные страдальцы. Они попадают в среду, которая нетерпима к иной вере. В своих устремлениях христианство предполагало внутренние побуждения к принятию его учения и реализации его идеалов, а последние требовали отказа от всех земных благ и радостей. Мирская суета неминуемо ведет к вольным или невольным грехам, то есть к нарушению божественных установлений. Чтобы избежать соблазнов, обрести независимую от телесного духовность, надо стать свободным от земных забот. Это можно сделать, удалившись от людей, изнурив свое тело постом и голодом или заняв самое низкое в социальной иерархии место нищего. Примеры того и другого решения даны самим Христом — он и в пустыню удалялся, и питался подаянием пустынником был и высоко чтимый церковью современник Христа Иоанн Предтеча (Иван Креститель). Из героев, подвергших себя телесному изнурению и нравственным испытаниям, по духовным стихам наиболее известны царевич Иоасаф и Алексей Божий человек.

Святые, возведенные в этот ранг после их смерти, особенно чтимые христианами и наделенные ими же силой, в ряде сюжетов равной возможностям Всевышнего (Богоматерь, Егорий Храбрый, Николай Чудотворец, Димитрий Солунский), продолжали свое деятельное участие в земных делах, помогая в трудную пору людям, верящим в их заступничество и им молящимся. В ранних эпических стихах при любой степени участия чудотворцев в земных делах непосредственные контакты их с обычными людьми не осуществляются, они реализуются через иконописные изображения или через видения, сны (к Алексею Божью человеку или к пономарю в церкви Богородица обращается с иконы, Николай Чудотворец показывается Василию лишь в мгновенном видении, а в стихе «Христофор и Никола» он вообще действует невидимо)

В страданиях мучеников и аскетизме подвижников — образцы крайнего пренебрежения к телесному во имя приближения к абсолютной, божественной духовности. Однако она так же недостижима для мучеников, подвижников, святых (по крайней мере, на земле), как деяния последних — для простых смертных. Да это для них и не обязательно. Духовные стихи (как и христианская литература в целом), предполагая и обычное течение жизни, требуют от человека соблюдения, на первый взгляд, очень немногого: не лги, не воруй, не прелюбодействуй, не пьянствуй, не сквернословь, почитай своих родителей, соблюдай посты (Телесам вашим на здравие), помогай убогим и нищим, навещай в темницах заточенных, блюди обычаи, особенно по отношению к умершим, и т. д. Комплексу этих простейших заповедей придается статус божественного предписания. Неслучайно Свиток Иерусалимский, «бытовой» дубликат Голубиной Книги, содержащий эти заповеди, послан с неба самим Христом. Их настойчиво повторяет ряд других назидательных стихов.

Несколько неожиданные для нас грешники:

...горе ворам и разбойникам,
И *скоморохам*, и *плясунам*...
И *кто смущает бесовским песням и игрищам.*

Скоморохи и плясуны, играющие и поющие люди стоят в одном ряду с ворами, разбойниками и всеми другими нарушителями нравственных запретов. Объяснение — в связи народного искусства с дохристианскими верованиями. По ранее изданным сборникам обрядового фольклора нам известно, что обряды (именно в них зародились танцы и игры, музыка и пение) посвящены были различным божествам, а по церковной оценке — языческим богам, то есть бесам, антагонистам христианского Бога. Плясками, песнями, игрой на музыкальных инструментах люди «беса тешили», и страшная кара за такие грехи в загробной жизни неминуема.

Представления о кончине мира и загробной жизни, отразившиеся в духовных стихах, складывались длительное время. Ветхозаветная и примыкающая к ней литературная традиция исходили из аналогии: Бог творил мир шесть дней, на седьмой отдыхал — его народ будет жить в страданиях шесть тысяч лет, затем наступит 1000-летнее царство Божие на земле (только для иудеев, поставленных над другими народами). Ожидание мессии (спасителя), с приходом которого это царство должно было начаться, завершилось появлением Иисуса Христа. И дело не в том, что он заявил о себе на полтысячелетия раньше (по исчислению «от сотворения мира»)... Он разочаровал ожидающих: пришел не царь, а простой проповедник, не установил царства Божия, а перенес его приход на неопределенное будущее, причем только для последователей своего учения (независимо от их принадлежности к тому или иному народу). Обманувший надежды иудеев Христос был распят.

С наступлением христианской эры постепенно складывается такой взгляд: второе пришествие Христа на землю ознаменует кончину земной жизни, но, через Страшный суд для всех живых и воскресших мертвых, праведники обретут вечное блаженство в небесном царстве (в раю), а грешники пойдут на вечные муки в преисподнюю (под землю, в ад). Поскольку христианские общины и народы подвергались гонениям и разгромам, катастрофы и бедствия осознавались ими как конец света или преддверие к нему. В подобных многократно повторяющихся обстоятельствах вызревали идеи господства антихриста перед кончиной мира. Такие воззрения особенно усиливались перед «круглыми», тысячелетними датами (старой и новой эры).

Ожидание второго пришествия Христа, захватившее Западную Европу на рубеже первого и второго тысячелетий новой эры, не затронуло Древней Руси — в ней только что начинала внедряться новая религия. Однако в конце седьмого тысячелетия старой эры, приходящегося на 1492 г., верующие русские вполне серьезно готовились встретить конец

света. Опасения не оправдались. В дальнейшем не раз «приходили» времена антихриста, которые должны предварять второе пришествие Христа с его Страшным судом. Наиболее заметными историческими лицами, которым приписывались качества антихриста, были патриарх Никон (50—60-е гг. XVII в.) и император Петр I (конец XVII — первая четверть XVIII в.). Небывалые гонения на церковь и ее служителей, осквернение и разрушение храмов в гражданскую войну и последующие десятилетия, коллективизация, по жестокости расправ с крестьянами превосходившая всякие иноземные нашествия... Эти события XX в., подкрепляемые «предсказанными» пророками аномалиями человеческого бытия (брат идет на брата, сын — на отца, дети отказываются от родителей и наоборот, «глад и мор» и др.), «свидетельствовали» о приходе антихриста на Русскую землю и о близкой кончине мира.

Краткие сведения о христианских эсхатологических взглядах[1] понадобились здесь как комментарий к ныне распространившимся слухам о теперь уже традиционно на рубеже двух тысячелетий ожидаемом конце света. Это ожидание подкрепляется реальной опасностью экологической катастрофы, которая «предугадана» в духовных стихах (прекращение всякого плодоношения, выжженная и обезвоженная земля — гладкая, «аки хартия»...). И если она произойдет, это будет расплата за собственные грехи нашего времени. Впрочем, грехи перед Богом в конечном счете — всегда грехи перед людьми. Попытки устроить жизнь только на непосредственной ответственности человека перед всеми другими людьми пока положительных результатов не дали.

И другая сторона этой темы. Человечество, отдельные народы, конкретные люди всегда ожидали лучшего будущего, так или иначе боролись за него. Все же надежды устроить некую благостно-беззаботную жизнь на земле в наше время, как и тысячелетия назад, оказываются иллюзорными. Неистребимые мечты о прекрасном будущем — стимул для деяний человека, но само царство счастья достижимо ли? Да и нужно ли? Понятие и образ души в христианском смыле возникли из страдания и сострадания к другим. В царстве сытости и довольства исчезает то и другое, и душа становится ненужной...

Объектом сострадания в стихах выступают не только люди, но и всякая божья тварь на земле, особенно сама земля, мать-кормилица. Ей особенно тяжело нести на себе «грешников и беззаконников». Бог в ответ на жалобу земли («Плач земли») просит ее потерпеть, подождать, «не придут ли рабы грешные к самому Богу с честны́м покаянием». И люди шли, и каялись... В покаянном плаче женщина просит прощения у земли:

Что рвала я твою грудушку
Сохой острою, расплывчатой,

---

[1] Эсхатология — богословское учение и система народных представлений о кончине мира, Страшном суде и загробной жизни.

Что не катом тея я укатывала,
Не урядливым гребнем чесывала,—
Рвала грудушку боронушкой тяжелою
Со железным зубьем да ржавыем.
Прости, матушка питомая,
Прости грешную, кормилушка.

Принимая изображение земли как матери, у которой кормящийся от нее человек вынужденно рвал грудь сохой и бороной, и проецируя его на наше время, с ужасом обнаруживаем, что на теле нашей кормилицы не остается живого места и сама она находится при последнем издыхании. По сравнению с нынешними садистскими операциями на земле человек, творивший покаянную молитву, делал лишь легкие царапины на ее груди, давая ей «отдохнуть». Словесного покаяния перед истерзанной землей уже недостаточно. Лучшее покаяние — лечение делом тяжело дышащей, но еще способной ожить и расцвести матери-кормилицы.

Было бы наивно ожидать, что представления о Страшном суде и загробной жизни, при абсолютной исключенности наблюдений, сложились в стройную систему. Страшный суд вершит сам Христос, иногда Михаил Архангел, а иногда и Богоматерь. В стихах содержатся следы вертикальной и горизонтальной систем расположения рая и ада: их место на небе и в преисподней, а иногда — на востоке и на западе. Больше знакомый с земными невзгодами и страданиями человек легче рисовал в воображении адские муки, нежели райскую жизнь: блаженство, вызываемое близостью к престолу Всевышнего и ангельским пением,— картина достаточно бледная по сравнению с колоритными сценами адского бытия, неодинакового для разных категорий грешников. В стихах о Страшном суде предполагается, что в рай и ад идут живые и воскресшие мертвые, а до того для них загробной жизни не было. Но в стихах группы «Праведники и грешники» рай и ад изображаются «постоянно действующими». Правда, и здесь процесс отделения праведников от грешников происходил по-разному: у одних еще на земле вынимали душу ангелы, у других — бесы; «самостоятельно» отделившуюся душу встречали ангелы, отбирая только «своих», отправляя остальных в геенну огненную; или бесы и ангелы одновременно видели принадлежащие им души. И самое заметное противоречие. После смерти от тела отделяется душа. Но вот богатый Лазарь, попавший в ад, просит своего брата:

У правой у рученьки мизинный твой перст
Обмочи ты, мой братец, в студеной воде,
Промочи ты мне, братец, кровавы уста,
Сократи ты, родимый, геенский огонь.

Ясно, что мучениям подвергается тело, которое было у Лазаря в земной жизни. Раз к Страшному суду оживают мертвые, то рай и ад наполняются «телесными» людьми. Иначе кто или что осознает блаженство и муки? Внематериальное бытие человека, как и самого Бога, вне постижения.

Посмертное состояние человека, именуемое душой, осознающее свое *я* и физические страдания, опять оказывается человеком, но получившим бессмертие с бесконечной ответственностью за свои земные дела.

События духовных стихов, начавшиеся в христианском центре (Иерусалим или даже Голгофа — «пуп земли»), центробежно, как это задано Голубиной Книгой, захватывают все более широкую территорию. В стихах, повествующих о мучениках, подвижниках, чудотворцах, места действия распределяются по всему Средиземноморью. События стиха об Алексее Божьем человеке развертываются в Риме и Эдесе, об Агрике и Василии — в Антиохии, о Димитрии Солунском — в Солуни...

Весьма существенная для эволюции времени и места действия черта — их сдвиг в сторону Русской земли и к ее началу, ознаменованному деяниями Егория Храброго: он, выдержав великие мучения, едет из Иерусалима на землю, находящуюся в первобытном хаосе. Егорий устанавливает на ней порядок, одновременно утверждая «святую веру»; он, по духовным стихам, устроитель и основатель Русской земли (есть и самостоятельный стих на эту тему, см. № 27). Происходит «национализация» Егория: в одном из стихов («Егорий мстит за отца») он рождается на Руси, в другом («Стих про Егория Храброго») еще конкретнее — он сын черниговского князя Федора. Показательны и такие детали: Святой Димитрий Солунский хотя и защищает родной город, но одерживает победу над эпическим (и историческим) врагом Русской земли Мамаем и выручает из плена русских полонянок. Федор Тирон освобождает от осады город Иерусалим, но мать ведет поить его коня на Дунай-реку. Тенденция к православно-русскому центризму духовных стихов оказалась и в Голубиной Книге: один из двух главных персонажей стиха, Волотомон-царь (по некоторым вариантам стиха князь Владимир) — явно русский по имени. В одном из печатаемых здесь вариантов стиха в ряду первопричинных и первородных явлений оказались: белый (т. е. русский) царь, который «над царями царь», и Святорусская земля, которая «всем землям мати».

Некоторый сдвиг художественного мира духовных стихов на свою землю (вероятно, поздний) не привел к созданию классического христианского эпоса на собственно русские темы. Духовные стихи, хотя и переработали несколько русских письменных источников (о Борисе и Глебе, об Александре Невском и др.), по художественным качествам, по масштабам освоения национальных тем не могли соперничать с народным историческим эпосом — былинами.

Новые стихи, создаваемые старообрядцами, то есть в среде, не признавшей реформы патриарха Никона, были направлены против этой реформы и против всего, что она вносила в жизнь. Старообрядчество составляло лишь часть народа, сохранявшее, как оно считало, истинную веру. Все остальные — отступники, слуги антихриста (время которого наступило); их обличению, а также собственным бедствиям и были по-

священы эти стихи. Произошло смещение во времени и месте действия от событий древней христианской истории, совершавшейся вне пределов Русской земли, к явлениям современности, причем действующими лицами становились, с одной стороны, сами старообрядцы — в качестве персонажей, или от их имени исходило обличение.

Постановка себя, определенного круга людей во время, занимающее серединное место между прошлым и будущим, психологически объяснима. Такой взгляд на время характерен и для духовных стихов лирических разновидностей. Однако он породил несколько неожиданные особенности художественного времени в песнях сектантов — хлыстов и скопцов. Они полагали, что Бог не может существовать, не воплощаясь постоянно в конкретного человека. Раз это так, вожди сектантских общин объявляли себя Христами. Есть Христос, значит, в общине должны быть богородицы, пророки, апостолы Возникали песни о рождении и вообще о деяниях своих богов и святых (формула «Бог с нами», доведенная до абсурда). Поскольку каждый конкретный Христос смертен, он, умерший раньше или позже *нас*, его слуг, рабов, агнцев, все равно введет *нас* в царство небесное, *мы* будем там ангелами, херувимами, серафимами.

Отдаленное и недавнее прошлое, настоящее и, как мы ранее видели, близкое и конечное будущее — все времена освоены художественной системой духовных стихов. Такая широта временнóго охвата неподвластна другим произведениям народной поэзии. Кроме того, персонажи, «путешествуя» по эпохам, встречаются на одной сюжетной площадке В Голубиной Книге беседуют библейский царь Давид, живший в X в. до н. э., и условно-исторический Волотомон-царь, жизнь которого можно отнести к X в. н. э.; одновременными зрителями кончины мира («Страшный суд») оказываются библейский праотец Енох, Илья Пророк, Иоанн Богослов — первый жил до Ноева потопа, второй — предположительно в IX—VIII в. до н. э., третий — в I в. н. э.

Обратим внимание на пространственно-временнóе смещение художественного мира духовных стихов под влиянием церковной живописи. В стихе «О спасении Елисавии Арахлинской царевны» перед отправлением к змее на съедение Елисавия в своем жилище молится Егорию Храброму, Миколе Святителю, Иисусу Христу, то есть иконописным образам этих святых, прося их о заступничестве. Затем вполне «реальный» молодец Егорий Храбрый является на добром коне к синю морю, выручает царевну и усмиряет змею. В некоторых вариантах этого стиха герой — современник Елисавии, а здесь, чтобы выполнить свой традиционный «сюжетный» долг, он как бы отделяется от иконы. От «реальной» жизни Егория произошел сдвиг в сторону времени, когда он уже существовал только как иконописный образ. Иной характер сдвига в стихе о Богородице у распятия (№ 17). В других стихах на этот сюжет время действия то же, что и в евангельских описаниях, собственно историческое. Здесь существенно указание на место действия:

Во городе во Руссе
Стоит церковь соборная,
Что соборная, богомольная.
Во той церкви Христос Бог распят...
Стоит мати, жалко плачет...

Иначе говоря, речь идет о церковной иконе с изображением Богоматери у распятия. Временна́я ретроспектива исчезает, скрадывается: стих повествует о том, что происходит на глазах у зрителя, сейчас. Примеры можно множить. Но, по-видимому, влияние церковной живописи на духовные стихи надо понимать более широко, в связи с ее культовым значением.

Нельзя, например, сказать, что персонажи календарного обрядового фольклора (Коляда, Масленица, Кострома и др.) жили в прошлом. Они ежегодно приходили и уходили в предназначенные для них дни. Христианская церковь ежегодно в своих литургиях «воспроизводила» рождество, воскресение и вознесение Христа, фрагменты жизни многих других святых. «Воспроизведение» постоянно присутствовало на иконах. Исполнение ряда духовных стихов тоже приурочивалось к определенному времени (посты), а в старообрядческом быту существовала прикрепленность стихов к дням памяти святых. Обрядовость духовных стихов, подкрепляемая иконами, в значительной степени поддерживала иллюзию постоянного возвращения или присутствия персонажей этих произведений в «нашем» времени.

Художественный мир духовных стихов — это в какой-то мере мир чудес. Ребенок, брошенный в топящуюся печь вместо младенца Христа, не горит («Жена милосердная»); Христос воскресает, возносится на небо; мучеников не берут пилы и топоры, они в огне не горят и в воде не тонут, не умирают пригвожденные к дереву и брошенные в котел с кипящей смолой; русские полонянки во время сна перемещены из стана неверного царя Мамая в Солунскую церковь; мощи праведников и мучеников за веру исцеляют больных. Почти нет духовных стихов без чудес. Они осуществляются в произведении, человек молится о том, чтобы чудо, большое либо малое, состоялось.

В отличие от волшебных сказок, в которых чудеса творят многочисленные существа, связанные с потусторонним миром, в духовных стихах правом на сотворение чуда обладают лишь Христос и относительно немногие другие персонажи, обретшие святость своею приверженностью к нему и действующие его именем. Взаимодействие персонажей духовных стихов проявляется в системе отношений: человек — Бог, святой, сверхъестественная сила. В конкретных произведениях эта система реализуется по-разному.

Герой уверовал в Христа в обществе, где христианская вера не признается, или попадает в плен к царю-иноверцу. Царь, чтобы заставить христианина отказаться от принятой им веры, подвергает его мучениям. Как бы ни были жестоки истязания, герой выдерживает их. Способности

персонажей духовных стихов, проявляемые ими в борьбе или в сопротивлении пыткам, в определенной мере трудны для понимания. В любом из фольклорных жанров сила героев, данная им от рождения или полученная от волшебных существ, физически осязаема. Но вот в стихе: по слову Егория Храброго раздвигаются горы и расходятся по всей Руси, распределяются по земле леса и реки, расселяются в повеленных местах звери. Духовное, оставаясь материально невоспринимаемым, получает свойства физических явлений, стихийных сил; оно, становясь внутренней сущностью героя, сильнее любых способностей человеческого тела, даже в гиперболических формах. Человек, обладающий такой степенью духовности, не чувствителен к воздействию внешней среды, других людей, такой духовности не имеющих. Духовное не только противостоит телесному, всему материальному, оно неизмеримо выше, сильнее его. И это положение утверждают своим поведением герои духовных стихов.

Молодой человек из беднейшей семьи становится нищим — это, возможно, неизбежность, и в этом нет подвига. Старик уходит в пустыню, чтобы оставить мирские заботы, провести остаток жизни в смиренном покаянии ради спасения души своей,— в этом поступке тоже нет подвига: у старика не осталось земных радостей, он не многое теряет.

Молодой князь Алексей Божий человек находится на вершине социальной иерархии, ему доступны все мыслимые блага и наслаждения. Он оставляет все, даже молодую жену в брачную ночь, чтобы переместиться на предельно низкую общественную ступень, стать нищим, причем таким, чтобы в его облике, одежде, привычках не осталось никаких намеков на его высокое происхождение. В доме его родителей, куда Алексей вернулся в конце жизни, рабы обливали его помоями, плевали на его келью. Алексей все терпел «с благодарением» и «за своих рабов Богу молился». Сходный подвиг совершает и ушедший в пустыню на всю жизнь царевич Иоасаф.

Обязательного отказа от благ земной жизни не требуется. Именитый купец Марко («Марко богатый») не изнурял свое тело, однако не обижал «нищей братии», оделял бедных и сирот своими достатками. Воздаяние за благочестивые поступки — поселение Марка после смерти в раю.

А вообще люди не могут не грешить, то есть не нарушать установленных Богом правил поведения, но они при жизни должны помнить о возможности покаяния. Мария Египетская, великая блудница в молодости, стоит на камне 30 лет и обретает святость. Василий Кесарийский — пьяница, одумавшийся и покаявшийся перед Богородицей (ее образом), получает прощение. Покаяние важно вовремя. Аника-воин, другие персонажи каются, когда их смерть настигает. Сонмы душ (людей?) на Страшном суде вопиют о покаянии. И здесь высший судья безжалостен и жесток; от вечных мук не уйдет ни один грешник.

В ряде новых стихов старообрядцев происходит смещение отношений человек — Бог. Появившийся коллективный персонаж сам становит-

ся судьей, обличает других людей, особенно служителей официальной церкви, в отступничестве от истинной веры. Этот персонаж как бы защищает Бога от пришедшего в мир перед концом света антихриста.

Полуязыческая природа духовных стихов сказывается в сохранении ими мифологических образов-олицетворений, причем эти олицетворения ставятся в один ряд с христианскими святыми. В одном из стихов сказано:

Первая мать — Пресвятая Богородица,
Вторая мать — сыра земля.

Перед исповедью в церкви человек кается перед матерью — сырой землей («Обряд прощания с землей»). Ее образ несет в себе складывавшиеся тысячелетиями представления о ней. Она — мать-кормилица, но постоянно обижаемая и терзаемая человеком («Плач земли»). Образ матери-пустыни, которая ведет разговор с царевичем Иоасафом, вероятно, дочернее ответвление от матери — сырой земли.

Особенно колоритен образ Смерти в стихе об Анике-воине. У нее

Руки-ноги лошадиныи,
А голова лежит звериная
А туша целовецеска.

Это далекий от христианских представлений и не тот образ Смерти в виде двигающегося скелета, который утвердился позднее. Смерть здесь предстает в виде чудовища, соединившего признаки человека и животного.

Как бы ни истолковывать олицетворения, образы растений, зверей, птиц (например, кипарис-дерева, единорога-зверя, стрефил-птицы в Голубиной Книге), скорпионов, змей, ящериц (в стихах о мучениях грешников), они всегда в старших стихах выступают в своей художественной данности, вне иносказаний. Другое качество «природных» образов в старообрядческих псальмах. В стихе «О временах антихристовых» есть такая картина:

Паде с небес сап горящий,
Пшеницу сломи несозрелую;
Из расселин горы каменны
Изыде змий многоглавый
И со многими крокодилами,
Огради стадо овец мысленных,
Умертви овцы и со пастыри...
Наступи зима зело лютая,
Уби виноград всезеленый.

Пшеница несозрелая, овцы, виноград зеленый, с одной стороны и огонь (сап горящий), чудовища, зима лютая — с другой,— образы, требующие немедленного «перевода» на отношения между людьми: это истинные христиане (старообрядцы) и их гонители (патриарх Никон и его после-

дователи). Показателен эпитет к слову овцы — *мысленные;* то есть они на самом деле не овцы, а люди.

Еще пример. Юноша жалуется, что его добрый необузданный конь

По горам, по холмам прямо конь стрекает,
Прямо конь стрекает, меня разбивает,
Меня разбивает, ум мой погубляет.

В стихе нет, конечно, коня как реального образа. Речь идет о трудности «царство Божие получити», поскольку в молодости неизбежно нарушение запретов, налагаемых строгой старообрядческой моралью. В этом случае, как и в предыдущем примере, изображение дано в аллегорическом плане.

Усложнение иносказательности происходит в сектантских стихах, которые в значительной мере опираются на традиционный песенный фольклор. В стихе, преобразующем мотивы былины об Илье Муромце на Соколе-корабле, кормчий — Иисус Христос, мачта — Бог Саваоф, «парусы — люди Божии», они наполняются «не ветрами, не вихорями, а самим-то Святым духом». Эта песня — аллегория: корабль — община сектантов, море — «море житейское», враждебное по отношению к ним. Однако эта аллегория переводится в план мистической реальности: на корабле есть и Христос, и Саваоф, и люди Божии, в других вариантах появляются Богородица, пророки, апостолы... Символика народных лирических песен переводится в план однозначно-аллегорический: сад, например, это культивируемые вождями общины (садовниками) успехи общины, различные стадии его природной жизни (цветущий, увядающий, засохший) — состояния этой общины. Образ реки в народной поэзии дает множество символических ситуаций, связанных с браком или его невозможностью, в целом с делами жизни и смерти. В сектантских стихах река тоже препятствие (или дорога), мешающее (помогающее) членам «корабля» общаться со своим «батюшкой» (Христом) или «родными».

По цитированным выше старообрядческим стихам видна особая усложненность их языка. Это объясняется тем, что в старообрядческой среде они сочинялись на церковнославянском языке и распространялись в письменном виде. Стихия церковнославянского языка вообще характерна для духовных стихов (неполногласные формы: *класы* — вм. *колосья, вран — ворон;* звательный падеж: *сыне, господине;* свои формы местоимений — *аз — я; мя — меня;* свои глагольные формы во всех лицах, временах и числах: *потрясеся, распадеся, приидеши, напоиша).* Старшие духовные стихи, распространявшиеся преимущественно устно, от церковнославянизмов постепенно освобождались. И чем популярнее был стих, тем больше он впитывал стихию народнопоэтического языка. Широко известные стихи о Егории Храбром, Федоре Тироне, об Алексее Божьем человеке по своей лексике стали близки к былинам. Устные и письменные варианты одного стиха иногда очень заметно расходились

между собой. Примером такого расхождения могут служить два варианта одного стиха о Борисе и Глебе, печатаемые в нашей книге. Следует отметить, что и церковнославянский язык, и его элементы в определенной мере были условными, поскольку творцы духовных стихов далеко не всегда владели этим языком в степени, достаточной для сочинения песенных произведений.

В построении песенных строк духовные стихи опираются на традиции русского народного, в основе тонического (равное число главных ударений в строке при разном количестве безударных слогов между ними), стихосложения без рифмы, то есть без обязательных созвучий на концах строк. Наиболее характерны строки с тремя ударениями при дактилическом (ударение на 3-м слоге от конца строки) или хореическом (ударение на 2-м слоге от конца строки) окончании. Примеры:

Да поднима́лся цари́ще Демья́нище...
Всегда́ оны в по́ле пребыва́ли...

Двухударные строки — преимущественно с хореическим окончанием:

Пра́ведное со́лнце
В раю́ освети́ло...

Некоторые старообрядческие стихи подражают литературной поэзии, используют парную рифму (утратив четкую ритмическую соизмеримость строк традиционного стиха):

Но звезды вся потемниша зрак,
И дневный свет преложися в мрак.
Тогда тварь вся ужаснушася,
Но и бездны вся содрогнушася.

К концу XIX в. духовные стихи старообрядцев уже полностью опираются на утвердившуюся литературную систему стихосложения с ее четырехстрочными рифмованными блоками (куплетами) строк, силлабо-тоническим принципом их построения (одинаковое число слогов и ударений в строках или парах строк).

Можно говорить о композиции сказок и былин, обрядовых и лирических песен, пословиц и частушек как о категории художественной формы, объединяющей более или менее обширную группу произведений в жанр. Единых принципов построения произведений (как и их песенно-стихотворных строк), называемых духовными стихами, нет. Духовные стихи распадаются на ряд групп, у каждой из которых свои особенности композиции. Старшие эпические стихи (на библейские темы, о мучениках, о змееборцах и др.) строятся как ряд эпизодов, последовательно развертывающих звенья отдельного события либо всей жизни персонажа. Уже ветхозаветная тема дала стихи, строящиеся как монологи-причитания («Плач Адама», «Плач Иосифа Прекрасного»). Монологи, встречаемые в стихах других тематических групп («Плач царевича Иоасафа», «По-

каянный стих»), станут одной из основных композиционных форм старообрядческих псальм, певшихся от имени коллектива (нас). Заметное место занимают стихи, построенные как диалоги персонажей.

Только в заключительной части стихов все композиционные типы относительно едины. Концовки обычно провозглашают вечную славу персонажу, о котором пропето, или Богу (иногда тому и другому вместе) Часто последним словом бывает *аминь*, что означает *истинно, верно;* это слово из церковного лексикона (из греческого языка), и указанные значения не всегда осознаются, поэтому оно приобретает роль священного конечного заклинания.

* * *

Начало записей духовных стихов с устного исполнения, а также сбор уже существующего рукописного материала с научными целями связаны с деятельностью организатора по собиранию народной поэзии П. В. Киреевского. С начала 30-х гг. XIX в. к нему, наряду с былинами и историческими песнями, произведениями обрядовой и необрядовой народной лирики, поступают и записи духовных стихов. И сам П. В. Киреевский их тоже записывал. Первым из серии материалов, собранных П. В. Киреевским, был издан первый сборник духовных стихов под названием «Русские народные песни. Ч. 1. Русские народные стихи» (М., 1848). Составитель сборника полагал, что каждое устное исполнение не воспроизводит во всей полноте той или иной песни; полноценное в художественном отношении народное произведение может быть восстановлено лишь по его вариантам. Значительную часть сборника П. В. Киреевского заняли сводные духовные стихи.

В 1860 г. вышел «Сборник русских духовных стихов», составленный педагогом и собирателем народных песен В. Г. Варенцовым. В. Г Варенцов напечатал все основные сюжеты духовных стихов, некоторые с вариантами (в собственных записях и по рукописям). Тексты сопровождались (не все) пометками, указывающими на место записи и исполнителя. Принципы научной фиксации и публикации произведений устного творчества в то время еще не были выработаны, поэтому скудость сопровождающих тексты сведений едва ли можно считать недостатком сборника.

Наиболее крупное собрание духовных стихов под названием «Калеки перехожие» составлено и издано П. А. Бессоновым в 1861—1864 гг. (6 выпусков). В это собрание вошли материалы всех известных собирателей народной поэзии, работавших во второй трети XIX в. (В. И. Даль, П. И. Якушкин, П. И. Рыбников и др.), а также записи самого П. А. Бессонова. Значительную долю текстов составили духовные стихи, записанные П. В. Киреевским и его корреспондентами. Более трети стихов напечатано по рукописным сборникам из различных архивов и частных коллекций. Во всей возможной полноте впервые были даны варианты, причем не только русские, но и других славянских народов.

«Стихи духовные» (Спб., 1912) — последний из серии сборников, представлявших общерусский репертуар духовных стихов. Сборник составлен Е. А. Ляцким как антологический: в него включены лучшие варианты из сборников Варенцова, Бессонова, из публикаций в научных изданиях, а также собственные записи составителя.

Начиная с середины XIX в. духовные стихи печатаются в фольклорных сборниках вместе с произведениями других жанров (былины, лирические и обрядовые песни), в книгах и журналах историко-литературного, исторического и этнографического профиля, в многочисленных краеведческих изданиях.

В упомянутых выше сборниках иногда указывалось на распространение того либо иного стиха в старообрядческой или сектантской среде, но по составу произведений они были общерусскими. Особый научный и общественный интерес к истории религиозного раскола и сектантства во второй половине XIX — начале XX в., к бытованию духовных стихов среди старообрядцев и сектантов, более активному, нежели среди основной массы населения, принимавшего официальное православие, вызвал к жизни два сборника: первый — «Памятники старообрядческой поэзии» — составлен Т. С. Рождественским (М., 1909), второй — «Песни русских сектантов-мистиков» — Т. С. Рождественским и М. И. Успенским (Спб., 1912). В каждом из сборников объединены все ранее печатавшиеся в научной периодике и других изданиях, а также имевшиеся в архивах тексты, принадлежащие соответствующим направлениям религиозных исканий.

В 20-е гг. нашего века еще появлялись в краеведческих изданиях единичные публикации новых записей духовных стихов. Затем печатание их на длительное время приостановилось.

Прекращение публикаций духовных стихов не означало их исчезновение из устного (и письменного) бытования. Однако их исполнение при негативном отношении ко всякой «религиозности» со стороны властей, школы, культурно-просветительских организаций стало «закрытым», домашним делом. В этом состоянии духовные стихи сохраняются в памяти пожилых людей и в наше время в ряде районов России. Невозможность печатания не остановила и фольклористов-собирателей. Духовные стихи записывали и записывают участники фольклорных экспедиций Московского государственного университета, Пушкинского Дома (Ленинград), других научных учреждений и вузов, в архивах которых хранятся сотни новых записей.

Предлагаемый вниманию читателей сборник духовных стихов выходит через 80 лет после последних своих собратьев.

В сферу научных интересов духовные стихи вошли вместе с другими жанрами фольклора. Ученые 50—60-х гг. XIX в., относящиеся к так называемой мифологической школе (Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев), стремились прежде всего выявить преемственность духовных стихов по отношению к древнейшей системе мировоззрения славянских народов.

Наиболее известная работа Ф. И. Буслаева — «Русские духовные стихи» (1861), а многочисленные толкования мотивов и образов духовных стихов, принадлежащие А. Н. Афанасьеву, рассеяны в его трехтомных «Поэтических воззрениях славян на природу» (М., 1865—1869). Церковно-книжного происхождения сюжетов духовных стихов ученые-мифологи не отрицали. Все же из их работ следует, что книжные произведения придавали разрозненным языческим представлениям сюжетно-композиционную оформленность, а духовные стихи ввели славянскую мифологию в систему христианского мировоззрения.

Ученых культурно-исторической школы занимали в первую очередь сюжеты и конкретные текстовые источники духовных стихов. Для работ этого направления характерна широта охвата книжных источников европейского и ближневосточного средневековья. В общем виде ход их исследования такой: поиски письменного первоисточника сюжета (греческого, латинского, древнееврейского, древнеиндийского), выявление его ответвлений на различных языках, переход к церковнославянскому (или древнерусскому) переводу, затем к конечному звену в этой цепи — духовному стиху. Духовные стихи представали как одна из многих ветвей устного и письменного творчества Средиземноморья и Европы.

В русле культурно-исторического направления выполнен ряд исследований А. Н. Веселовского, главное из которых «Разыскания в области русского духовного стиха» (Спб., 1879—1891, 6 выпусков). Из других работ этого направления, вышедших в последней четверти XIX — начале XX в., следует назвать книги А. И. Кирпичникова о Егории Храбром и о царевиче Иоасафе, В. Сахарова — о стихах на темы загробной жизни и Страшного суда, В. Н. Мочульского — о Голубиной Книге, А. В. Рыстенко — о Егории Храбром, В. П. Адриановой — об Алексее Божьем человеке.

Третье направление, заявившее о себе рядом статей в конце XIX — начале XX в., можно назвать историко-бытовым. Наиболее ценные сборники, выполненные в этом направлении, содержащие исследования и тексты стихов, выходили под названием «Материалы к истории изучения русского сектантства и раскола (старообрядчества)», под редакцией В. Д. Бонч-Бруевича (Спб., 1908—1911. 4 выпуска). Духовные стихи, изучавшиеся в комплексе всех других проявлений деятельности определенных заглавием сборников слоев населения, интересовали авторов преимущественно как выражение мировоззрения этих слоев.

В 20-е гг. нашего века выходили единичные исследовательские статьи о духовных стихах. Затем их изучение на ряд десятилетий прекратилось. Правда, краткие статьи о духовных стихах продолжали печататься в энциклопедиях и справочных литературоведческих изданиях. Публикация исследований духовных стихов возобновилась в малотиражных изданиях (для широкого читателя недоступных) только с начала 70-х гг.

* * *

Духовные стихи складывались, с одной стороны, как ответвление церковных песнопений, а с другой — постоянно испытывали воздействие различных «языческих» песенных жанров русского фольклора. Почти повсеместное бытование духовных стихов на территории расселения русских, окончательно не затухшее до сего времени, их взаимодействие с народным и церковным искусством позволяют констатировать, что духовные стихи образуют весьма существенную, обусловленную историческим развитием России, часть целостной народной культуры. Область духовных стихов располагалась в том ее секторе, где находился один из полюсов противоречивого народного мировоззрения, а именно религиозно-христианский, вернее, христианско-языческий полюс.

Русский фольклор без духовных стихов не может быть признан целостным явлением. Духовные стихи не представляют в нем изолированного круга произведений. Обращаясь в устном бытовании, они взаимодействовали с былинами, обрядовыми и историческими песнями, подвергаясь их влиянию и сами оказывали значительное воздействие на них. История русского фольклора без духовных стихов так же не полна, не полноценна, как история русской культуры без истории православной церкви.

Духовные стихи по своей серьезности, возвышенности содержания и исполнения противостоят большинству разделов устного народного творчества. Как и весь фольклор, они сами внутренне противоречивы. С одной стороны, отражение народного суеверия, примитивных средневековых представлений (например, о земле, лежащей на семи китах), а с другой — выход на основополагающие нравственные ценности, на создание величественного образа мироздания (пусть не «научного»); познание мира только через откровение (божественные книги, видения, сны), но само откровение становится еретическим, превращается в художественное обобщение познаваемого и предполагаемого в реальном жизненном опыте. По-видимому, нравственный императив духовных стихов намного важнее его религиозных мотивировок.

О художественных качествах духовных стихов писали очень мало, остерегаясь ставить их в один ряд с высшими достижениями народного творчества. Тем более сто́ит обратить внимание на высокую оценку, данную стихам тонким ценителем древнего искусства Ф. И. Буслаевым. Ученый, отмечая, в частности, «глубину мысли и высокое поэтическое творчество» «Вознесения Христа», склонен был признать его «лучшим в нашей поэзии христианским произведением, далеко оставляющим позади себя все, что доселе писали в религиозном роде Ломоносов, Державин и другие позднейшие поэты»[1]. Буслаев же отмечал «изящество» и «грациозность» некоторых раскольничьих и сектантских стихов[2]. Не-

[1] Буслаев Ф. И. Русские духовные стихи/Народная поэзия: Исторические очерки.— Спб., 1887.— С. 451—452.
[2] Там же.— С. 494.

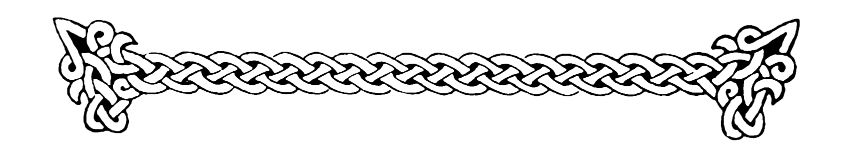
правомерна сама постановка вопроса: что выше — духовные стихи или любые произведения других разделов фольклора? Достаточно сказать, что это своеобразная поэзия со своими художественными достоинствами.

Многие духовные стихи (как и апокрифическая литература) несут в себе дуалистическую средневековую ересь — признание равновеликими хозяевами мира Бога и дьявола (по богословской доктрине дьявол и творимое им зло подвластны единому Богу). Господство последнего на земле постоянно — иначе народ не мог объяснить, почему его притесняют феодалы, настигают неурожаи, голод, погромы при частых войнах. Отсюда вытекала идея борьбы с силами зла[1]. Однако в русских духовных стихах она не получила признания. В них звучала мысль, оппозиционная по отношению и к христианской догме, и к мирским властям. Но духовные стихи не звали к возмездию на земле. Это была поэзия милосердия и упования на справедливость Божьего суда.

Ф. Селиванов

---

[1] Веселовский А. Н. Собр. соч.— Т. 8.— Вып. 1.— Пг., 1921.— С. 177—179.



МИРОЗДАНИЕ: ЕГО НАЧАЛО И СУДЬБЫ

1. ГОЛУБИНА КНИГА СОРОКА ПЯДЕНЬ

Да с начала века животленного
Сотворил Бог небо с землею,
Сотворил Бог Адама с Еввою,
Наделил питаньем во светлом раю,
Во светлом раю жити во свою волю.
Положил Господь на их заповедь великую:
А и жить Адаму во светлом раю,
Не скушать Адаму с едного древа
Того сладка плоду виноградного.
А и жил Адам во светлом раю,
Во светлом раю со своею со Еввою
А триста тридцать три годы.
Прелестила змея подколодная,
Приносила ягоды с едина древа,
Одну ягоду воскушал Адам со Еввою
И узнал промеж собою тяжкой грех,
А и тяжкой грех и великой блуд:
Согрешил Адаме во светлом раю,
Во светлом раю со своею со Еввою.
Оне тута стали в раю нагим-наги,
А нагим-наги стали, босешуньки, —
Закрыли соромы ладонцами,
Пришли оне к самому Христу,
К самому Христу Царю небесному.
Зашли оне на Фаор-гору,
Кричат-ревут зычным голосом:
«Ты небесный царь, Исус Христос!
Ты услышал молитву грешных раб своих,
Ты спусти на землю меня трудную,
Что копать бы землю копарулями,
А копать землю копарулями,
А и сеить семена первым часом».
А небесной Царь, милосерде свет,

Опущал на землю его трудную.
А копал он землю копарулями,
А и сеил семена первым часом,
Выростали семена другим часом,
Выжинал он семена третьим часом.
От своих трудов он стал сытым быть,
Обуватися и одеватися.
От того колена от Адамова,
От того ребра от Еввина
Пошли християне православныя
По всей земли Светорусския.
Живучи Адаме состарелся,
Состарелся, переставился,
Свята глава погребенная.
После по той потопе по Ноевы,
А на той горе Сионския,
У тоя главы святы Адамовы
Выростала древа кипарисова.
Ко тому-та древу кипарисову
Выпадала Книга Голубиная,
Со небес та книга повыпадала:
В долину та книга сорока пядей,
Поперек та книга двадцети пядей,
В толщину та книга тридцети пядей.
А на ту гору на Сионскую
Собиралися-соезжалися сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
И сорок калик со каликою,
И могучи-сильныя богатыри,
Во единой круг становилися.
Проговорит Волотомон-царь,
Волотомон-царь Волотомонович,
Сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
А сорок калик со каликою
И все сильныя-могучи богатыри
А и бьют челом поклоняются
А царю Давыду Евсеечу:
«Ты премудры царь Давыд Евсеевич!
Подыми ты Книгу Голубиную,
Подыми книгу распечатывай,
Распечатывай ты, просматривай,
Просматривай ее, прочитывай:
От чего зачался наш белой свет?
От чего зачался со(л)нцо праведно?

От чего зачался и светел месяц?
От чего зачалася заря утрення?
От чего зачалася и вечерняя?
От чего зачалася темная ночь?
От чего зачалися часты звезды?»
Проговорит премудры царь,
Премудры царь Давыд Евсеевич:
«Вы сорок царей со царевичем,
А и сорок королей с королевичем,
И вы сорок калик со каликою,
И все сильны-могучи богатыри!
Голубина Книга не малая,
А Голубина Книга великая:
В долину книга сорока пядей,
В толщину та книга двадцети пядей,
В толщину та книга тридцети пядей,
На руках держать книгу — не удержать,
Читать книгу — не прочести.
Скажу ли я вам своею памятью,
Своею памятью, своей старою,
От чего зачался наш белой свет,
От чего зачался со(л)нцо праведно,
От чего зачался светел месяц,
От чего зачалася заря утрення,
От чего зачалася и вечерняя,
От чего зачалася темная ночь,
От чего зачалися часты звезды.
А и белой свет — от лица Божья,
Со(л)нцо праведно — от очей его,
Светел месяц — от темечка,
Темная ночь — от затылечка,
Заря утрення и вечерняя — от бровей Божьих,
Часты звезды — от кудре́й Божьих!»
Все сорок царей со царевичем поклонилися,
И сорок королей с королевичем бьют челом,
И сорок калик со каликою,
Все сильны-могучи богатыри.
Проговорит Волотомон-царь,
Волотомон-царь Волотомович:
«Ты премудры царь Давыд Евсеевич!
Ты скажи, пожалуй, своею памятью,
Своею памятью стародавнею:
Да которой царь над царями царь?
Котора моря всем морям отец?
И котора рыба всем рыбам мати?

И котора гора горам мати?
И котора река рекам мати?
И котора древа всем древам отец?
И котора птица всем птицам мати?
И которой зверь всем зверям отец?
И котора трава всем травам мати?
И которой град всем градом отец?»
Проговорит премудры царь,
Премудры царь Давыд Евсеевич:
«А небесной царь — над царями царь,
Над царями царь, то Исус Христос;
Акиян-море — всем морям отец.
Почему он всем морям отец?
Потому он всем морям отец —
Все моря из него выпали
И все реки ему покорилися.
А кит-рыба — всем рыбам мати.
Почему та кит-рыба всем рыбам мати?
Потому та кит-рыба всем рыбам мати —
На семи китах земля основана.
Ердань-река — рекам мати.
Почему Ердань-река рекам мати?
Потому Ердань-река рекам мати —
Крестился в ней сам Исус Христос.
Сионская гора — всем горам мати,—
Ростут древа кипарисовы,
А берется сера по всем церквам,
По всем церквам место ладану.
Кипарис-древа — всем древам отец.
Почему кипарис всем древам отец?
Потому древам всем отец —
На нем распят был сам Исус Христос,
То небесной Царь.
Мать божья плакала Богородица,
А плакун-травой утиралася,
Потому плакун-трава всем травам мати.
Единорог-зверь — всем зверям отец.
Почему Единорог всем зверям отец?
Потому Единорог всем зверям отец —
А и ходит он под землею,
А не держут его горы каменны,
А и те-та реки его быстрыя;
Когда выдет он из сырой земли,
А и ищет он сопротивника,
А того ли люта льва-зверя;

Сошлись оне со львом во чистом поле,
Начали оне, звери, дратися:
Охота им царями быть,
Над всемя́ зверями взять большину́,
И дерутся оне о своей большине́.
Единорог-зверь покоряется,
Покоряется он льву-зверю,
А и лев подписан — царем ему быть,
Царю быть над зверями всем,
А и хвост у него колечиком.
(А) Нагай-птица — всем птицам мати,
А живет она н(а) Акиане-море,
А вьет гнездо на белом камене;
Набежали гости корабельщики
А на то гнездо Нагай-птицы
И на его детушек на маленьких,
Нагай-птица вострепенется,
Акиан-море восколыблется,
Кабы быстры реки разливалися,
Топят много бусы-корабли,
Топят много червленыя корабли,
А все ведь души напрасныя.
Ерусалим-град — всем градам отец.
Почему Иерусалим всем градам отец?
Потому Ерусалим всем градам отец,
Что распят был в нем Исус Христос,
Исус Христос, сам небесной царь,
Опричь царства Московского».

2. ГОЛУБИНАЯ КНИГА

Ай, на той горы на Фагорския
Ко цюдну кресту животворящему,
Ко Латырю белу каменю,
Ко святой главы ко Адамовой
Выпадала Книга Голубиная.
Сия книга есть не малая,
Долиною книга долгая,
Шириною книга широкая,
Толщиною книга толстая.
На ту на славу на великую
Ко той ко Книге Голубиной
Сходилося много, соезжалося
Много царей, много царевицев,
Много королей, много королевицев.

У нас три царя да было большиих,
Костянтин был царь, да Волотоман-царь,
Был премудрый царь Давыд Осиевич.
Говорил Давыду Волотоман-царь:
«Ты премудрый царь, Давыд Осиевич!
Скажи, сударь, проповедуй нам:
Кто сию Книгу написывал,
Голубину кто напечатывал?»
Им ответ держал премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Осиевич:
«Писал сию Книгу сам Исус Христос,
Исус Христос, Царь небесный;
Цитал сию книгу сам Исай-пророк,
Цитал он книгу ровно три году,
Процитал из книги ровно три листа».
Ему вси цари поклонилися:
«Благодарствуешь, наш премудрый царь Давыд Осиевич.
Ты горазд, сударь, сказать по памяти,
По памяти, будто по грамоты;
Ты еще, сударь, нам про то скажи,
Что в Книге есть написано,
В Голубиной есть напечатано:
Отчего зачался наш белый свет,
Отчего воссияло солнце красное,
Отчего пекёт млад-светёл месяц,
Отчего пекут звезды цястыя,
Отчего зачалась утренняя заря,
Утренняя заря, заря вецёрняя,
Отчего у нас в земле ветры пошли,
Отчего у нас в земле громы пошли,
Отчего у нас в земле цари пошли,
Отчего зачались князья-бояры,
Отчего крестьяны православные?»
Им ответ держал сударь премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Осиевич:
«Волотоман царь Волотоманович!
Я еще вам, братцы, про то скажу,
Про то скажу вам, проповедаю.
В Голубиной Книге есть написано:
Оттого зачался наш белый свет —
От святого Духа Сагаофова;
Солнце красное от лица божья,
Самого Христа Царя небесного,
Млад-светёл месяц от грудей Божьих;
Звезды цястыя от риз Божьих;

Утренняя заря, заря вецёрняя
От очей Божьих, Христа Царя небесного;
Оттого у нас в земле ветры пошли —
От Святого Духа Сагаофова,
От здыханья от господнего;
Оттого у нас в земле громы пошли —
От глагол пошли от господниих,
Оттого у нас в земле цари пошли —
От святой главы от Адамовой;
Оттого зачались князья-бояры —
От святых мощей от Адамовых;
От того крестьяне православные —
От свята колена от Адамова».
Ему вси цари царю поклонилися:
«Благодарствуешь, наш премудрый царь Давыд Осиевич.
Ты еще, сударь, да нам про то скажи,
Про то скажи, проповедуй нам:
Который царь будет над царямы царь,
Кая земля всем землям мати,
Которо море всем морям мати,
Кое возеро всем возерам мати,
Кая река да всем рекам мати,
Который город городам мати,
Котора церква всем церквям мати,
Котора птица всем птицам мати,
Который звире всем звирям мати,
Кая гора всем горам мати,
Который камень каменям мати,
Кое древо всем древам мати,
Кая трава всем травам мати?»
Им ответ держал сударь премудрый царь,
Наш премудрый царь Давыд Осиевич:
«Я еще вам, братцы, про то скажу,
Про то скажу вам, проповедаю,
В Голубиной Книге есть написано:
У нас Белый царь будет над царямы царь.
Почему же Бел царь над царямы царь?
У нашего царя у Белого есть вера православная,
Область его превеликая надо всей землей,
Надо всей землей, над вселенною,—
Потому же Бел царь над царямы царь.
Свято-Русь-земля всем землям мати.
Почему же Свято-Русь-земля всем землям мати?
На ней стоят церквы апостольския,
Богомольныя, преосвященныя.

Оны молятся Богу распятому,
Самому Христу Царю нёбесному,—
Потому Свято-Русь-земля всем землям мати.
Окиян-море всем морям мати.
Почему же Окиян-море всем морям мати?
Обкинуло то море вокруг землю всю,
Во нем Окияне во мори пуп морской;
С-под восточной со сторонушки
Выставала из моря церковь соборная
С двенадцатью со престоламы,
Святу Климанту, папы римскому,
Святу Петру Александрийскому,—
Потому ж Окиян-море всем морям мати.
Ильмень-возеро возерам мати.
Не тот Ильмень, который над Новым градом,
Не тот Ильмень, который во Царе-граде,
А тот Ильмень, который во Турецкой земли
Над начальным градом Иорасолимом.
Почему ж Ильмень-возеро возерам мати?
Выпадала с ёго матушка Иордань-река,
Иордань-река да всем рекам мати.
Почему ж Иордань-река рекам мати?
Крестился в ней истинный Христос
И купался в матушке Иордань-реки,—
Потому Иордань-река рекам мати.
Кит-рыба всем рыбам мати.
Почему же кит-рыба всем рыбам мати?
На китах-рыбах земля основана;
Стоит кит-рыба не сворохнется.
Когда ж кит-рыба поворотится,
Когда мать-земля вся всколыбнется,
Тогда белый свет наш покончится,—
Потому кит-рыба всем рыбам мати.
Иорасолим-город городам мати.
Почему же Иорасолим-город городам мати?
Иорасолим-город посреди земли,
Посреди земли, в нем пуп земли.
Во начальном граде Иорасолиме
Стоит там церковь соборная
Святой святыни Богородицы.
Почему тая церковь всем церквам мати?
Пребывает в церквы господен гроб,
На воздусях стоит он вознесен,
Фимиямы, ладан рядом курятся,
Свещи горят неугасимые —

Потому святыня всем церквам мати.
Псалтырь-книга всем книгам мати.
Почему Псалтырь-книга всем книгам мати?
Поминаются праведных родители —
Потому Псалтырь-книга всем книгам мати.
Стрефил-птица всем птицам мати.
Почему же Стрефил-птица всем птицам мати?
Живет Стрефил посреди моря,
Она ест и пьет на синем море,
Она плод плодит на синем море.
Когда Стрефил вострепещется
Во втором часу после полуночи,
Тогда запоют вси петухи по всей земли,
Осветится в те поры вся земля,
Потому Стрефил-птица всем птицам мати.
Белояндрих-звирь всим звирям мати.
Почему же Белояндрих-зверь всем звирям мати?
Стоит тот звирь в горы Сионския;
Когда звирь в горы поворотится,
Тогда мать-земля под ним всколыбнется,
Тогда все звирья ему поклонятся,
Потому Белояндрих всем звирям мати.
Фагор-гора всем горам мати.
Почему же Фагор-гора всем горам мати?
Преобразился там сам Исус Христос,
Двунадесять он апостолам,
Двунадесять он учителям,
Показал славу великую ученикам своим;
Со матушки со Фагорской горы
Вознесся он свет на небеса,
Потому Фагор-гора всем горам мати.
Белый Латырь-камень всем каменям мати.
Почему бел Латырь-камень каменям мати?
На белом Латыре на камени
Беседовал да опочив держал
Сам Исус Христос Царь небесный
С двунадесяти со апостолам,
С двунадесяти со учителям;
Утвердил он веру на камени,
Распустил он книги по всёй земли,
Потому бел Латырь-камень каменям мати.
Кипарисно древо всем древам мати.
Почему же кипарисно древо всем древам мати?
Словет то древо преблаженное,
Был вырезыван чуден поклонен крест,

На нем распят был истинный Христос,
Потому кипарисно древо всем древам мати.
Плакун-трава всем травам мати.
Почему ж Плакун-трава всем травам мати?
Когда вели Христа на распятие,
Тогда плакала мать Пресвятая Богородица,
Ронила слезы из ясных оцей на сыру землю;
От нёи ли от слез от пречистыих
Выростала на землю Плакун-трава;
Из того Плакун из кореня
У нас режут на земли цюдны кресты,
А их носят старцы-инохи,
Мужие их носят благоверные:
Они тем, сударь, больше спасаются».
Ему вси цари царю поклонилися:
«Благодарствуешь, наш премудрый царь Давыд Осиевич.
Ты горазд сказать по памяти,
По памяти, будто по грамоты».
Испроговорил ему Волотоман-царь:
«Ты премудрый царь Давыд Осиевич!
Ты еще, сударь, да мне про то скажи,
Царю сон порассуди.
Кабы мне царю да Волотоману
Мало снилось, грозно виделось:
Кабы далече было во чистом поли
Два заяцька вместе сходилися,
Один беленькой да другой серенькой,
Промежу собой оны подиралися;
Кабы белой серого преодолел,
Кабы бел пошел с земли на небо,
А сер пошел да по чисту полю.
Уж ты можешь ли проповедати?»
Им ответ держал сударь премудрый царь:
«Волотоман-царь Волотоманович!
Я еще вам, брат, про то скажу,
Про то скажу, царю сон порассужу.
В Голубиной Книге есть написано:
Не два заюшка вместо сходилося,
Сходилася Правда со Кривдою;
Кой гди бел заяц, тут Правда была,
Кой гди сер заяц, тут Кривда была.
Кабы Правда Кривду преодолела.
При последнем будет при времени,
При восьмой будет при тысяци,
Правда будет взята Богом с земли на небо,

А Кривда пойдет она по всёй земли,
По всёй земли, по всёй вселенныя,
По тем крестьянам православныим,
Вселится на сердца на тайныя;
Кто делает дела тайныя,
От того пойдет велико беззаконие».
Ему все цари поклонилися:
«Благодарствуешь, наш премудрый царь Давыд Осиевич.
Ты горазд сказать, сударь, по памяти,
По памяти, будто по грамоты;
Прочитал про Книгу Голубиную,
Про все мудрости повселенныя».
А мы век большим царям славы поем,
Им век славы не минует,
Во веки веков. Аминь.

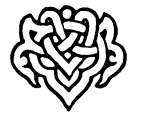
3. ЕВАНГЕЛИСТАЯ ПЕСНЬ

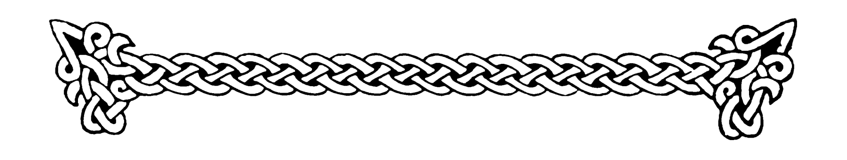
Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть Един?
«Един сын у Марии,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».
Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть Два?
«Два тавля́ Исеевы;
Един Сын на Сионской горе,
Царствует и ликует
Един Бог над нами».
Вы люди оные,
Рабы поученые
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть Три?
«Три патриарха на земле;
Два тавля́ Исеевы;
Един Сын на Сионской горе,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».
Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!

Поведайте, что есть Ч е т ы р е?
«Ч е т ы р е листа евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля́ Исеевы;
Един Сын на Сионской горе,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».
Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть П я т ь?
«П я т ь ран без вины Господь терпел;
Четыре листа евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля Исеевы;
Един Сын на Сионской горе,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».
Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть Ш е с т ь?
«Ш е с т ь крыл херувимскиих;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля́ Исеевы;
Един Сын на Сионской горе,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».
Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть С е м ь?
«С е м ь чинов ангельских;
Шесть крыл херувимскиих;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля́ Исеевы;
Един Сын на Сионской горе;
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».
Вы люди оные,
Рабы поученые,

Над школами выбраны!
Поведайте, что есть Восемь?
«Восемь кругов солнечных;
Семь чинов ангельских;
«Шесть крыл херувимскиих;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля́ Исеевы;
Един Сын на Сионской горе,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».
  Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть Девять?
«Девять в году радостей;
Восемь кругов солнечных;
Семь чинов ангельских;
Шесть крыл херувимскиих;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля́ Исеевы;
Един Сын на Сионской горе,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».
  Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть Десять?
«Десять Божьих заповедей;
Девять в году радостей;
Восемь кругов солнечных;
Семь чинов ангельских;
Шесть крыл херувимскиих;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля́ Исеевы;
Един Сын на Сионской горе,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».
  Вы люди оные,
Рабы поученые,

Над школами выбраны!
Поведайте, что есть Един-на́-десять?
«Един-на-десять апостолов;
Десять Божьих заповедей;
Девять в году радостей;
Восемь кругов солнечных;
Семь чинов ангельских;
Шесть крыл херувимскиих;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля́ Исеевы;
Един Сын на Сионской горе,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».
Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть Два-на́-десять?
«Два-на-десять в году месяцев;
Един-на-десять апостолов;
Десять Божьих заповедей;
Девять в году радостей;
Восемь кругов солнечных;
Семь чинов ангельских;
Шесть крыл херувимскиих;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля́ Исеевы;
Един Сын на Сионской горе,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».





ПЕРСОНАЖИ И СЮЖЕТЫ ИЗ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

4. ПЛАЧ АДАМА

Праведное солнце
В раю воссияло,
Весь рай осветило,
Весь рай осветило,
Все райские кущи.
  Расплакался Адам,
Перед раем стоя:
«Ты рай мой, рай!
Пресветлый мой рай!
Меня ради, Адама,
Сотворён, строен;
Меня ради, Адама,
Рай заключили.
Ева согрешила,
Адама прельстила,
Весь род наш отгнала
От раю святого,
Себе помрачила,
Во тьму погрузила».
Адам вопияше
К богу со слезами:
«Боже мой милостивый,
Помилуй нас, грешных!
Увы мне, грешному,
Увы беззаконному!
Уже я не слышу
Архангельска гласа,
Уже я не вижу
Райския пищи!»
  Возговорит Ева,
Адаму глаголует:
«Адаме, Адаме,
Ты мой господине.

Не велит Господь Бог
Земным в раю жити.
Послал нас Господь Бог
На трудную землю.
Велел нам Господь Бог
Трудами кормиться,
Велел нам Господь Бог
Хлеб севати
И хлеб воскушати,
И правдою жити,
А зла не творити.
Христос Бог родится,
В Иордани крестится,
В Иордани крестится,
Весь мир возновится,
Весь мир возновится,
Адам освободится».
  Христос народился,
В Иордане крестился,
Весь мир обновился,
Адам освободился.
  И мы, друзи-братие,
Прибегнем мы к церкви,
Послушаем, братие,
Божия писания.
Бог нас наказует
Щедрот своих ради,
Чтобы мы не впали
В превечную муку.
Послал нас Господь Бог
На трудную землю,
Велел нам Господь Бог
Правдою жити
И зла не творити.
Оставим мы злобу,
Восприемлем кротость,
Возлюбим мы нищих,
Убогую братью,
Накормим мы голодных,
Напоим мы жаждых,
Обуем мы бóсых,
Оденем мы нáгих,
Оденем мы нáгих
Своим одеяньем,
Проводим мы мертвых

От двора до церкви
С ярыми свечами,
С горькими слезами,-
Последнего свиданья
И последнего прощанья.
Прижмем руки к сердцу,
Прольем слезы к Богу.
И воззрим мы, братие,
На дубовые гробы.
Ой вы гробы, гробы,
Превечные домы!
Сколько нам ни жити,
Вас не миновати!
Тела наши по́йдут
Во сырую землю,
Земле на преданье,
Червям на точенье;
Души наши по́йдут
По своим по местам.
Всё-то мы знаем
И всё-то мы помним:
Доброго не делаем,
Что нам Бог написует
И что Бог нам наказует
В писании божием.
Дает нам Господь много,
Нам кажется мало:
Ничем мы не насытимся,
Ничем мы не наполнимся.
Очи наши — ямы,
Руци наши — грабли,
Глаза завидущи,
А руки загребущи:
Что́ глазами завидели,
То руками заграбили.
А на вторым пришествии
Ничто не поможет,
Ничто не пособит —
Ни злато, ни се́ребро,
Ни цветное платье,
Ни дружья́ и ни братья.
Только нам пособит,
Только нам поможет
Пост и молитва,
Слезы и покаянье,—

Слезы покаянья
Душам на спасенье.
  Богу нашему слава,
Честь и держава
Отныне до веку веков.
  Аминь!

5. ОСИП ПРЕКРАСНЫЙ

  Во славном было во гради во Израиле,
Жил-был благоверный муж Яков.
Имел он два-на́-десять сыновей.
Старейшая бо́льшая братья,
Всегда оны в поли пребывали,
На горах оны козлов, овец пасоша;
Меньший юнош молодыий,
Именем же Осип Прекрасный,
Завсегда он в своем доме пребывает,
Отца своёго Якова спотешает
Своёй великой красотою,
Своёй отличной лепотою.
Рецет же старейший отец Яков:
«Юнош ты мой молоды́ий,
Именем же Осип Прекрасный!
Поди в чисто поле к своёй братьи,
Снеси ты им хлеба на трапезу,
Снеси им родительско прощенье
Снеси от меня благословленье,
Чтобы жили бы братья в совити,
В совити жили бы, во любови,
Друг друга оны бы любили,
Один одного бы почитали,
За едино хлеб-соль воскушали».
  Тут его юнош молодыий,
Именем же Осип Прекрасный,
Одевал он свою цветную ризу,
Скоро из палат вон истекает.
Приходил он в чисто поле к своёй братьи,
Пред братией Осип становился,
Миром своёй братии сказует:
«Старейшая большая братья!
Принес я вам хлеба на трапезу,
Принес вам родительско прощенье,
Принес вам родительско бласловленье;

Живите вы, братия, во совити,
Во совити живите, во любови,
Друг друга вы любите,
Один одного почитайте,
За едино хлеб-соль воскушайте.
Ай же вы, старейшая большая братья!
Грозим мне-ка сон показался:
Как будто мы в поле пребывали
На трудной на крестьянской на работе,—
Но снопу пшена мы все выжинали,
Мой сноп красивее всех, больше,
Вашья снопы к ему приклонивши».
Старейшая большая братья,
Свирипо оны на Осипа взирали,
Все оны зубами скрежетали:
«Ай же ты, наш меньший брат Осип!
Неужёль ты над нами будешь ца́рем,
Неужёль мы тебе будем поклоняться?»
С яростию Осипа взымали,
Оны начали его бить беспощадно,
Цветну с ёго ризу скидавали,
Во глубокий ров Осипа ввержили,
Желтыма пескамы засыпали;
Оны взяли — козла закололи,
Из козла оны кровь источили,
Во козелью кровь ризу замарали.
Рече тут старейшая большая братья:
«Как буде отцу Якову сказати,
Как буде Израиля оболгати?
Ай же ты, наш меньший брат Велиамине!
Поди ты домой к отцу Якову,
Снеси ты эту Осипову ризу,
Оболги ты старейшего отца Якова,
Принеси ты нам хлеба на трапезу,
Принеси ты нам родительско прощенье,
Принеси ты нам родительско бласловленье».
Меньший брат Велиамине
На руки он ризу принимает.
Пришедши домой к отцу Якову:
«Старейший отец наш Яков!
Прими ты эту цветную ризу:
Цветная риза есть Осипа.
Нашли мы эту ризу на горах —
На горах лежит риза повержена.
Мы не знаем, куда он подевался:

Таки ль шел в пустыню — заблудился,
Али ёго разбойники убили,
Али ёго звири растерзали,
Али ёго птичи расклёвали!
Старейший отец наш Яков
На ручи он ризу принимает,
Крепко к сердцу ризу прижимает,
Горяцие слезы проливает:
«Юнош ты мой молодыий,
Именем же Осип Прекрасный!
Ты куда, мое цядо, подевался?
Таки ль шел в пустыню — заблудился,
Не была бы твоя риза предо мною;
Кабы тебя разбойники убили,
Не оставили бы Осиповой ризы:
Осипова риза не простая,
Осипова риза золотая;
По частям бы оны ризу разодрали,
По жеребьям ризу разметали,
По разбойникам бы ризу разделяли;
Как бы тебя звири растерзали,
Знать было звериное терзанье.
Знать было зубное б изгрызанье
На этой на Осиповой ризе;
Как бы тебя птичи расклёвали,
Знать было бы птицие клёванье,
Знать бы негтиное терзанье
На этой на Осиповой ризе.
Видно, братия Осипа сконцяли!»
Старейший отец Яков
Возмолился он Господу со слезамы·
«Сохрани, Господь, любезное мое цядо
От злой от напрасныя смерти».
Старейший отец Яков
Никуда Вельямина не спущает,
Он ёго к старейшей большей братье,
Он ёго со хлебом не спущает.
Старейшая большая братья,
Пошли оны со трудной со работы,
Зашли брата Осипа посмотрели:
Осип во рву слезно плацет,
Ко матушке сырой земле причитает.
Старейшая большая братья
Желты пески оны разгребали,
Осипа из рова поднимали,

Оны хочут его да убити,
Придать ему злую смерть напрасну.
Возмолился Осип Прекрасныий:
«Старейшая большая братья!
Не придайте мне злой смерти напрасной,
Не пролейте моёй крови бесповинной:
Чем я вам есть не угоден?
Лучше вы продайте меня на цену,
Себе-ка мзду поберите,
Велику́ корысть полуците».
Старейшая большая братья
Промежду собой совитом предложили,
Согласились оны Осипа продати.
На путь, на дорогу выводили,
Которым путем идти к Египту.
По той по пути по дороги
Ехали измаильска купцина.
Старейшая большая братья
Оны начали купцам его продавати:
«Богатая измаильская купцина!
Купите себе у нас лакея,
Купите себе крепостного».
Богатая измаильска купцина
Жалобно на Осипа взирали,
На цену оны Осипа покупали,
Тридцать оны сребрениц давали.
Старейшая большая братья
Тридцать оны сребрениц поняли,
Промежду собой оны поделяли,
Великую корсть получали.
Богатая измаильская купцина
Сковали оны Осипа, связали,
Повезли в Египетское царство.
Притекали супротив горы Патроны,
Где была погребена мать его Рахиля.
Возмолился Осип Прекрасныий:
«Богатая измаильская купцина!
Слободите вы ручи мои, нозе,
Пустите меня на гору Патрону,
На тую на родительску могилу,
Чудныем крестам помолиться,
К матерному гробу приложиться,
Взять мне родительско прощенье,
Взять мне на веки бласловленье,—
Больше мне у ёя не бывати,

Больше мне и век буде не видати».
Богатая измаильская купцина
Слободили ручи ему, нозе,
За стражами его на гору спущали.
Тут его стражи проводили
На тую на гору на Патрону,
На ту на родительску могилу.
Осип же Прекрасныий
Цюдныем крестам он помолился,
К матерному гробу приложился,
Горяцие он слезы проливает,
Умильныма словами причитает:
«Увы, увы, моя матушка Рахиля!
Возьми, мати, меня к себе во́ гроб:
Не могу служить царю я Харавону,
Не умею я тяжкой работы работати;
Дай ты мне родительско прощенье,
Дай ты мне на веки бласловленье,—
Больше у тебя мне не бывати,
Больше мне тебя век не видати».
Тут скоро стражи ёго поднимали,
Ласковыма словамы увещали:
«Юнош ты наш молодыий,
Именем же Осип Прекрасныий!
Со твоёю великой красотою,
Со твоёю отличной лепотою,
Не будешь служить ты царю Харавону,
Не будешь ты тяжкой работы работати:
Будешь с воеводамы ты забавляться,
Будешь большо место занимати,
С вельможами ты честь производити».
Сковали его, Осипа, связали,
На корабь ёго, Осипа, проводили,
Повезли во Египетское царство.
Богатая измаильская купцина
Великия ссоры чинили,
Нацяли оны Осипа делити,—
Один одному не сдавает,
На цену его не продавает;
Согласились ёго жива бросить в море.
Возмолился тут Осип со слезамы:
«Богатая измаильская купцина!
Не бросайте меня живого в море,
Не придайте злой смерти напрасной —
Буду служить я вам погодно.

Если вам, купцы, не угодно,
Буду я служить по полугоду;
Если вам, купцы, не угодно,
Буду я служить помесячно;
Если вам, купцы, не угодно,
Буду я служить понедельно;
Если вам, купцы, не угодно,
Свезите во Египетское царство,
Продайте луце меня на цену,
Себе-ка вы мзду поберите,
Великую корысть получите».
Богатая измаильская купцина
Промежду собой совит предложили,
Согласились оны Осипа продати.
  Как скоро оны будут под Египтом,
На торжище оны Осипа выводили,
Дорогую цену запросили.
Множество народа собралось,
Все на красу его взирали.
Богатая египетская купцина
Все оны торги постановили,
Все купли-продажи прикрыли,
Все оны на Осипа взирали,
Не могли цену ему оценити.
Богатый Перфилий-князь
Жалобно на Осипа взирает,
На цену он Осипа покупает,
Бесцётную казну за ёго давает,
Без пошлины торговать в граде позволяет.
Богатая измаильская купцина
На цену оны Осипа продавали,
Бесцётную казну за ёго поняли,
Великую корысть полуцяли,
Без пошлины в граде торговали.
  Богатый Перфилий-князь
В любовь к себе Осипа принимает,
За едино хлеб-соль воскушает,
С оцей никуда ж не спущает.
У князя зла была княгиня,
Сердцем своим возмутилась,
На Осипову красоту засмотрелась.
В особые покои выходила,
Бело свое лицо умывала,
Дороги одежды одевала,
Золоты монисты налагала,

Во теплую во спальню проходила,
Туда к себе Осипа призывала,
За белыя за руки захватила,
Бесстыжия реци говорила:
«Юнош ты мой молодыий,
Именем же Осип Прекрасный!
Ты ложись на мягкую мою ложню,
Мы будем с тобой жить во любови,
Во любови жить, во совити.
Если же ты князя убоишься,
Споим князя злыма питьямы:
Ты будешь наместный князь во Египте,
Повладеешь ты княженецким местом,
Повладеешь ты всёй ёго одеждой».
Осип же Прекрасныий,
Возмолился он Господу со слезамы:
«Сохранил меня Господь братния смерти,
Сохранил Господь купеческия смерти,
Сохрани, Господь, телесного согрешенья!»
От того от Осипова от моленья,
Яко голубь, дух на небо возлетает.
Осип же ей на место отвечает:
«Ай же ты, Египетска княгина!
Не хочу я жить с тобой в совити,
В совити жить, во любови,
Не хочу я сквернить княженецкую ложню».
Зла жена вельможина
За грубость за великую почитала,
За цветну за ёго ризу захватила,
Она хочет силой ёго в любовь к себе взяти.
Осип с себя ризу скидавает,
Один от ней прочь отбегает.
Зла жена вельможина
Дороги одежды скидавала,
Золоты монисты сорывала,
По теплыя спальны раскидала,
Белое лицо свое растерзала,
Женски свои власы растрепала,
Сама женским голосом кричала:
«Князь ли ты мой возлюбленный!
Какой у тя взят душегубец,
Какой у тебя взят лиходеец?
Он на меня наступает,
На вашу на княженецку ложню;
Он хочет силой меня в любовь взяти,

Он хочет сквернить вашу ложню!»
  Богатый Перфилий-князь
Свирепо на Осипа взирает.
Приказал стражам Осипа взимати,
Приказал ёго в темницу засадити,
В которой сидело два сидельца:
Один-от сидел хлебодарец,
Второй-ёт сидел виночерпец,
Третий с има Осип Прекрасныий.
Оны вкупе ночь ночевали.
Тем ли двум посидельцам
В одну ночь им по сну показалось;
Скоро ото сна они пробуждались,
Один одному рассказали.
Речет хлебодар виночерпу:
«Ай же ты, мой братец виночерпец!
Мне-ка грозим сон показался:
Как будто черные враны прилетали,
Темную темницу отворяли,
Ясныя мне очи исклевали».
Речет виночерп хлебодару:
«Ай же ты, мой братец хлебодарец!
Мне-ка грозим сон показался:
Как будто красное солнце восставало,
Во темную темницу воссияло».
Речет им тут Осип Прекрасныий:
«Ай же вы, два брата, два сидельца!
Я буду снов ваших судитель:
Тебе, хлебодару, быть свершену,
Тебе, виночерпу, быть прощену».
Взмолился ему Осип Прекрасныий:
«Ай же ты, мой братец виночерпец!
Когда ты будешь при староем при месте,
Когда будешь при старой при степени,
Не забудь меня, бедного, в темницы».
За тыя за самыя за речи,
Сидеть бы тут Осипу три дни,
За то он будет сидеть три года[1].
  Тут скоро ночь скороталась,
Тут скоро темницу отворяли,
Тут скоро указ прочитали,
Взяли хлебодара — повершили;

[1] Потому что, по словам певца, он обратился прежде к человеку, а не к Богу. *(Примеч. собирателя.)*

Тут оны второй прочитали,
Взяли виночерпа — простили,
На старое место положили,
На старое место виночерпом.
Прошло того времени три года.
Грозному царю Харавону
Два сна в одну ноць показалось.
Первой-ёт сон ему показался:
Первое семь волов проходило,
Толсты волы, гладкие, баские,
По чистому полю расходились,
На лугах травы оны не ели,
Из ручей, с болот воды оны не пили,—
Тое семь волов проходило.
Второ семь волов проходило,
Тощи волы, гладны, ядовиты,
На лугах всю траву оны приели,
Из ручей, с болот воду оны припили,—
Тое семь волов проходило.
Тут скоро ночь скороталась,
Царь ото сна пробуждался,
Царские указы рассылает,
К себе сносудильцев призывает,
Снов его царских рассуждати;
Никто не может снов его судити.
  Тот ли боярин виночерпец
Напомнил он Осипа в темницы.
Пришел виночерп к государю,
Пред царя виночерп становился,
Сам он царю поклонился:
«Грозимый царю Харавоне!
Дозволь мне-ка слово зговорити,
Не возьми мои речи за досаду.
У нас в темницы посиделец,
Посиделец Осип Прекрасный;
Он может сны твои судити,
Он может про сны вам говорити».
Грозимый царь Харавоне
Скоро он за Осипом отсылает,
Приказал он Осипа взимати,
Приказал из темницы выводити.
  В царские палаты заводили,
Пред царя Осипа становили.
Рече царь Харавоне:
«Юнош ты мой молодый,

Именем же Осип Прекрасныий!
Можешь ли ты сны мои судити?»
Осип же на место отвечает:
«Грозимый царю Харавоне!
Вашие сны есть не простые,
Вашие сны есть царские,—
Нельзя просто снов ваших судити.
Ты отдай с себя царскую одежду,
Ты отдай с себя царскую порфиру,
Посади меня на царское место,
Подай ты мне в руки царский шкипетр,
Положи на меня царскую корону:
Тожно я буду снов твоих судити»
Дал ему царь царскую одежду
Дал ему царь царскую порфиру,
Посадил ёго на царское место,
Подал ему в руки царский шкипетр,
Наложил на ёго царскую корону,
Стал насупротиву — поклонился,
Осипа царем нарекает:
«Юнош ты мой молодыий,
Именем же Осип Прекрасныий!
Можешь ли ты сны мои судити?
Есть ли сны мои рассудишь,
Будешь ты прощен и помилован,—
Буду жаловать я тебя воеводой,
Буду жаловать тебя полуцарством,
Буду жаловать тебя полудержавой,
После меня царем на царство».
Речет ему Осип Прекрасныий:
«Грозимый царь Харавоне!
Первой-ёт сон тебе показался,
Первое семь волов проходило,—
То наступит семь годов к ряду здоровых,
Везде будет, сударь, хлеб родиться,
Нигде не будут хлебы вызябати;
Приказывай ты хлеба посевати,
Посевай ты в лузях и болотах,
Посевай белояровой пшеницы,
Построй ты запасны магазины,
Распусти ты сумму большую
По всем иностранным государствам,
Приказывай хлеба закупати,
Привозить в Египетское царство,
Насыпй запасны магазеи.

Тое семь годов на проходе,
Второ семь годов наступит:
Нигде не будет хлеб, сударь, родиться,
Везде будет хлеб вызябати.
Как у тебя будут запасны магазеи,
Прокормишь ты всю свою державу,
С иных иностранных государствий
Будут к вам за хлебом приезжати,
Будут у вас хлеб откупати,
Вы будете велику корысть полуцяти».
Всии князья, вси бояра
(Вси сенаторы, генералы),
Вся египетская купцина
За Осипа Господа помолили,
За Осипа присягу принимали,
За Осипа крест целовали,
Осипа царем возносили.
  Воцарился Осип Прекрасный,
Повладел он царскою одеждой,
Повладел он всем государством.
Наступало семь годов к ряду здоровых,
Везде стал, сударь, хлеб родиться.
Осип же Прекрасныий,
Приказал он хлеба посевати,
Посевал он в лузях и болотах,
Построил запасны магазеи;
Распустил он сумму большую,—
По всем иностранным государствам,
Приказал он хлеба закупати,
Привозить в Египетское царство,
Насыпал запасны магазеи.
Скоро тое семь годов проходило,
Второ семь годов наступало.
Нигде не стал хлеб, сударь, родиться,
Везде стали хлебы зазябати.
Его были запасны магазеи,—
Прокормил он всю свою сдержаву,
Прокормил он все свое государство;
Со всех с иностранных государствий
Стали у них хлеба откупати.
Осип же Прекрасныий
Приказал им хлеба отпущати,
Стал себе великую корысть полуцяти.
  Проведал же старейший отец Яков
Во том во Израильском во граде,—

Отсылает старейшую большую братью
Во Египетское царство за хлебом.
Старейшая большая братья
Приезжали во Египетское царство,
Царю, оны, братья, доложили:
«Грозимый царю Харавоне!
Отпусти нам хлеба на цену».
Осип же Прекрасный
Жалобно на братию взирае,
Осип свою братью признавае,
Приказал он братию встречати,
Приказал в палату проводити,
Приказал за стол их посадити,
Приказал кормить их хлебом-солью;
Положил на стол цяшу золотую,
Золотую цяшу волховую.
Лужиком царь в цяшу ударяе,
Начал он цяшей волховати,
Начал свою братию пытати,
По имене братьев называе:
«Ай же вы, старейшая большая братья!
Жив ли у вас старейший отец Яков,
Жив ли у вас меньший брат Осип?»
Старейшая большая братья
Жива отца Якова сказали,
А жива брата Осипа не сказали.
Осип же Прекрасный
Приказывал возы хлеба насыпати.
Ко меньшому брату Вельямину
Приказал в воз цяшу засыпати,
Безденежно им возы отпущае,
Приказал со двора их провожати.
Осип же Прекрасный
Приказал коней своих залагати,
Проезжает за братией в догону.
Осип свою братью настигает,
Приказал он братью становити,
Приказал возы у них обыскати.
У меньшого брата Вельямина
Нашли в возу царскую цяшу.
Рече тут им Осип Прекрасный:
«Ай же вы, израильские люди!
Я вас кормил хлебом-солью,
Безденежно возы вам насыпал,
Еще вы тем мною недовольны,

Увезли мою царкую цяшу».
Старейшая большая братья
Свирепо оны на Вельямина взирали,
Все оны зубами скрежетали:
«Грозимый царь Харавоне!
Такой же дурак был ёго брат Осип,
Така ёму, дураку, и смерть слуцилась;
Того он добра, дурак, не помнит,
Что царь нас кормил хлебом-солью,
Безденежно возы хлебом насыпал,—
Увез он, дурак, вашу цяшу».
Осип же Прекрасныий
Сам начал жалобно плакать,
Горюцие слезы проливае,
Ко братии Осип отвечает:
«Ай же вы, старейшая большая братья!
Как бы я не дурак был, не мошенник,
Не кормил бы я вас хлебом-солью,
Не насыпал бы возы вам безденежно.
За что вы меня, братия, убили,
Цветную вы с меня ризу сдирали,
Во глубокий ров меня бросали,
Желтыма пескамы засыпали,
Почто изо рву меня вынимали,
Почто вы купцинам продавали?»
Старейшая большая братья
Стоят пред царем, аки мертвы,
К ногам главы свои преклоняли,
Горюцие слезы проливали:
«Прости, государь, нас, помилуй,
Прости ты нас, Осип Прекрасныий!
Осип же Прекрасныий
Того он зла братнего не помнит,—
Половину братии оставляет
К себе во Египетское царство,
Другу за отцом он отсылает,
Приказал отца Якова привозити
К себе во Египетское царство.
Старейшая большая братья
Приезжали во Израильское царство,
Отцу Якову братья доложили:
«Старейший отец наш Яков!
Нашли мы брата Осипа живого
Живого нашли во Египти,
Вторыем царем на престоле.

Он приказал тебя туда привозити,
К себе во Египетское царство».
Яков же блаженный
Старость свою отлагае,
Горюцие слезы проливае,
Скоро в путь-дорожку отправлялся,
Отправлялся в путь со всем родом,
Со всей старейшей большей братьей.
Осип же Прекрасный
Отца своего Якова сожидает,
Приказал столоб в землю становити,
Приказал он бархатом обшити.
Как скоро отец Яков на приезде,
Приказал он отца к столбу проводити.
Осип за столоб становился,
Жезло свое с руки оброняет,
Осип за жезлом наклонился,
Осип же отцу поклонился:
«Здраствуешь, старейший отец Яков!»
Яков же столоб к себе прижимает,
С обеих концов сок выступает:
«Свет ты, мое любезное чадо,
Юнош ты мой молодый,
Именем же Осип Прекрасный!
Затужило твое ретивое сердецько
На чужой на дальной на сторонки?»
Речет ему Осип Прекрасный:
«Старейший отец ты наш Яков!
Тут тебе столоб, сударь, поставлен;
Ты был ко столбу, сударь, приведен;
Укроти свое сердце богатырско,
Сдеем со мной доброе здоровье».
Речет ему старейший отец Яков:
«Спасибо, любезное мое чадо,
Что не шел теперь ко мне в руки:
Зажал бы с тоски тебя до смерти».
Осип же Прекрасный
Сдеял с отцом с Яковом здоровье.
Приказал ёго в палаты проводити,
Приказал за стол ёго посадити,
Приказал кормить ёго хлебом-солью.
Старейшую большую братью
Жаловал он всех боярамы,
[Жаловал генеральскима чинамы],
Жаловал удильныма городамы.

Яков же блаженный
Два-на-десять лет жил во Египте,
Стал он до Господа доходен,
Стал он от сёго света отходен.
Осип же Прекрасный
Приказал его мощи привозити
Во славно во Израильское царство.
Со славой Якова погребали
Во славном во Израильском царстве,
У соборной Божьей церкви.
Осип же Прекрасный
Сто десять лет царствовал во Египте,
Стал он до Господа доходен,
Стал он от сёго света отходен.
Повелел свои мощи привозити
Во славно во Израильское царство.
Во Божию церковь заносили,
Со славой Осипа погребали.
Ему слава и ныне,
Во веки веков. Аминь.

6. ПЛАЧ ИОСИФА ПРЕКРАСНОГО

«Кому повем печаль мою,
Кого призову к рыданию?
Токмо тебе, Владыко мой,
Известна тебе печаль моя,
Моему Творцу, создателю
И всех благих подателю.
Буду просить я милости
От всея моея крепости.
Кто бы мне дал источник слез,
Я плакал бы день и нощь:
Рыдал бы о грехах своих,
Пролиял бы слезы от очию,
Аки реки едемския,
Погасил бы я огонь геенский.
Буду просить я милости
От всея своея крепости.
Кто бы мне дал голубицу,
Вещающую беседами,—
Послал бы ее ко Иакову,
Отцу моему Израилю.
Отче, отче Иакове,

Святый мой Израилю,
Пролей слезы ко Господу
О сыне своем Иосифе.
Твои дети, мои братья,
Продаша меня в ину землю,
Исчезнуша мои слезы
О моем с тобою разлучении.
Умолкнула гортань моя,
И несть того, кто б утешил мя.
Земле, земле, возопившая
Ко Господу за Авеля,
Возопий ныне ко Иакову,
Отцу моему Израилю!
Видев же гроб своей матери,
И слезы струями явилися.
Вижде, мати моя, Иосифа!
Восстань скоро ты из гроба,
Твое чадо любимое
Ведомо есть погаными,-
Братья моя продаша мя.
Иду же к ним в работу я,
А мой отец не весть сего,
Что сын ныне лишен его.
Отверзи гроб, моя мати,
Приими ныне свое чадо,
И будет твой гроб тебе и мне,
Умру ныне я горше зде.
Приими, мати, плач горький,
От отца моего разлученного.
Внуши, мати, плач горький
Мой жалостный глас тонкий;
Плачевный вижде образ мой,
Приими, мати, скоро во гроб свой.
Не могу более плакати,
Вра́зи хощут заклати мя,
Рахиль, Рахиль, ты слышишь ли?
Сердечный плач ты приимлешь ли?
Призывал я много Иакова,
Не слышит он моего гласа.
Зову ныне к тебе, мати,
Держат мене супостаты.
Помози, мати, лишенному,
Своему сыну любезному».

Смутилися погании,
Купцы злии, агаряне:

«Не лей чары, Иосифе,
Не [в]веди в печаль господей своих.
Прободём тебя на сем месте,
Погубим злато, за тя данное».
Тогда купцы поверили,
Дряхлость в лице увидели.
«Скажи нам, раб Иосифе,
За что ты продан в работу к нам?
Тех ли ты раб или пленник,
Или какой-от сродник их?»
Иосиф же смиренный
Глаголы веща умиленные:
«Я не раб, не пленник их,
Но любезный сын Израилю.
Пастуси же суть моя братия,
Вся единого отца есмы.
Послан я был отцем моим
Донести мир к братиям своим,
Они же меня вам продали,
В работу вечно отдали».
Купцы рекоша Иосифу:
«Не плачь ты, юноша прекрасный,
Несть ты нам раб, но буди брат,
В великой славе будешь там».

7. СОН САЛАМАНОВА ОТЦА

Говорит царь Антоломан Антоломанович:
«Ты премудрый царь Давыд Асеевич!
Мне нoчéсь спалось, во снях виделось:
Как быв у меня в зеленóм саду
Вырастало дерево сахарнее,
И всем-то деревце изукрашено,
Листьицем оно изнавешено.
Из дáлеча, далéча чиста поля
Налетала птичка малешенька,
Сердцем — тым зла, негтем востра,
Села на деревце сахарнее,
Распустила крылья до сырой земли —
Не видать того деревца из-под крыл ее»
И проговорит царь Давыд Асеевич:
«Царь Антоломан Антоломанович!
Я скажу тебе, проповедаю,
Сам твой я сон тот пороссужу

Не деревцо у тебя вырастало в зеленóм саду,—
У твоей царицы благоверныя
Будет чадо, едина дочь;
А не птичка налетела из чиста поля,
А у моей царицы благоверныя
Будет чадо, единый сын.
И пройдет времени ровно тридцать лет,
И може, мой сын на твоей дочери женат будет».

8. О ЦАРЕ ДАВЫДЕ И ОБ ЕГО ДОЧЕРИ ОЛЁНЕ

У царя у Давыда
Был сын Соломон,
Была дочка Олёна.
Дочку призывает:
«Ох ты, дочка Олёна!
Вставай ты по утру поране,
Умойся ты беленько,
Надевай ты платье подвенечно».—
«Ох ты, батюшка разумный!
Кажи ты мне законного брака,
Что я буду его знати?» —
«Твой жених стоит в Божьей церкви,
В Божьей церкви тебя дожидается».
Она в Божью церкву пришла,
Увидала сво́во брата.
Закон не примает,
Мать венца на главу не надевает;
Все с себя цветно платье кидала,
Башмачки и чулочки с ног бросала.
Побегла она по беленькому снежочку,
По лютому по морозу.
Побегла она ко батюшкиному к окошку:
«Ох ты, батюшка родимый, отоприся!» —
«Ох ты, дочка Олёна!
Назови ты меня лютыим свёкром?»
«Ох ты, батюшка родимый!
Где это виделося,
В котором царстве случилося,
Чтобы батюшку лютым свекром назвати?»
Побегла она ко матушкиному к окошку
По беленькому по снежочку,
По лютому по морозу:
«Ох ты, матушка родима, отоприся!

Все я ноженьки свои признобила».—
«Ох ты, дочка Олёна!
Назови ты меня лютою свекровью?» —
«Ох ты, матушка родима!
Где это случилося,
Чтобы матушку свекровью называти?»
  Побегла она ко братнину к окошку:
«Ох ты, братец родимый, ты отоприся!
Все я ноженьки признобила».—
«Ох ты, сестрица родима!
Назови ты меня законныим браком?» —
«Ох, братец родимый!
Где это случилося,
Чтобы родну сестру брату взяти?»
  Побегла она во чистое поле,
Всплакнула она своим жалкиим голосом:
«Ох, вы собегайтеся, лютые звери,
Вы съедайте мое бело тело —
Моя душа много согрешила.
Солетайтися, карги-воро́ны, черны воро́ны,
Растерзайте вы мое тело белое!»
И собегалися лютые звери,
Солеталися карги-воро́ны, черны воро́ны,
Растерзали ея тело белое
И растаскали ея тело по чисту полю.
Пошла ея душенька ко Господу Богу.

9. САМСОН-БОГАТЫРЬ

  Славный Самсон, богатырь святорусскиий,
Ехал на добром коне богатырскоем
По славному раздольицу чисту полю
И усмотрел идучись по чисту полю
Дородня добра молодца пехотою.
Как припустит скакать коня богатырского
Во всю силу лошадиную,—
Идет добрый молодец пехотою,
Во след не останется;
Поедет Самсон тихою вольготою,
Добрый молодец во след не наступывает.
Становил добра коня богатырского
И ожидал к себе добра молодца.
Оны с эстым человеком в поле съехались,
Говорили разговор промежду собой:

«Что же ты, удаленькой дородний добрый молодец,
Ходишь по чисту полю пехотою:
Как припущу на добром коне богатырскоем
Ехать во всю силу лошадиную,
Ты от меня не оставаешься?
Когда еду тихою вольготою,
Тогда ты на меня не наступываешь?»
Тут по Божью повеленьицу
Супротив их явился камень синенькой,
Камень синенькой, плита зеленая.
Этот удаленькой дородний добрый молодец
Полагает он малыя сумочки
Со своих плеч со могучиих
На эту на плиту на зеленую
И говорит Самсону-богатырю:
«Ай же ты богатырь святорусскиий!
Отведай взять мою ношицу
На свои на плечи на могучии
И побежать по славному раздольицу чисту полю».
Тут славный богатырь святорусскиий
Опущался со своего добра коня,
Принимался он за эты за сумочки,
За эты за сумочки одной рукой —
Никак этыя сумочки малыя
На камешке не сворохнутся.
Принимался он обема ручкамы белыма —
Сумочки на камешке не сворохнутся.
Принимался он со всей своей силой богатырскою
И припал своей грудью белою
Ко этым ко сумочкам ко маленьким,
И схватил всей силой великою,
По колену он угрязнул во зелен камень,
Столько мог подпустить малый дух
Под эты под сумочки под малыя.
И говорил Самсон таковы слова:
«От роду я эдакой ношицы не здымывал!
Кто ты есть, какой человек,
Какого ты рода-племени,
Откуда идешь, куда путь держишь?» —
«Ай же ты славный богатырь святорусскиий!
Послан я ангел от Господа
Поотведать твоей силы великия —
Погружена вся тягота во эты во сумочки».
Отвечал Самсон таковы слова:
«Аще в небеси было бы кольцо

И притянута оттуда цепь железная,
Притянул бы я небо ко сырой земли
И своей бы силой богатырскою
Смешал бы земных со небесныма.
И есть бы было кольцо во матушки сырой земли,
Мог бы я повернуть матушку сыру землю,
Повернул бы краем кверху
И опять бы перемешал земных со небесныма».

Тут ангел Божий утаился от Самсона от богатыря, а богатырь поехал по славному раздольицу чисту полю.

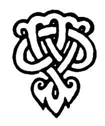
Затем Рябинин побывальщиной рассказывал, как Самсон, подобно Святогору, наехал на суд Божий, на кузнеца, и выковал ему кузнец: жениться в Поморском царстве на дочери Луки-калеки, которая тридцать лет лежала на гноище. Самсон-богатырь после свадьбы должен был признать, что

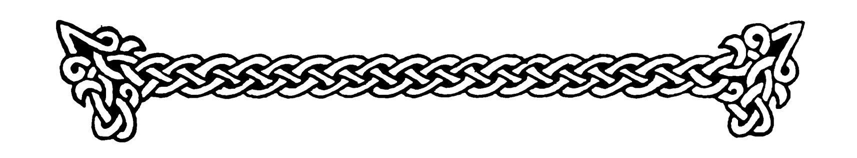
«Суда Божия на добром коне не объехати».
И то поговорье вперед пошло.

Когда жена Самсона из мужнего рассказа узнала, что Самсон хотел было разрубить ее нá-полы, когда она лежала в гноище, то крепко озлобилась на мужа.

С той поры стала выведывати:
«Боятся тебя, Самсон, все земли,
Все земли боятся и все орды.
Отчего ж силен и славен,
Силен, и славен, и громок?» —
«Оттого я силен, и славен, и громок,
Что имею на голове семь волос ангельских».
И сделался Самсон именинщиком,
И стал править именины своему ангелу,
И заводил пированьице, почестен пир.
Все на пиру наедалися,
И все на пиру напивалися,
Самсон-богатырь пуще всех.
И стали наливать ему хмельных напиточков;
Собирала друзей любимыих
И стригла ему голову дóнага,
И связали ему ручки белыя,
И выкопали очи ясныя.
Он как пробудился от крепкого сна,
Во белых ручушках не стало силы молодецкия
В ясных очушках не стало бела света:
«Ай же ты, жена, змея лютая!
Погубила ты меня на веки вечные».
Дала ему крепостную служаночку

И выгнала скитаться между дворамы
Со этой крепостной служаночкой.
И ходил он скитаться между дворамы.
Проходил поры-времени ровно три годы,
Приотрóстил на голову желты кудри,
Стал во плечах иметь силушку великую,
А столько не имел во ясных очах свету белого.
Говорил он своей верной служаночке:
«Ай же ты, служаночка моя верная!
Веди-ка во свой великой град,
Ко своим палатам белокаменным —
У меня ли были палаты построены
На двенадцати столбах на каменных».
Этая девица служаночка
Приводила его во великой град,
Ко тым палатам белокаменным.
Славный Самсон богатырь святорусскиий
Не видит он в очах свету белого,
А имеет во плечах силу великую.
И услышал он в палатах великое танцевание:
Сидит его жена любимая,
Забавляется, тешится с друзьями любимымы.
Славный богатырь святорусскиий
Подошел к столбу ко каменному
Под самый под большой угол,
Схватил ручкамы белыма,
Пороссыпал палаты белокаменны.
И тут убило Самсона-богатыря.
И тут ему, Самсону, славу поют.





ЕВАНГЕЛЬСКИЕ СЮЖЕТЫ

10. РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Во городе в Вифлееме
Что с вечера звезда восходила,
Со полу́ночи воссияла —
Что Пречистая голубица
Что Христа Бога породила,
И во пелены спеленала.
И во ясли Христа Бога полагала.
Приходили к нему персидстии цари,
Приносили ему честныя дары,
Что честныя — злато и ливаны.
«Мне не до́роги ваши да́ры,
А мне дороги ваши души;
А я буду Бог над богами,
А я буду царь над царями,
А я выберу себе апостолов,
А я дам-то им свою печать,
А я дам-то им свое крещение,
Разошлю я их по всем странам.
Кто приемлет их, той спасется,
А не приемлет их, той мучиться будет».

11. ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ

Дева Мати Пречистая,
С небес звезда просветила,
Просветилась в темной ночи,
Воссияла на Востоке.
Как по роду Адамову
Из колена Аврамова
Христос на земле народился
От Пречистой Владычицы Богородицы.

Пошли волстви Христа проповедать [попроведать],
Пошли волстви во вертеп, в горы,
Пришли они, Христу поклонилися.
Принесли ему честны да́ры,
Приняли от Христа златы венцы.
Пошли волстви радуючись,
Иным путем по своим домам
И Ироду-царю не проповедали.
Ирод-царь возмущается,
Умом своим сколебается:
Не хощет он Бога видети,
И божией его славы слышати.
Послал Ирод-царь посланников
Побить младенцев сущиих
От двух годов и полутору.
Побил он младенцев сущиих
Три тьмы и две тысячи:
Сотворил он плач в Вифлееме-граде —
Возрыдали младенцы сущия,
Горючи слезы пролили.
Речет Господь к ним,
Сам Иисус Христос,
Царь небесный, Бог:
«Подите, младенцы, к Богу в рай,
Ко святу Аврамию, к отцу праведному!»
Аллилуия, аллилуия, аллилуия,
Слава тебе, Бог наш!

12. ЖЕНА МИЛОСЕРДНАЯ

Во славном во граде Вифлиееме
Народился Иисус Христос Сын Божий.
Тогда всем во небы звезда явилася,
А свет на земле объявился;
Земля и небо возвеселилося,
Весь мир на земле возрадовался.
Жи́ди, окоянны супостаты,
Стали Христа Бога познавати
И хотя́ Христа Бога поймати,
Всей разноей муки предати.
Богородица Дева Пресвятая
С Вифлеему-граду выходила,
С собой Христа Бога выносила.
По ею по Божьему повелению,

Навстречу Жена милосердная,
На руках держаща младенца.
Богородица Дева Пресвятая
Перед Женой стоя прослезилась:
«Послушай, Жена милосердня!
Положи ты своего младенца во печь-пламя,
А возьми Христа Бога на руки —
За мной бегут жи́ды окоянны,
Жиди́, окоянны супостаты,
Хотя́ Христа пойма́ти,
Всей разной му́ки предати!»
Милостивая Жена милосердня,
Свово она младенца не пожалела,
Во печь огню́-пла́мени преда́ла,
А взяла Христа Бога на руки.
Час малое время миновалось,
Жиды окоянны супостаты
К милостивой Жены прибегали,
Милостивую Жену допрошали:
«Скажи нам, Жена милосердня,
Давно ли видала тут деви́цу,
На руках несущу младенца?
Его все пророки нарекали —
Великий Бог над богами,
Великий царь над царями.
И мы к ему идем поклоняться,
Несем ему честные да́ры».
Милостивая Жена милосердня
Жидам окоянным не вверяла,
Жидам окоянным отвещала:
«Жиды вы окоянны, супостаты!
Того вы младенца не ищите —
Того я младенца пойма́ла,
Во печь огню-пламю преда́ла».
Жиды Жены́ не уверя́ли,
Самы в печь-пламя посмотрели:
Они видевша младенца в огне-пламенью.
С радости жиды возвеселились,
Милостивой Жены поклонились:
«Спасибо, Жена милосердня,
Что ты этого младенца поймала!»
Железным заслоном заслоняли,
Крепки караулы приставляли.
Час малое время миновалось,
Милостливой Жены стоскнулось,

Пошла, в печь-пламя посмотрела:
«Ужо ль мое чадо все сгорело?»
За ее великое милосердье
Пречудное диво всем явилось:
В печи огонь-пламя претворилось,
Во печи всяки травы выростали
Всяким цветам зацветали.
Невредим младенец пребывает,
По различным цветам гуляет,
Евангельскую книгу читает,
Сам ангельския песни воспевает.
Надо всем младенцам стал младенец!
  Богу нашему слава
Отныне до́веку!

13. СОН БОГОРОДИЦЫ

  «Пресвятая мати Мария,
Пречудная Дево, Пресвятая!
Где же ты ноче́сь ночевала,
Где же ты ноче́сь опочивала?» —
«Спала я ночесь, ночевала
Во граде я в Вифлееме,
Во святой горе да во вертепе.
Мало мне ночесь присыпалось,
Много во сне привиделось.
Чуден я сон, спавши, видела:
Как бы я тебя, чадо, спородила,
Во пелены тебя повивала,
Пеленами я тебя обвивала,—
В пелены камчатныя,
В пелены да шелковыя.
Над рекою как бы Иорданом
Выростало дерево кипарисно,
А на этом честном древи
Святой крест проявился,
Как бы чадо роспятое,
В руках-ногах пригвожденно,
В голову саблею пресеченно,
В ребра копием пригвожденно.
Свята Божья кровь пролитая,
Свято Божье лико оплевано,
Свято Божье тело обречено,
Меж двумя разбойниками,
Между двумя лиходеями».—

«Не плачь-ко ты, мати Мария,
Воистину сон твой неложен.
Не скорби бело лико,
Не трать, мати, белых очей,
Воистину сон твой неложен.
Быть мне, матушка, роспяту,
Быть мне у жидовского князя Пилата.
На первой день меня замучат,
На другой день меня, матушка, зароют
На третий день, матушка, воскресну,
На небеса вознесусь с ангеламы,
С херувимы-серафимы.
Сам я по твою, мать, душу буду,
Сам со телес душу сниму;
Напишу твое лико на икону,
Разнесу во Божью церковь за престолы;
Тебя будут, мати, свеличати,
Меня, Христа, прославляют во веки».
Аминь.

14.

Опочивала Пресвятая Богородица в земле Бреданской,
На горе Олевной.
И пришел к ней Господь наш Исус Христос,
Спаситель всего мира, и рече ей:
«О, преблагословенная мати Мария,
Пресвятая Богородица!
Что во сне видела, поведай мне».
Глагола Пресвятая Богородица:
«Сыне возлюбленный!
Видела тебя, Господа, царя славы,
У садов поимана
Во апреле месяце, в восьмом-на-десять числе,
Поимана и связана,
И приведена к Понтийскому Пилату, игемону,
И на древе кипарисе распята:
Руце твои и нозе гвоздем пригвоздиша ко кресту
И тернов венец на главу твою святую возложиша,
Тростию главу твою пробиша
И во уста твои святыя желчью напоиша,
И в ребра твои святые копием прободоша,
И из ребр твоих святых изыде кровь и вода,
Потекоша на исцеление всем христианам,
На спасение душам нашим.

И с тобою два разбойника повешена —
Один одесную, а другой ошую страну.
Один получил прощенье и глаголя:
«Помяни мя, Господи, помяни мя,
Егда приидеши во царствии твоем!»
А другой за охуленьем погубил себя.
И в то время земля потрясеся
С верхнего краю до нижнего,
Каменныя горы распадеся,
Луна и солнце преложися,
И бысть тьма по всей земли
От шестого часу до девятого.
А жиды начали мыслить Сына Божия,
А чаяли пророка.
И придоша нощию Осиф с Никодимом к Пилату,
Моляся и кланяяся, и прося у Пилата:
«Дай нам святое тело Исуса Христа!
Никодим-старец тело твое святое с креста снем,
Благообразный Иосиф плащаницею чистою обви,
И во гробе нове положиша, и покры.
И погребен был, и в третий день воскрес из мертвых,
И всему миру дарова живот вечный,
И раздра рукописание Адамово».
И рече Господь наш Исус Христос, Сын Божий:
«О мати возлюбленная,
Пресвятая Богородица!
Воистину сон твой не ложен, а праведен!
Аще кто в путь с собой возьмет
И в чистоте носить будет,
К тому человеку не прикоснется ни дьявол, ни злой человек,
От меча не посечен будет
И скорое избавление получит.
Аще который человек сон твой при смерти воспомянет,
Велит прочитать,
А сам с верой послушает,
Тот человек избавлен будет вечныя муки,
Огня негасимого, —
Ангели Божии возьмут душу его честную,
Донесут до Отца небесного
И дадут Аврааму, Исааку в рай во веки веков.
Аще кто сон твой спишет,
В доме у себя в чистоте держит,
К тому дому ни диавол, ни тать, ни разбойник,
Ни злой человек и нечистый дух не подойдут,

К господню рабу и рабыням,—
Здравы сии поживут:
И земных плодов в изобилии,
В здравии и скотина их.
Аще кто молвит, что ложно сие писание,
Тот человек будет седмижды проклят,
Приимет муку вечную, смерть горькую.
Небо и земля мимо йдут,
А словеса мои мимо не йдут!»
Во имя Отца и Святого Духа. Аминь.

15. РАСПЯТИЕ ХРИСТА

Иже о Христе Иисусе
Сбиралися в кустодеи
Да и книжницы, фарисеи,
Жидове и лицемеры.
Да где же Христа им распинати?
Начали Христа они торговати.
Единый апостол прельстился,
Злодей был лукав Иуда:
За тридцать сребренниц
Он Христа предал
А и книжницам, фарисеям,
Жидам и лицемерам.
А взяли Христа поведоша
На Лобное место, на гору,
На гору, на Голгофу,
Пред книжницы, пред фарисеи,
Пред жидовьем, лицемерам,
Пред всеми евреями со иудеям,
При Понтийском было при Пилате.
И все жидове возопияли:
«Возьми, возьми его, Сына Божия,
Распни, распни его, не замедли!»
Как взяли Христа они, споругали,
Святое лице его оплевали,
Желчию Христа они напоили,
Святые уста его помазаша,
Да и ризу со Христа совлекали,
Да и ризу они раздирали,
По жеребьем разметали,
По жидовьям ризу разделили,
Тернов венец на главу возложили,
Тростию по святой главе убияли,

Копием в ребра прободали,
Святую его кровь проливали,
О, взяли Христа они — распяли,
На крест Христа пригвоздили,
На том месте животворящем,
На святом древе кипарисном.
Помимо креста они проходили,
Главами своими покивали:
Не чаяли жидове Сына Божия,
Они чаяли Христа пророком.
  Никто того дела не ведает,
Спроведала мати его Мария,
Висима на кресте сына, распята,
Убита и всего окровавленна,
Копием в ребра прободенна,
Святая его кровь пролиенна,
Тростию во святую главу убиенна.
Идет ко кресту мать со слезами,
Утробою своей разгораючи,
Сердцем своим рыдаючи,
Устами своими глаголует:
«Увы, увы, мой пресладкий сыне,
Мой пресладкий сыне Иисусе!
Какую ты муку, сын, терпишь!
На вольную страсть, сын, сам воспреда́лся;
Безвинную кровь проливают,
Напрасную смерть, сын, тебе воспредали!»
На кресте Иисус сам прослезился,
Речет Христос на кресте распятый:
«Не плачь, моя мати Мария,
Не рыдай меня зряща во гробе!
Всего ты у Бога, Матерь, не знаешь,
Мою живоносную смерть не ведаешь.
Меня ради, мати Мария,
Солнце и луна, Матерь, померкнет,
Небо и земля, Мать, потрясется,
Церковная завеса раздерется,
Камение-камение распадется,
Весь мир на земли, Мать, прослезится.
Пожди, Матерь, малое время,
Егда со креста тело мое снимут,
Аз во плащаницу обовьюся,
И во гробе нове положуся,
И погребен я, Матерь, буду.
Дождавши Христова Воскресенья,

Меня ради, мати Мария,
Солнце и луна, Матерь, воссияет,
Небо и земля возрадуется,
Весь мир на земли возвеселится.
Во третий день я, Матерь, воскресну,
Во третий день я, Мати, по писанию.
Дождавши Вознесенья Христова,
Со славою на небеса вознесуся
Со ангелами, с херувимами,
С грозными серафимами,
Со всею небесною силою!»
Аллилуия, аллилуия, аллилуия,
Слава тебе, Боже наш,
И во веки веков! Аминь.

16. СТРАСТИ ГОСПОДНИ

Со страхом мы, братие, послушаем
Божия писания, господних страстей.
Пророки пророчили за тысящу лет,
Другие сказали за триста годов,
Во пятой во тысящи в пятистах
Рождение, страдание Исуса Христа.
Во марте во месяцы, во последних днех,
Страстныя недели во пятничной день,
Во святом граде Иеросалиме
Плакала-ходила Святая Дева.
При ней были три мироносицы жены́.
Во граде им встречу грядут два жида.
Восплакала, вопросила Святая Дева:
«Где вы, жиды, были, куды грядете́?»
Что отвещают Деве два жидовина:
«Живем мы таперича в Иеросалиме,
А мы били-мучили Исуса Христа.
Яже бивше-мучивше, в темницу всадя.
В шестом часу в пятницу распяли его,
В ноги и во длани прибиша гвоздьми,
Венец наналожили на главу его,
Мучения и ран невозможно и счесть.
Исуса копием ре́бра проболи,
И земля обагрися от крови его».
Услышала глаголы их Святая Дева —
Она бысть без памяти и болши часа́,
Ударилась о землю, едва бысть жива;
Жены́ соблюдали и были при ней.

Восплачет, восстонет и в горести речет:
«Увы мне, сыра земля, возьми мя к себе!
Сыне мой любезный, надежда моя,
Почто не послушал матери своей!
Ныне вижу, сыне, поругаема.
Какое ты дело жидам сотворил?
О злыя ругатели, беззаконныя!
За какое вы дело Христа биете́?
Вчера не хотела отпустить тебе,—
Волею пойде на крестную смерть.
Плачите, рыдайте, солнце и луна!
Плачите, стоните, месяц со звездми!
Плачите, стоните, вдовы и сироты!
Наставник и учитель покинул вас всех,
Сыне мой любезный, надежда моя,
Волею пойде на крестную смерть.
Ныне сердце мое все терзается,
Составы плоти моея раздробляются,
Кровию устне мои запекаются.
Почто оставляешь едину мя зде?
Вкупе бы вкусила с тобою я смерть.
Кто мя ныне утешит от горьких слез!
Ныне Симеона пророчествия,
Сбылися во истину глаголы его.
Со страха великого и со ужасти
Скрылися, бежали апостолы вси,
Едину оставили мене плакати.
Кто ми ныне, сыне, поможет в слезах!
Архангел Гавврииле, помози ты мне,—
Радость моя сони́де во гроб!»
Господь проглагола матери своей:
«Любезная мати, не плачь обо мне:
В третий день воскресну и прославлю тебе,
И радости твоей не будет конца».
У божией церкви у царских дверей
Завеса на́двое раздиралася,
Древа по дубравам преклонялися,
Камение на́двое распадалися.
Рыдания и слезы услышал Господь:
Нача́ли трястися небо и земля,
Солнце и месяц не стали светить
От шестого часа́ до девятого.
Со страха великого и со ужасти
Жидовья упали ничко́м на землю,
Вне ума лежали четыре часа,

Они окаяннии не покаялися.
За то осудил их Господь в вечную тьму,
И мукам их не будет конца.
Со страхом мы, братие, мы восплачемся:
Мучения-страдания Исуса Христа.
Восплачемся на всяк день и покаемся,
И Господь услышит покаяние,
За что и нам да́рует царствие свое,
Радости и веселию не будет конца.

17. БОГОРОДИЦА У РАСПЯТИЯ

Во городе во Руссе
Стоит церковь соборная,
Что соборная,
Богомольная.
Во той церкви
Христос Бог распят:
По рукам, по ногам
Гвозди про́биты,
Святая кровь
Да вся про́лита,
Что святая кровь,
Безгрешная.
Стоит Мати,
Жалко плачет.
Прилетали к ней
Да два ангела,
Два архангела:
«О чем, Мати,
Жалко плачешь?» —
«Уж вы, ангелы,
Вы, архангелы!
Уж как же мне
Не плакати?
Мое дитятко
Распят лежит,
По рукам, по ногам
Гвозди пробиты,
Святая кровь
Да вся пролита!»

18. ПЛАЧ БОГОРОДИЦЫ

Христе Боже наш!
Нас ради
Распялся еси
И на кресте
Повешен бысть,
И гвоздьми
Пригвожден еси.
Приидите все вернии,
Воспоем его страдание —
Наругание и раны
Претерпел есть за нас.
Иосиф прииде
Во Иерусалим
И обрете Христа
На кресте распята
И Марию, матерь его,
Со единым учеником,
Горько рыдающе:
«Увы, сыне мой,
Свету творец!
Увы, чадо мое,
Неповинен еси,
Не кресте распят бысть!
Увы, сыне мой,
Свету творец!
На кого оставил
Матерь свою?
Увы, чадо мое,
И не терплю тя видети,
Сына своего,
На кресте ви́сяща!
Увы, чадо мое,
Уже радость
Не приидет ко мне,
Всевышнего творца
Рождьшия!
Увы, чадо мое!
Слышите, небеса,
И видите:
Уже наш
Страждет творец
И днесь приигвоздися
Ко древу!

Увы, чадо мое!
Утробою своею скорблю,
Видевше тя,
Сына, на кресте,
И я терзаюся
Зело по тебе!
Увы, чадо мое,
Сего ради изнемогающе,
Света оставляю,
Надежды лишаюся!
Увы, чадо мое,
Се исполнися
Симеона речение!
Увы, чадо мое,
Услыши молитву мою:
На кого оставил
Матерь свою?
Увы, чадо мое!
О, светлейшия очи мои,
Что плачете,
Не померкнете?
Уже бы я
Света не видела!
Увы, чадо мое!
О, глаголивы уста мои,
Что глаголете,
Не умолкнете?
Увы, чадо мое!
И како тя
Земля держит,
Всемогущего
Творца на себе?
Увы, чадо мое,
Прорци едино слово,
Что сотворю?
Света оставляю,
Надежды лишаюся.
Увы, чадо мое!»
Слышав же
Господь на кресте
Печаль и рыдание
Матерне,
И рече к ней
Со умилением:
«О всемилостливая

Мати моя!
Почто еси
Горько печалуешися?» —
«Увы, чадо мое,
Уже бо не слышу
Твего гласа!
К кому прииду,
И к кому прибегну,
И к кому водворюся?
Увы, чадо мое!»
Господь Бог
Восста со креста,
Преклонь главу Иоанну
И рече ему:
«Иоанне, приими
Матерь мою
И буди ми
Яко питая мою мать».
Христос Бог
Свой дух предаде.
Пришел воин
И ребро копием прободе —
Изыде из него
Кровь и вода
На умовение
Нашему согрешению.
О, всемилостивая
Владычице
Рече же с немилосердием
Ко злодею своему:
«О, злодею немилостивый!
И како у тя
Руце не отсохоша?
Увы, чадо мое,
Сведи мя от печали
Жизни сея.
И аз бы
С тобою умерла,
Да бегает от мене
Вечная смерть.
Увы, чадо мое!»
О, всемилостивая
Владычице
С молением
К распинающим прорече:

«Молю вас,
Умилитеся
И подайте малу
Радость мне:
Молю вас,
Умилитеся
И отдайте тело
Сына моего, —
Гробу предам
В велицей печали моей.
Молю вас,
Умилитеся!
О, жены-мироносицы!
Рыдайте со мною
И плачите:
Уже ныне ваш
Страждает Творец
И днесь пригвождается
Ко древу,
Не терпит и ныне
Согрешивша к нему!»
Аминь.

19. СОШЕСТВИЕ ХРИСТА ВО АД

На горе на Горюне,
На горе [на острове] на Буяне.
На реке на Ердане,
В лесах, в вертепах,
Во граде в Иерусалиме,
На святом дереве кипарисе
Стояла матушка апостольска церква.
Во той в апостольской церкви
Спала матушка Мария на престоле,
Пречистая Дева непорочная,
И приидет к ней Господь наш Исус Христос,
И спросит ее:
«Мати моя Мария,
Пречистая Дева непорочная!
Коли спишь ты,
Так Господь с тобой,
А не спишь, гласи со мной!» —
«Сын мой возлюбленный,
Сын мой прекрасный!

Немного мне спалося,
Престрашен сон виделся.
Видела я тебя, Сыне мой возлюбленный,
Во месяце во марте,
Во церкви во соборе
За Божиим за престолом,
И быть ти, Христу, распящи,
На кресте висящи,
И руце и нозе приковащи,
Головушка тростию проломамши,
И бока копием прободавши».
И тут окаянные,
И тут проклятые
Христу площеницу сковали,
Христа в площеницу клали,
Обручи набивали
И оловом заливали
В одночасы надежда
Христа в землю пускали,
Желтыми песками засыпали,
Каменными горами закатали,
Горючими камнями завалили.
Пришел час воли Божия —
В третий день Христос воскресе:
Каменныя горы раскатилися,
Желты пески рассыпалися,
И площеница раскрывалася,
И обручи развалилися.
Вставал наш Батюшка
Истинный Христос, Отец небесный,
Ни в живых он и ни в мертвых.
Пошел он в адию,
В адии двери отворилися,
На правую сторонушку пошатилися,
Грешные на левую,
Праведные на правую.
Всех царей истинный Христос,
Батюшка наш, из адию вынул,
Одного царя Соломона в адию покинул.
Царь Соломон и завыл, и заплакал:
«Ох ты Батюшка
Истинный Христос, небесный Отец!
Всех ты царей из аду вывел,
Одного меня, царя Соломона, в адию покинул!» —
«Царь Соломон, мудрен ты своими мудростями!» —

«Батюшка, истинный Христос,
Небесный Отец!
Не мудрен я своими мудростями,
Мудрен я святыми твоими
Господними молитвами».—
«Когда же ты мудрен
Моими святыми господними молитвами,
И ты из адию выйдешь».
Ну туто ж застонало адие,
Ну застонало проклятое!
Не стони ты, адие,
Не стони, проклятое,
Ты будешь, адие,
Ты будешь, проклятое,
Пред останною кончиною
Наполнено клетовщиками, зубчиками,
И ябедниками, и ябедницами,
Платонами, архиереями,
Архимандритами, протопопами.
Аминь.

20. ПРО ХРИСТА МИЛОСТИВА

Жиды-пилаты Христа распинали,
В ручки, в ножки гвоздики вбивали,
На буйную головку тернов венец надевали.
Уж как услышала матушка Марея,
Горючими слезьми обливалася,
Его святой одеженькой обтиралася,
Молилася Богу предвечному.
Свои горя ему выкладáла,
Милости великой его вопрошала:
Того ли воскресения тридневного.
Уж как воскрес наш Царь-Христос,—
Природушка взликовалася,
Жиды-пилаты в страхе разбежалися,
Мертвы тела воскресалися.
Уж как увидела матушка Марея Богородица
Свово Спаса — сына тридневного,
Телом, плотью воскресенного,
Отцем Богом прославленного,
Сыном единородным нареченного,—
Взликовала она, матушка, со архандельми,
Со всеми со апостольми,
Со всеми со святыми со девами.

Возносили они песню Христу воскресенному.
Уж как пошел наш Исус Христос,
Пошел на небеса в Вознесение,
А за ним-то пошли все апостолы,
А пошла за ним и вся нища братия
На гору высокую превознесенную.
«И куды ж ты от нас, Христос Бог, уходишь?
На кого ж ты нас оставляешь? —
Взголосили святые праведны апостолы,
Заплакала вся нища наша братия,—
Уж и кто же нас учить будет,
Учить будет словам Божиим?
Уж и кто же нас приютит в ночи,
Пропоит, прокормит во дни светлые?» —
«Вы не плачьте-ка, святые апостолы,
Я возьму вас во царствие небесное!
Вы не плачьте-ка, вся нища братия,—
Я воздам-то вам гору золотую,
И создам-то я вам реку медовую».
Отвечала ему вся нища братия:
«Ну и где же нам владеть горою золотою,
Ну и где же нам владеть рекою медовóю,—
Уж как отымут-то у нас, нищей братии,
Богатые люди, люди знатныи;
Они отымут гору золотую и реку медовую.
Ты сподоби нас честным твоим именем,
Хлебцем черныим, куском вечныим!»
Благословил тут Христос нищу братию:
Моим именем Иисус Христовыем
Святую милостыню подаянную.
Во век веков будет она вам помощница,
Мое имя свято будет вам кормилищем!»

21. ВОЗНЕСЕНИЕ ХРИСТА

Как вознесся Христос на небеса,
Росплакалась нищая братья,
Росплакались бедные-убогие, слепые и хромые:
«Уж ты, истинный Христос, Царь небесный!
Чем мы будем, бедные, питаться?
Чем мы будем, бедные, одеваться, обуваться?»
Тут возговорил Христос Царь небесный:
«Не плачьте вы, бедные-убогие!

Дам я вам гору да золотую,
Дам я вам реку да медвяную,—
Будете вы сыты да и пьяны,
Будете обуты и одеты».
Тут возговорит Иван да Богословец:
«Ведь ты истинный Христос да Царь небесный!
Не давай ты им горы да золотыя,
Не давай ты им реки медвяныя,—
Сильные-богатые отнимут,
Много тут будет убийства,
Тут много будет кровопролитья.
Ты дай им свое святое имя,
Тебя будут поминати,
Тебя будут величати —
Будут они сыты да и пьяны,
Будут и обуты и одеты».
Тут возговорит Христос да Царь небесный:
«Ты Иван да Богословец,
Ты Иван да Златоустый!
Ты умел слово сказати,
Умел слово рассудити!
Пусть твои уста да золотыя,
Пусть те в году праздники часты́е».

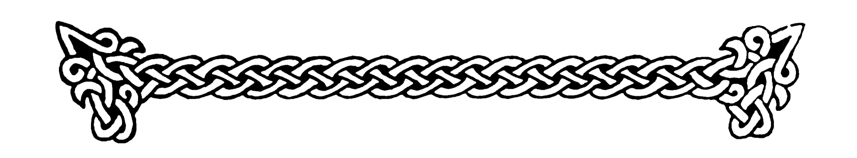
22. ХОЖДЕНИЕ СВЯТОЙ ДЕВЫ

Ходила Святая Дева
По горам, по крутым горам,
Искала, искала Иисуса Христа.
Навстречу Деве жидовья,
Жидовския дети.
Спрашивала их Святая Дева:
«Не вы ли, жидовья, Христа распяли?» —
«Не мы, Дева, не мы, Святая,
Распяли Христа,—
Распяли Христа деды-прадеды.
Поди ж ты, Дева, на круту гору,
На крутой горе три древа стоят,
Три древа стоят кипарисовыя;
Из тех дерев кряжья рублены,
Кряжья рублены, доски колоты,
Доски колоты, брусья тесаны;
Из тех брусьев церковь строена.
В той церкви три гроба стоят,

Три гроба стоят кипарисовы,
В тех гробах три святых лежат:
Первый святой — Иисус Христос,
Второй святой — Святая Дева,
Третий святой — Иоанн Предтеч.
Над самим Господом ангелы поют,
Над Святой Девой лоза процветает,
Над Иваном Предтечею свечи теплятся».

23. СТИХ О ТРЕХ ГРОБНИЦАХ

На горе, горе, на Сионской горе
Стояла церковь апостольская.
Во той во церкви три гроба стоят,
Три гроба стоят кипарисные.
В первом гробе Святая Дева,
Во другом гробе Иоанн Богослов,
Во третьем гробе сам Иисус Христос.
Над Святой Девой цветы расцвели,
На цветах сидят птицы райския,
Поют песни архангельския;
Над Иоанном Богословом поют ангелы;
Над Иисусом Христом свечи теплятся.



ЗМЕЕБОРЦЫ

24. ФЕДОР ТИРОН

Во святе граде Константинове
Было богомолье великое.
Молился царь Константин Сауйлович
У честных у заутренней,
У святых у молебенов.
Отходила честная заутреня,
Царь Константин Сауйлович,
Он будет посреди двора царского.
Из далеча из чиста поля
Не люта змея вывивалася,
Вывивалася, выстилалася
Ровна стрелочка каленая.
Ложилася калена стрела
Посреди двора царского
У ноги у царския,
У руки у правыя.
А на стрелочке была, была грамотка,
На грамотке было написано
От царя иудейского,
От его силы жидовския,
Жидовския, бусурманския:
«Гой ты царь, Константин Сауйлович,
Ты давай нам супротивника,
Супротив меня, царя иудейского,
Супротив моей силы жидовския,
Жидовския, бусурманския,
Очищай землю святу русскую!»
Царь Константин Сауйлович,
С того государь задумался,
Задумался, запечалился,
Повесил головушку буйную,
Потупил очи ясныя
Сам во матушку во сыру землю,

Сам возговорил таково слово:
«Уж вы гой еси, вы князьё, бояре,
Гости торговые, мужики почетные!
Христиане православные!
А еще кто пойдет, побьет царя иудейского,
Его силу жидовскую,
Жидовскую, бусурманскую?
Кто очистит землю святу русскую,
Тот избавлен будет муки вечния,
Наследник будет царства небесного».
Да никто ему словечушка не проговорит —
Большой боярин хоронится за меньшего,
Меньшего не видети из-за большего.
Только по двору по царскому,
По крылечушку по красному
Ходит-гуляёт младый человек Федор Тирон,
Всего ему от роду двенадцать лет.
Сам возговорил таково слово:
«Государь родимый батюшко
Еще царь Константин Сауйлович!
Благослови меня, сударь батюшко,
Спасовым образом,
Матерью Пресвятою Богородицей,
Еще Троицею нераздельною.
Я пойду, побью царя иудейского,
Его силу жидовскую,
Жидовскую, бусурманскую,
Я очищу землю святу русскую».
А царь Константин Сауйлович,
Он горючими слезами заливается,
Сам возговорил таково слово:
«Ай горе, чадо милое,
А младый человек Федор Тирон!
Всего тебе от роду двенадцать лет,
На боях, чадо, не бывывал,
Сбруей ратною не влаживал,
Из крепка лука не стреливал,
Калены стрелы не кладывал.
На кого, чадо, надеешься,
Держишь надежду великую?»
А младый человек Федор Тирон
Сам возговорил таково слово:
«Государь родимый батюшко
Еще царь Константин Сауйлович!
Я надеюсь, сударь батюшко,

Я на Спаса на пречистого,
Я на матушку Пресвятую Богородицу,
Я на Троицу нераздельную,
На твое благословение великое, —
Только было бы твое благословение великое».
Он, царь Константин Сауйлович,
Восходил в церковь соборную,
Поднимал иконы местныя,
Служил молебны заздравные.
Благословил его сударь батюшко
Спасовым образом,
Матерью Пресвятой Богородицей,
Еще Троицей нераздельною.
А младый человек Федор Тирон
Восходил на конюшню дубовую,
Выбирал коня что есть лучшего,
Седлал седелечко черкасское
О двенадцати подпружинах —
Не ради красы молодецкия,
Ради крепости богатырския.
А молодой человек Федор Тирон,
Он берет сбрую ратную,
Копье булатное, палицу железную,
Еще крепкий лук о две стрелы каленыя.
Садится он на добра коня,
Поезжал по граду Константинову.
Под ним добрый конь подымается
Через ту стену белокаменну,
Как ясный сокол полетел по поднебесью.
Выезжал далече во чисто поле,
Становился супротив царя иудейского,
Супротив его силы жидовския,
Жидовския, басурманския.
Он и бьется с царем по первый день,
Он и бьется с царем по вто́рой день,
Он и бьется с царем по третий день,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.
Побивал царя иудейского,
Его силу жидовскую,
Жидовскую, бусурманскую.
Обливала его кровь жидовская,
Жидовская, бусурманская,
Не по колени, не по́ пояс,
По самыя груди белыя.

Молодой человек Федор Тирон,
Он и бьет копьем во сыру землю
Сам возговорит таково слово:
«Уж ты, матушка сыра земля,
Расступися на четыре на четверти
На все четыре на стороны!
Ты пожри в себя кровь жидовскую,
Жидовскую кровь, бусурманскую».
По Божию изволению
Расступалася мать сыра земля
На четыре на четверти,
Пожирала в себя кровь жидовскую,
Жидовскую, бусурманскую,
Царя иудейского.
А младый человек Федор Тирон
Очищал землю Святорусскую.
Поезжал ко граду ко Константинову.
Под ним добрый конь спотыкается,
Сам он на коне сидит — шатается.
Как завидел его государь батюшко
Еще царь Константин Сауйлович,
Сам возговорил таково слово:
«Уж вы гой есте, князья, бо́яре,
Гости торговые, мужички почетные,
Христиане православные!
Восходите скоро в церковь соборную,
Поднимайте иконы местныя,
Служите молебны заздравные,
Встречайте младенца во чистом поле,
Ему бейте челом, поклонитеся
По двенадцати земных поклонов,
По сороку до поясу
За него святое умоление,
За него честно́е притерпление».
Князья, бояре его слушали:
Восходили скоро в церковь соборную,
Поднимали иконы местныя,
Служили молебны заздравные,
Стречали младенца во чистом поле,
Ему били челом, поклонялися,
По двенадцати земных поклонов,
По сороку до поясу
За него святое умоление,
За него честное притерпление.

А младый человек Федор Тирон
Въезжал на широкий на царский двор.
Встречает его сударь батюшко
Еще царь Константин Сауйлович.
Его родимая матушка
Приняла его с добра коня,
Повела в палаты белокаменны,
Посадила под иконы местныя,
За столы за дубовые
За скатерти за браныя,
За питья за медвяныя,
За еству за сахарныя.
Понесла ему первую ествицу...
Из-за первой из-за ествицы
Завидела коня потного,
Повела поить на синё море,
На ту воду на студеную,
Обмывали крови жидовския,
Жидовския, бусурманския.
Где ни возьмется тамо лютый змей,
Лютый змей, люто огненный,
Ухватил его родимую матушку
Он во челюсти во змеиныя,
Унес ее за синё море
Во те пещеры, в горы белокаменны
Ко двенадцати ко змеёнышам
На ту муку на змеиную.
Ах, что за горе великое!
Выбегает его добрый конь
На широкий на царский двор.
Прорещит его добрый конь
Человеческим языком:
«А младый человек Федор Тирон!
Что ты пьешь, ешь, что тешишься,
На себя-то беды не чаешься?
Как твоя родимая матушка
Ради тебя дождалася,
Ради тебя догляделася!
Понесла тебе первую ествицу,—
Из-за первой из-за ествицы
Завидела меня, коня потного,
Повела поить на синё море,
На ту воду на студеную,
Обмывати крови жидовския,
Жидовския, бусурманския.

Где ни возьмется тамо лютый змей,
Лютый змей, люто огненный,
О двенадцати хоботов,
Ухватил твою родимую матушку
Он во челюсти во змеиныя,
Унес ее во синё море
Ко двенадцати ко змеёнышам
На ту на муку на змеиную».
Ах, ты горе великое!
А младый человек Федор Тирон
Что в устах было, то проглотил,
Что в руках, то так пустил.
Восходит скоро в церковь соборную.
Он берет с собою слово Божие,
Святу-честну книгу Евангелье,
Он берет с собою сбрую ратную,
Копье булатное,
Саблю вострую, палицу железную,
Еще крепкий лук, две стрелы калены
Он приходит к морю синему,
Становился на крутом красном бережочке.
Он читает слово Божие,
Святу-честну книгу Евангелье,—
Во слезах письма не видит,
Во рыданьи слова не вымолвит.
Где ни возьмется тамо кит-рыба,
Прорéщит та кит-рыба
Человечьим языком:
«А младый человек Федор Тирон!
Ты поди по мне, по ките-рыбе,
Яко по мосту, яко по суху,
Выручи свою родимую матушку,
Из тоё муки змеиныя,
От двенадцати от змеёнышей».
А младый человек Федор Тирон
Переходит морё синее,
Становится на крутом красном бережочке,
Читает слово Божие,
Святу-честну книгу Евангелье —
Во слезах письма не видит,
Во рыданьи слово не вымолвит.
Завидела его родимая матушка
Из тоё из муки змеиныё,
От двенадцати от змеёнышей,
Кричит-вопит громким голосом:

«Ой, дитятко, с тобою мы погибнули,
Родимое, с тобой погибнули!»
А младый человек Федор Тирон
Сам возговорит таково слово:
«Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая, не погибнули,—
Еще с нами Бог и над нами Бог,
Со мною слово Божие,
Со мною сбруя ратная, копье булатное,
Сабля вострая, палица железная,
Еще крепкой лук, две стрелы калены».
А молодой человек Федор Тирон,
Он натягивал свой крепкой лук,
Он накладывал две стрелы калены,
Он стрелял в двенадцать змеёнышей,
Побивал двенадцать змеёнышей.
Выручил свою родимую матушку
Из тоё из муки змеиныя,
От двенадцати змеёнышей.
Он посадил ее на головку на тяжелую,
Понес ее к морю синему.
Его родимая матушка
Назад себе оглянулася,
Завидела змея лютого,
Люта змея, люта огненна
О двенадцати хоботов.
Кричит-вопит громким голосом:
«Ой, дитятко, с тобой мы погибнули,
Родимое, с тобой погибнули!»
А младый человек Федор Тирон
Сам возговорит таково слово:
«Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая, не погибнули,—
Еще с нами Бог и над нами Бог,
Со мною слово Божие,
Со мною сбруя ратная, копье булатное,
Сабля вострая, палица железная,
Еще крепкой лук, две стрелы калены».
А младый человек Федор Тирон,
Он натягивал свой крепкой лук,
Он накладывал две стрелы калены,
Он стрелял супротив змея лютого,
Люта змея, люта огненна
О двенадцати хоботов,
Вышибал ему сердце со печенью.

Обливала его кровь змеиная
Не по колено, не пó пояс,
По самы груди белыя.
А младый человек Федор Тирон,
Он и бьет копьем во сыру землю,
Сам возговорит таково слово:
«Уж ты матушка, мать сыра земля,
Расступися на четыре четверти
На все на четыре стороны!
Ты пожри в себя кровь змеиную!»
По Божию изволению
Расступалася мать сыра земля
На четыре на четверти,
Пожирала в себя кровь змеиную.
А младый человек Федор Тирон
Очищал землю Святорусскую.
Приходил ко синю морю,
Становился на крутом красном бережочке,
Читает слово Божие,
Святу-честну книгу Евангелье,—
Во слезах письма не видит,
Во рыданьи слово не вымолвит.
Где ни возьмется та же кит-рыба,
Прорещит кит-рыба
Человечьим языком:
«А младый человек Федор Тирон,
Ты поди по мне, по ките-рыбе,
Яко по посту, яко по суху,
Понеси свою родимую матушку
Из тыё из муки змеиные».
А младый человек Федор Тирон
Переходит морё синее,
Становится на крутом, красном бережочке,
Сам возговорит таково слово:
«Государыня моя родимая матушка,
А что — стóит мое похождение
Супротив твоего порождения?»
Его родимая матушка
Горючим слезам заливалася,
Сама говорила таково слово:
«Ой горе, чадо милое!
А младый человек Федор Тирон,
Всего тебе от роду двенадцать лет.
Как твое-то похождение
Наипаче моего порождения».

А младый человек Федор Тирон
Приходил ко граду Константинову.
Как завидел его сударь батюшко,
Еще царь Константинович Сауйлович,
Сам возговорил таково слово:
«Уж вы гой есте, князья, бояре,
Гости торговые, мужички почетные,
Христиане православные!
Еще кто почтит отца и мать свою,
Надеется Федору Тирону
На первой неделе поста Господня Великого,
Тот избавлен муки вечныя,
Наследник будет царства небесного».
Еще славен Бог и прославлен,
Велико имё Господне!

25. О СПАСЕНИИ ЕЛИСАВИИ АРАХЛИНСКОЙ ЦАРЕВНЫ

На три города Господь прогневался,
На три города да на три неверныих:
А и на первый город — Арахли́н-город,
На другой город — на Соло́м-город,
А на третье царство Сарофи́мское.
Сарофи́м-город Бог огнем сожгёт,
Соло́м-город сквозь землю прошлет;
На Арахлинско царство напустил Господь,
Напустил Господь да змею лютую,
Змею лютую, девятиглавую.
А и стала змея да поналётывать,
По головушке да стала схватывать,
По головушке да по куриной,—
Стало мало кур во граде ставиться.
А и стала змея да поналётывать,
А и стала змея да понасхватывать
По головушке да по скотинной,—
Стало мало скота в граде ставиться.
А и стала змея да поналётывать,
А и стала змея да понасхватывать
По головушке да человеческой,—
Стало мало людей в граде ставиться.
Арахлински да были му́жики
Собиралися да на зелено́й луг,
Становилися да во единой круг,
Оны думали да думу крепкую.

Ры́ли жеребья да промежду́ собой·
Да кому, идти на ко синю́ морю,
Ко синю́ морю да на ту сходню́,
Да на ту́ сходню да на змейную
Ко лютой змеи да во съядение.
Выпал же́ребей да на царской двор
Да на того царя да на Агапия.
Пошел ведь царь да закручинился,
Закручинился да запечалился,
Он повесил сво́ю голову
Ниже плеч своих, ниже могучиих,
Он спустил свои ясны́ очи
Во матушку во сыру землю.
Он пошел в свои палаты белокаменны.
Постретат его да молода жена,
Молода жена да Елисавия,
Говорит ему да таковы слова:
«Ай же что же, царь, да закручинился,
Закручинился да запечалился,
Ты повесил сво́ю голову
Ниже плеч своих могучиих,
Ты спустил свои ясны́ очи
Во матушку да во сыру́ землю?»
Говорит царь да таковы слова:
«Ай же ты, молода жена,
Молода жена да Елисавия!
Как же мне да не печалиться?
Надо мне пойти да ко синю́ морю,
Ко синю́ морю да на ту́ сходню,
На ту сходню да на змеиную
Ко лю́той змеи да во съядение,—
Мне оставить царство Арахлинское!»
Говорит ему да молода жена:
«Не кручинься, царь, да не печалуйся,
Есть у нас ким замену́тися,
Есть у нас да едина́ дочи́,
Едина дочи да Елисавия,—
Она не нашую да веру веруе,
Не по-нашему да Богу молится:
Она веруе веру хресьянскую,
Она молится да самому Христу,
Самому Христу да Богу распятому,
Она другому — Егорью Светохраброму,
Она третьему — Миколе Святителю.
Может, тыи боги ю помилуют...»

Говорит царь да таковы слова:
«Свеселила ты мою да буйну голову!»
А вовходит царь да во палатушку,
Он заходит, царь, до своéй дочи́,
Говорит ей да таковы слова:
«Ай же ты, едина дочи́!
Едина дочи да Елисавия!
Тебе сватают да трóи сватова.
Первый сватова да в землю в Русию,
Дрýги сватова — в землю неверную,
Третьи сватова да в орду темную!
За которого ты замýж пойдешь?»
Говорит ему да единá дочи́,
Едина дочи да Елисавия:
«Я замуж пойду да в землю в Русию!» —
«Ты замуж пойдешь да в землю в Русию:
Перво платьице возьми венчальное,
Друго платьице возьми печальное,
Третье платьице возьми дорожное!»
Аще тут девица срадовáлася,
Да всю ночь она Богу молилася,
Написала вона да три листа,
Три листа ербовоей бумаженьки.
Аще первый лист Егорью Храброму,
Дрýгой лист самому Христу,
Самому Христу, Царю распятому,
Она третий лист — Миколе Святителю.
Говорит-то ей Агапий-царь:
«Ай же ты, да единá дочи́!
Едина дочи да Елисавия!
Ты вставай утрóм ранёшенько,
Умывайся-ка ты белёшенько,
Утирайся-ка ты скорёшенько,
Поворот держи да молодецкий!»
Уходил ведь царь от своéй дочери,
От своей дочери да с ейной комнаты.
Тут девица спать ложилася.
И проснулася она ранёшенько,
Умывалася она белёшенько,
Утиралася она скорешенько,
Собирала она свóи платьица:
Первы платьица взяла венчальныя,
Вторы платьица взяла печальныя,
Третьи платьица взяла дорожныя.
Выходила она да на крылечико,

На крылечко на перёное.
У крылеченка да у переного,
Там стоит каретушка ведь тёмная,
Запряжен жеребчик неученыий,
Там сидит Ванюша повареныий.
Еще тут девица испугалася,
Подломились ейны резвы ноженьки,
Говорит она да таковы слова:
«Дайте строку мне да ведь немножечко,
Хоть на маленьку да на минуточку
Сходить да мне да [в] сво́ю комнатку,
Взять-то мне да сво́и платьица!»
Приходила она да в свою комнату,
Поклонилась она да Егорью Храброму,
Дру́гому — Миколе Святителю,
Третьему — да самому Христу,
Самому Христу, Царю распятому.
Говорит девица да таковы слова:
«Ты спаси, Господь, да от съядения,
Ты поспей, Егорей, ко синю́ морю,
Ко синю́ морю́ да на ту сходню́,
На ту сходню да на змеиную!»
Тут садилася девица во каретушку,
Во каретушку да в темную.
Повезли девицу ко синю́ морю,
Ко синю морю да на ту сходню́,
Ко лютой змеи да на съядение.
Выходила девица со каретушки,
Со каретушки да со тёмноей.
Откуль-не́-откуль да доброй конь бежит,
Он со всей сбруей да с лошадиноей,
Он со палицей да со булатноей.
На кони теперь да молодец сидит,
Молодец сидит Егорей Светохрабрый.
Приезжал Егорий ко девицушки,
Говорит Егорий таковы слова:
«Для тебя, девица, притомил коня,
Ты садись со мной да на зеленой луг».
И заснул Егорий нонь во крепкий сон.
Стало морюшко да колыбатися,
Стали омуты да подниматися.
Говорит змея да таковы слова:
«Слава Богу, слава Господу,
Три головушки да во съядение,—
Аще первая глава да лошадиная,

Дви головушки да человеческих!»
Аще тут девица прирасплакалась,
Выпала слезинка на бело́ лицо,
На бело лицо Егорью Светохраброму.
И проснулся Свет да со крепка́го сна.
Он встает на ножки резвыя,
Говорит змее да таковы слова:
«Ты не радуйся, да змея лютая!
Не твои это головушки во съядение.
Уж ты стань, змея, да тиха́-кротка́,
Тиха-кротка да что скотининка!
А не станешь ты тиха-кротка,
Тиха-кротка да что скотининка,
Я сожгу тебя да нонь на пе́пелок!»
Он брал, Егорий, да змею да во белы́ руки,
Привязал он, Свет, на шелко́в пояс,
Подает змею девицы во белы́ руки:
«Принимай, девица, змеи лютыя.
Ты сведи змею да ныне лютую,
Ты сведи змею да в Арахлин-город,
Привяжи змею да ко родительску
Да ко крылеченку да ко перёному,
Да ко колеченку да золоченому.
Говори отцу своему, отцу да ты родителю:
Уж вы веруйте веру хресьянскую,
Вы молитеся да самому Христу,
Самому Христу, Царю небесному!
Вы состройте церковь богомольнюю!
Как сострoите церковь богомольнюю,
Я сведу змею да ко синю́ морю,
Распущу змею я на маленьки да на гадёныши,
Я на тоненьки на веретёныши
Распущу змею да по всей Ру́сии.
Не сострoите церковь богомольнюю,
Я спущу змею да взад по-старому!»
Говорит-то ей Агапий-царь:
«Ай же ты, едина́ дочи́, Елисавия да Агапиевна!
Не спусти змею да взад по-старому!
Я сострою три церкви богомольныя
Не по своему да по хотеньицу,
А по вашему да по веленьицу.
Уж мы перву — Егорью Светохраброму,

Уж мы дру́гу — Миколе Святителю,
Уж мы третью — самому Христу, Царю небесному!
Будем веровать веру хрестьянскую,
Оставим-ка веру проклятую!»

26. ЕГОРИЙ И ЗМЕЙ

Во граде было во Антоние,
При царе было при Агее при Евсеиче,
При царице Оксинии,
Когда веровали веру истинную християнскую,
Тогда не бывало на Антоний-град
Никакой беды, ни погибели.
Когда бросили они веру истинную християнскую,
Начали веровать латинскую бусурманскую,
Тогда Господи на них прогневался:
Напустил на них змея лютого,
Змея лютого поедучего.
Выедает змей лютый
Все царство царя Агея Евсеича.
Тогда князья-бояра
На соймище собирались,
Соборы они соборовали,
И жеребьи закладывали:
Кому наперед зверю достануться
На съедение, на смертное потребленье?
И царя они Агея Евсеича
На совет призывали,
Называли его товарищем,
И жеребий за него закладывали.
Доставался ему резвый жеребий
Ко лютому зверю на съедение,
На смертное употребление.
Тогда царь Агей Евсеевич
Пошел на свой на царский двор
Невесел и нерадошен,
Припечалимши, прикручинимши.
Его резвыя ноги подгибаются,
Белыя руци опустилися,
Буйная головушка с плеча свалилася,
Ясны очи погубилися,
Сахарны уста помрачилися,
Белое лицо его приусме́ркнулось,
На буйной главе его власы щётом стали.
Тогда увидела его молодая царица Оксинья,
Возго́ворила она ему таковые словеса:

«О сударь ты мой, царь Агей Евсеевич!
Когда ты, сударь, таков бывал?
Что ты идешь не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему,
Припечалимши и прикручинимши?»
Отвечал ей царь Агей Евсеевич:
«Ой ты еси, моя царица Оксиния!
Не знаешь ты ничего, не ведаешь,—
За наше великое согрешение,
За многое беззаконие
Наслал на нас Господи змея лютого,
Змея лютого, поедучего;
Выедает лютый зверь все мое царство,
Царя Агея Евсеевича.
То со той поры царя́-бояре
На́ соймище собиралися,
Соборы они соборовали,
И жеребья закладывали,
Кому наперед достанется
К змею на съедение
И на смертное потребление.
И меня они, царя, на совет призывали,
Называли они меня товарищем,
И жеребье за меня закладывали;
Доставался мой резвый жеребей
Наперед мне идти
К лютому зверю на съедение!»
Отвечала ему царица Оксиния:
«Не кручинься, мой друг, не печалься!
Есть у нас с тобой чадо милое,
Молодая Прекрасная Лисафета,—
Она нашей-то веры не верует,
И трапезу не трапезует,
Она верует веру истинную християнскую,
По-старому и по-прежнему,
И святому Егорию Храброму.
Предадим мы ее ко лютому зверю на съедение,
На смертное потребление».
Тогда же царь Агей Евсеевич
Со царицею со Оксиниею
Приходили в палату в белокаменную,
Да где же пребывает молодая Елисафета.
Возго́ворили они к ней такия словеса:
«Ой ты гой еси, наше чадо милое,
Молодая, Прекрасная Елисафета!

Умывайся ты, наряжайся во цветное платье,
Подпояшь свой шелко́в пояс сорока пядень. —
Уже замуж мы тебя просватали».
Молодая Прекрасная Елисафета догадалася,
Отвечала им таковыя словеса:
«Осударь ты мой родной батюшка,
Осударыня родна матушка!
Слышит мое сердце, —
Не замуж вы меня собираете,
На смертный час вы меня соряжаете,
Ко лютому зверю на съедение,
На смертное потребление,
Предаете вы меня к смерти скорой!»
Тогда царь Агей Евсеевич
Берет ее за ручку правую,
Ведет ее во чисто поле.
Постановил ее близ синя моря
На крутыим на бережочке,
На сыпучием на песочке,
И сам он грядёт во Антоний-град.
Тогда молодая Прекрасная Лисафета
Оставалась единая близ синя моря,
На крутом береге, на песке сыпучем;
Она плакала, зело рыдала,
Взирала очами на небо,
Призывала Бога на́ помочь,
И Матерь Божию Богородицу,
И святого свет Егория Храброго.
Из чистого далеча поля
Приезжал к ней Егорий Храбрый
На своем на осле на белыем.
Возго́ворил он ей таковыя словеса:
«Ой ты гой еси, молодая Прекрасная Лисафета!
Что ты единая стоишь близ синя моря?
О чем ты плачешь, зело рыдаешь,
Взираешь ты на небо,
Призываешь Бога на́ помочь,
И Мать Божию Богородицу,
И святого Егория Храброго?»
Тогда молодая Прекрасная Лисафета
Не узнала святого Егория Храброго,
Называла его добрым мо́лодцем:
«Вывел меня батюшка
Ко лютому зверю на съедение,
На смертное потребленье,

Предают они меня смерти скорой!»
Речет святой Егорий Храбрый:
«Ой ты, ты гой еси, молодая Прекрасная Лисафета!
Садись ты, смотри в моей буйной главе по́роха,
А очми взирай на синее море.
Когда сине море восколе́бнется,
Тогда лютый змей подымется,—
Ты скажи мне: Егорий Храбрый!»
Тогда молодая Прекрасная Лисафета
Садилась, смотрела в буйной главе пороха
У святого Егория Храброго,
А сама взирала очми на синее море.
Синее море разливалось,
Тогда лютый змей подымается,
Переплывает змей через синее море
Ко копытечку ко ослу белому.
Тогда молодая Прекрасная
Змея лютого испугалась,
Не посмела разбудить Егория Храброго;
Она плакала, зело рыдала,
Обронила свою слёзу святому на бело́ лицо,—
От того святой просыпается.
Сохватал он свое скипетро вострое,
Садился на осла на белого;
Он и бьет змея буйного
В голову, во проклятые его челюсти,
И сам речет Елисафете Прекрасной:
«Ой ты гой еси, молодая Прекрасная Лисафета!
Распояшь ты свой шелко́в пояс,
Свой шелков пояс сорока пядень,
Провздевай ты в его ноздри в змеёвыя,
Поводай змея во Антоний-град!»
Тогда молодая Прекрасная Лисафета
Змея лютого убоялася:
Не распоясала свой шелко́в пояс,
Свой шелков пояс сорока пядень.
Тогда святой Егорий Храбрый
Распоясал сам шелков пояс,
Провздевает он его в ноздри змеёвыя,
Он вручил змея молодой Прекрасной Лисафете.
Тогда молодая Прекрасная Лисафета
Повела змея во Антоний-град.
Приводила его на царский двор,
Воскричала она громким голосом:
«Ой ты гой еси, царь Агей Евсеевич

Со царицею со Оксиньею!
Ой вы гой еси, князья-бо́яре,
Християне православные!
Бросьте вы веру латынскую, бусурманскую,
Поверуйте вы веру истинную християнскую,
По-старому и по-прежнему,
И святому Егорию Храброму!
Естьли вы не бросите,
Вы веру латынскую, бусурманскую,
Напущу я на вас змея лютого;
Поест он вас всех до единого,
И со старого до малого,
И царя Агея Евсеевича
Со царицею со Оксиньею!»
Тогда же царь со царицею
И все князья-бояре православные
Воскричали громким голосом,
Проливались горючи́ слёзы:
«Осударыня ты наша, матушка,
Прекрасная Лисафета!
Не пущай ты на нас змея лютого,
Змея лютого поедучего.
Бросим мы веру латынскую, бусурманскую,
Поверуем веру истинную християнскую,
По-старому и по-прежнему,
Егорию Храброму!»
Тогда молодая Прекрасная Лисафета
Повела змея на гору на каменную,
Постановила змея на камни,
Проклинать стала змея с ка́менем;
А сама грядет во Антоний-град.
Тогда царь Агей Евсеевич
Со царицею со Оксиньею
Воскричали громким голосом:
«Ой вы гой еси, бояре, християне,
Ой вы гой еси, попы и священники наши!
Спущайте гласы колокольные,
Подымайте иконы местныя,
Служите молебны честные,
За Лисафетино моление,
За Егория Храброго страдание!»
Славен наш Бог, прославился!
Аминь.

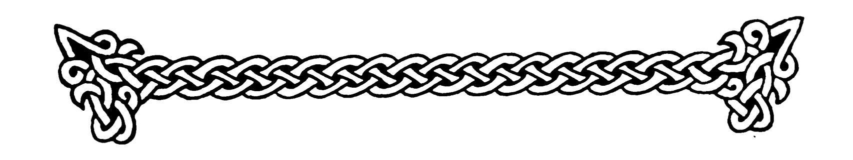
27. СКАЗАНИЕ О ГЕОРГИИ ХРАБРОМ — ИСКОРЕНИТЕЛЕ БАСУРМАНСТВА И ПОБОРНИКЕ СВЕТЛОЙ РУСИ

Во святой земле православной
Нарождается желанное детище
У тоя ли премудрыя Софии;
И нарекает она по имени
Свое то детище Георгий,
По прозваньицу Храброй.
Возростает Георгий Храброй
Промеж трех родных сестер,
От добра дела не отходючи,
Святым словом огражаючи,
Миру крещеному угожаючи.
Как и стал он, Георгий Храброй,
Во матер возраст приходити,
Ум-разум спознавати,
И учал он во те поры
Думу крепкую оповедати
Своей родимой матушке,
А и ей ли премудрой Софии:
«Соизволь, родимая матушка,
Осударыня, премудрая София,
Ехать мне ко земле Светлорусской
Утверждать веры христианския».
И дает ему родимая матушка,
Она ли осударыня премудрая София,
Свое благословение великое
Ехать ко той земле Светлорусской
Утверждать веры христианския.
Едет он, Георгий Храброй,
Ко той земле Светлорусской,
От востока до запада поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Бесерменскую веру побеждаючи.
Наезжает он, Георгий Храброй,
На те леса, на темные,
На те леса, на дремучие.
Хочет он, Георгий, туто проехати,
Хочет он, Храброй, туто протóрити,—
Нельзя Георгию туто проехати,
Нельзя Храброму туто подумати.
И Георгий Храброй проглаголует:
«Ой вы, леса, леса темные!
Ой вы, леса, леса дремучие!

Зароститеся, леса темные
По всей земле Светлорусской,
Раскиньтеся, леса дремучие,
По крутым горам, по высокиим,
По Божьему все велению,
По Георгиеву все молению!»
По его слову, Георгиеву,
По его ли Храброго, моленью
Заростали леса темные
По святой земле Светлорусской,
Раскидалися леса дремучие
По крутым горам по высокиим.
Наезжает он, Георгий Храброй,
На те горы на высокия,
На те холмы на широкие.
Хочет он, Георгий, туто проехати,
Хочет он, храброй, туто протóрити,—
Нельзя Георгию туто проехати,
Нельзя Храброму туто подумати.
И Георгий Храброй проглаголует:
«Ой вы, горы, горы высокия!
Ой вы, холмы, холмы широкие!
Рассыпьтеся, горы высокия,
По всей земле Светлорусской,
Становитесь, холмы широкие,
По степям, полям зеленыим,
По Божьему все велению,
По Георгиеву все молению!»
По его ли слову, Георгиеву,
По его ли, Храброго, молению,
Рассыпáлися горы высокия
По всей земле Светлорусской,
Становилися холмы широкие
По степям, полям зеленыим.
Наезжает он, Георгий Храброй,
На те моря на глубокия,
На те реки на широкия.
Хочет он, Георгий, туто проехати,
Хочет он, Храброй, туто проторити,—
Нельзя Георгию туто проехати,
Нельзя Храброму туто подумати.
И Георгий Храброй проглаголует:
«Ой вы, моря, моря глубокия!
Ой вы, реки, реки широкия!
Потеките, моря глубокия,

По всей земле Светлорусской,
Побегите, реки широкия,
От востока да и до запада,
По Божьему все велению,
По Георгиеву все молению!»
По его ли слову, Георгиеву,
По его ли, Храброго, молению,
Протекали моря глубокия
По всей земле Светлорусской,
Пробегали реки широкия
От востока да и до запада.
Наезжает он, Георгий Храброй,
На тех зверей на могучиих.
На тех зверей на рогатыих.
Хочет он, Георгий, туто проехати,
Хочет он, Храброй, туто протóрити, —
Нельзя Георгию туто проехати,
Нельзя Храброму туто подумати.
И Георгий Храброй проглаголует:
«Ой, вы, звери, звери могучие!
Ой вы, звери, звери рогатые!
Заселитеся, звери могучие,
По всей земле Светлорусской,
Плодитеся, звери рогатые,
По степям, полям бéз числа,
По Божьему все велению,
По Георгиеву все молению».
И он, Георгий Храброй, заповедует
Всем зверям могучиим,
Всем зверям рогатыим:
«А и есть про вас на съедомое —
Во полях трава муравчата,
А и есть про вас на пойлицо —
Во реках вода студеная».
По его ли слову, Георгиеву,
По его ли, Храброго, молению,
Заселялися звери могучие
По всей земле Светлорусской.
Плодились звери могучие
По степям, полям бéз числа;
Они пьют, едят повеленное,
Повеленное, заповеданное
От его, Георгия Храброго.
Наезжает он, Георгий Храброй,
На то стадо на змииное,

На то стадо на лютое.
Хочет он, Георгий, туто проехати,
Хочет он, Храброй, туто протóрити.
И стадо змеиное возговорит
Ко тому ли Георгию Храброму:
«Али ты, Георгий, не ведаешь,
Али ты, Храброй, нé знаешь,
Что та земля словом заказана,
Словом заказана, заповедана?
По той земле заповеданной
Пеш человек не прохаживал
На коню никто не проезживал.
Уйми ты, Георгий, своего коня ретивого,
Воротися ты, Храброй, сам назад».
Вынимал Георгий саблю острую,
Нападал Храброй на стадо змииное.
Ровно три дня и три ночи
Рубит-колет стадо змииное;
А на третий день ко вечеру
Посек-порубил стадо лютое.
  Наезжает он, Георгий Храброй,
На ту землю Светлорусскую,
На те поля, реки широкия,
На те высоки терема златоверхие.
Хочет он, Георгий, туто проехати,
Хочет он, Храброй, туто протóрити.
Как и тут ли ему, Георгию,
Выходят навстречу красны девицы,
Как и тут ли ему, Храброму, проглаголуют:
«А и тебя ли мы, Георгий, дожидаючись,
Тридцать три года не вступаючи
С высока терема златоверхого;
А и тебя ли мы, Храброго, дожидаючись,
Держим на роду велик обет:
Отдать землю Светлорусскую,
Принять от тебя веру крещеную».
Принимает он, Георгий Храброй
Ту землю Светлорусскую
Под свой велик покров,
Утверждает веру крещеную
По всей земле Светлорусской.



МУЧЕНИКИ

28. ЕГОРИЙ ХРАБРЫЙ И ЦАРИЩЕ ДЕМЬЯНИЩЕ

Как-то в славном граде в Ерусалимове,
Как у Федора да видь было благоверного
Да видь што жена была Софья Премудрая,
Да видь породила Федору трех дочерей,
Да што четвертого сына Егория,
Да што святого света Храброго.
Да што из того видь царства Вавилонского
Да поднимался царь-царище Демьянище,
Да видь он на тот на Ерусалимов град,
Да видь он много народу прибил, прирубил,
Да видь он много народу на меч склонил,
Да видь святыя церкви он на дым спущал,
Да видь он много народу в полон набрал,
Да видь запóлонил у Федора трех дочерей,
Да видь што четвертого — сына Егория,
Да видь што святого света Храброго,
Да видь што увел то его во царство Вавилонское,
Да видь стал-то Егория крепко спрашивать:
«Да ты скажи, Егорий, не лукавься, мне,
Да видь ты которой вере веруешь,
Да видь ты которому Богу молишься?»
Да видь што святой-то Егорий проговаривал,
Свет и Храбрый Егорий проглаголивал:
«Да видь, злодей царь-царище Демьянище,
Да видь я в веру верую крещеную,
Да видь я во Мать Божью да Богородицу,
Да видь я во Троицу велику неразделимую».
Да видь што злодей царь-царище Демьянище
Да видь улещает Егория словом ласковым,
Да видь прививает Егория ко своей вере,
Да видь ко своей ко вере ко идольской.
Да видь он сулил-то Егорию много злата-сéребра,
Да видь он сулил-то Егорию много скатного жемчугу:

«Да ты верь-ко, Егорий, во мою веру,
Да ты поклоняйся, Егорий, моим идолам,
Да видь дам тебе я много злата-серебра,
Да видь дам тебе скатного жемчугу».
Да и святой-то Егорий проговаривал,
А свет и Храбрый Егорий проглаголивал:
«Да видь, злодей царь-царище Демьянище,
Да видь я в веру верую во крещеную,
Да видь во Мать Божью да Богородицу,
Да видь во Троицу велику неразделимую».
Да видь злодей царь да царище Демьянище,
На святого-то Егорья зло пыляючи,
Он велел-то Егорья на мученье предать,
На мученье предать Егорья на великое:
Дак видь он велел-то Егорья во пилы пилить,
Дак видь во пилы пилить да во булатныя.
Дак видь у пил зубьё да приломалося,
Да што Егорью ничего не вре́дило;
Дак видь што прогласил, проглаголивал:
«Да видь што великая наша вера крещеная,
Да велика Мать Божья Богородица,
Да видь Троица велика неразделимая!»
Да видь што злодей царь-царище Демьянище,
На святого-то Егорья зло пыляючи,
Он велел-то Егорья на мученье предать,
На мученье предать Егорья на великое:
Да видь велел-то Егорья в топоры рубить,
В топоры рубить Егорья в железные.
Дак у то́порья лы́зье приломалосе,
Да што Егорью ничего не вре́дило.
Да прогласил Егорий до небес святых:
«Да што великая наша вера крещеная,
Да што есть Мать Божья да Богородица,
Да што есть Троица велика неразделимая».
Да и што злодей царь-царище Демьянище,
Да видь на святого Егорья зло пыляючи,
Да видь он велел-то святого Егорья на мученье предать,
На мученье предать Егорья на великое:
Велел-то Егорья во печи его жегчи,
Во печи жегчи Егорья в огне-по́лыме.
Выростала в печи да тра́ва-му́рава,
Росцветали цветы да все лазоревы,
Да видь што святому Егорью ништо не́ вредит.
Да видь прогласил Егорий до небес святых:
«Да што велика наша вера крещеная,

Да што есть Мать Божья да Богородица,
Да што есть Троица велика неразделимая!»
  Да што злодей царь-царище Демьянище
Да видь на святого Егорья зло пыляючи,
Да видь он велел-то Егорья на мученье предать,
На мученье предать Егорья на великое:
Да видь он велел-то Егорью сапоги ему ковать,
Сапоги ковать Егорью железные.
Разжигали же жаром огнем-полымем,
Да велели Егорью в сапоги ему ставать,
В сапоги ему ставать да видь в железные,
В железные да видь все в каленые.
Да видь што Егорий в сапоги ставал,
В сапоги ставал да видь в железные,
В железные да видь всё в каленые.
Да видь у мастера было у сапожного
Да видь резвы ноженьки его да повихнулися,
Да видь белы рученьки его да опустилися,
Да видь ясны оченьки его да помутилися,
Да видь буйная голова да покатилася.
Да видь што Егорью ништо не́ вредит.
Да видь прогласил Егорий до небес святых:
«Да што велика наша вера крещеная,
Да што есть Мать Божья да Богородица,
Да што есть Троица вели́ка неразделимая!»
  Да видь што злодей царь-царище да Демьянище,
Да видь на святого Егорья зло пыляючи,
Дак он велел-то Егорья на мученье предать,
Да видь на мученье предать Егорья на великое:
Да видь он велел-то Егорья на воде его топить,
На воде топить Егорья на синём на́ море.
Што поверх воды святой Егорий плавает,
Да видь он поверх воды на святом на возду́хе.
Да видь што святому Егорию ничем не вредит.
Да видь возгласил, прогласил Егорий до небес святых.
«Да видь што велика наша вера крещеная,
Да видь што есть Мать Божья да Богородица,
Да видь што есть Троица вели́ка неразделимая!»
  Да видь што злодей царь-царище Демьянище,
Да видь на святого на Егорья зло пыляючи,
Да видь он велел-то Егорья на мученье предать,
Да видь на мученье предать Егорья на великое:
Да видь он велел-то Егорья пригвоздити ко́ древу,
Пригвоздити ко дре́ву Егорья ко высокому.
Пригвоздили Егорья да гвоздями железными.

Да видь што железными гвоздями раскаленными.
Да видь што святой-то Егорий проговаривал,
Да свет и Храбрый Егорий проглаголивал:
«Дак ты сошли-ко, Господи Боже, с небес ангилей,
Да видь с небес ангилей да двух архангилей,
Дак отгвоздить меня от древа от высокого
Да видь ради веры своея крещеныя,
Да видь ради Матери своей да Богородицы,
Да видь ради Троицы своей неразделимыя».
Да видь ангилы на землю сохóдили,
Да видь отгвоздили от древа Егория от высокого,
Да пригвоздили ко древу тогда ко высокому,
Да видь самого-то царя-царища Демьянища,
Да видь пригвоздили гвоздями его железными,
Да што железными гвоздями раскаленными.
Да што злодей царь-царище Демьянище
Дак он святому Егорию тогда возмóлился,
Да свету Храброму Егорью воспокаялся:
«Да видь ты, святой Егорий-свет и Храбрыи,
Дак отгвозди меня от древа от высокого
Да ради своея веры крещеныя,
Да ради своея Матери Святой Богородицы,
Да ради Троицы своёй неразделимыя.
Да видь я не стану тебя в муках мучити,
Да стану в вашу веру я веровать,
Да в Матерь Божию да Богородицу,
Да видь во Троицу велику неразделимую».
Да што святой-то Егорий-свет проговаривал,
Да свет и Храбрыи Егорий проглаголивал:
«Да ты, злодей цари да царище Демьянище,
Да видь это ты меня, святого Егорья-света омманываешь, —
Да ты не станешь в нашу веру веровать,
Да ты не станешь нашему Богу молитися.
Да што велика наша вера крещеная,
Да его Матерь Божия да Богородица,
Да его Троица великая неразделимая!»
Да видь што святой-то Егорий-свет и Храбрыи
Дак отгвоздил он от древа от высокого
Да самого царя-царища Демьяница
Да ради, своеё веры крещеныя,
Да ради Матери да Святой Богородицы,
Да ради Троицы святой неразделимыя.
Да што злодей царь-царище Демьянище
Да на святого на Егорья пуще возлóбился:
Он велел-то Егорья во котле его варить,

Во котле варить, во смоле, свинце, в олове.
Дак налили в котел смолы, свинца, волова,
Дак он и сам-то злодей в котел смолы подкладывал,
Дак он и сам-то злодей приговаривал:
«Да роскипись-ко в котле смола, свинец, волово,
Да пожри-ко Егорья-света Храброго,
Да не бывать бы Егорью на сей нá земли,
Да не видать бы Егорью свету белого,
Да не ýзрить бы Егорью солнца красного».
Да велел Егорью-свету Храброму
Во котел ставать в смолу, свинец, волово.
Да становился Егорий поверх котла,
Што поверх котла на святом на воздухе,
Да што святому Егорью ништо нé вредит.
Да возгласил-прогласил до небес святых:
«Да што велика наша вера крещеная,
Да его Мать Божья да Богородица,
Да его Троица великая неразделимая!»
Да што злодей царь-царище Демьянище,
Да на святого на Егорья зло пыляючи,
Дак он велел-то Егорью наледни́к ему копать,
Наледник копать ему глубокой.
Глубиной наледник шестьдесят ему сажóн,
Длиной наледник сорока ему сажóн,
Зашивать его щитою дубовые,
Закрывать его крышкам железными,
Засыпать его пескам круто-желтыми.
Да святому Егорью-свету Храброму
Да копали наледник глубокои,
Да видь глубиной наледник шестьдесят сажóн,
Да видь длиной наледник сорока сажóн.
Да видь што святого Егорья посажаючи,
Да все на тридцать лет да все на три года,
Зашивали его щитою дубовые,
Закрывали его крышкам железными,
Засыпали пескам круто-желтыми.
Да видь сам-то злодей песок притоптывал,
Да видь сам-то злодей тогда приговаривал:
«Да видь не бывать бы Егорью на сей нá земли,
Да не видать бы Егорью света белого,
Да не ýзрить бы Егорью солнца красного».
Да проходило время это великое,
Да ровно тридцать лет да ровно три года.
Во сырой-то земли Егорий проговаривал,
Свет и Храбрый Егорий проглаголивал:

«Да вы подуйте-ко витры со вихорем
Со восточные да со сторонушки,
Рознесите пески да круто-желтые,
Дак росшепите вы щиту дубовую,
Дак раскройте вы крышки железные
Да видь всё за Егорьево за моление,
Да видь всё за Егорьево за терпение!»
Да видь потянули витры со вихорем
Да со восточные да со сторонушки,
Да рознесли пески да круто-желтые,
Да росщепили щиту да дубовую,
Да раскрыли крышки железныя.
Дак што увидел Егорий свету белого,
Дак што ўзрил Егорий солнце красное.
  Дак из сырой земли Егорий выхождаючи,
Да видь святую веру утверждаючи,
Да пошел Егорий в Ерусалимов град.
Дак што во дальном во чисто́м поле
Дак стояла одна церква соборная,
Да соборная церква богомольная.
Дак во церкву Егорий вохождаючи,
Дак матери Софии в ноги припадаючи:
«Мать моя, София Премудрая,
Скажи, батюшка где доброй конь?» —
«Да твоего батюшка доброй конь да во чисто́м поле,
Да на добре коне сбруя ратная,
Да видь со добра коня сбруя не снятая».
  Да пошел Егорий во чисто́ поле,
Да што добра коня себе искаючи.
Да по святой-то России проезжаючи,
Да што святую веру утверждаючи.
Дак што святой-то Егорий тогда наедучи
Дак он на те на горы на толкучия.
Дак што те горы толкаются,
Дак они со́йдутся-разо́йдутся,—
Да што нельзя Егорью проехати,
Да што нельзя Егорью и подумати.
Да што святой-то Егорий проговаривал,
Да свет и Храбрыи Егорий проглаголивал:
«Дак уж, гой еси, горы толкучия,
Дак видь расходитеся, горы, по всёй земли,
Да што по всёй земли, горы, по святой Руси.
Да што на вас, горы, да будут строити,
Да будут строить церкви соборныя,
Да што соборныя церкви богомольныя».

Да што расходилися горы по всёй земли,
Да што по всёй земли да по святой Руси,
Да всё за Егорьево всё видь умоление,
Да всё за Егорьево велико претерпение.
Да што святой-то Егорий тогда поезжаючи,
Да што святую веру Егорий утверждаючи,
Да што святой Егорий тогда наедучи,
Да што на те леса дремучие.
Да што ко сырой-то земли леса клонятся,
Дак от сырой-то земли леса не отклонятся,—
Да што святому Егорию нельзя проехати,
Да што свет и Храброму нельзя и подумати.
Да што святой-то Егорий проговаривал,
Да што свет и Храбрый проглаголивал:
«Дак вы, гой еси, вы леса дремучие,
Дак отделяйтесь, леса, дак от сырой земли.
Да я из вас, леса, да буду строити,
Да буду строити церквы соборныя,
Да церквы соборныя богомольныя».
Да за Егорьево всё видь умоление,
Да за Егорьево всё видь претерпение,
Дак отделялись леса от сырой земли.
Дак вот святой-то Егорий проезжаючи,
Дак святую веру утверждаючи,
Дак што святой-то Егорий тогда наехавши
Дак он на стадо на серы́х волков,
На серы́х волков на прыскучиих.
Да што нельзя Егорию проехати,
Да што нельзя никак и подумати.
Да што святой-то Егорий проговаривал,
Да што свет и Храбрыи проглаголивал:
«Да уж вы, гой еси, волыки прыскучие,
Расходитесь, волыки, по всёй земли,
Да вы по всёй земли, по святой Руси,
Да где вы по три, по два, по единому,
Да покушайте, волки, всё по-веленному,
Да всё за Егорьево умоление,
Да за его, за святого, претерпение».
Расходилися волки по всёй земли,
Да што по всёй земли, да по святой Руси,
Да где оны по три, по два, по единому,
Дак оны кушали волки по-веленному.
Да видь што святой-то Егорий проезжаючи,
Дак он святую веру утверждаючи,
Да видь святой-то Егорий тогда наехавши,

Да видь он на то на стадо на змеиное,
На змеиное стадо, на лукавое.
Да што пасли это стадо три пастыря,
Да три пастыря, да красныя де́вицы.
Да што святой-то Егорий проговаривал,
Да свет и Храбрый Егорий проглаголивал:
«Дак ой уж вы, гой еси, да три пастыря,
Да три пастыря, да красныя де́вицы,
Дак вы откудова, да три пастыря,
Дак вы которого дак вы и города,
Дак вы которого да отца-матери?» —
«Да уж мы города Ерусалимова,
Дак отца Фёдора до Благоверного,
Дак наша мати София да Премудрая».—
«Дак уж и гой еси, да трии пастыря,
Да трии пастыря, да красны де́вицы,
Да видь вы родимыя да мои се́стрицы,
Да видь вы пасли стадо змеиное,
Да видь вы окаянного духу нахваталися,
Да вы сходите в Ердань-реку искупайтеся».
Да видь святой Егорий свет и Храбрыи,
Да видь стругал Егорий стружки дубовыя,
Да видь ко стружкам приговаривал:
«Да видь обращайтеся, стружки, в калены́ стрелы,
Да видь што побейте змеёнышей,
Да видь змеиное стадо лукавое!»
Обращались стружки в калёны стрелы,
Побили стадо змеиное,
Змеиное стадо лукавое,
Да всё за Угорьево умоление
Да всё за его, святого, претерпение.
Да што святой-то Егорий тогда поехавши,
Дак он по той-то земли проезжаючи,
Дак он святую веру утверждаючи,
Дак видь святой-то Егорий тогда наехавши
На самого-то царя-царища Демьянища.
Да заревел злодей-царь по-звериному,
Зашипел злодей-царь по-змеиному.
Да видь под ним [под Егорием] конь да озирается,
Да видь от сырыя земли на отделяется,
Да видь вынимает палицу дубовую,
Да видь он и бьет коня по крутым бедрам.
Дак и доброй конь да испровещился
Да человеческим ли я́зыком
Да молодеческим ли голосом:

«Да ты святой Егорий свет и Храбрыи,
Да натягивай свой ту́гой лук,
Да накладывай стрелочку калёную,
Да опущай окаянному царю во челюсти,
Да отщепи ему лёгко с печенью,
Да от него кровь про́пусти,
Да ты пролей кровь за батюшку,
Да за батюшку пролей кровь, за матушку,
Да ты пролей еще кровь за родных за сестер».
Дак вот святой Егорий-то свет и Храбрыи
Да видь натягивал свой ту́гой лук,
Да видь накладывал стрелочку калёную,
Опущал окаянному царю во челюсти,
Отщепил ему лёгко с печенью,
Да от него кровь про́пустил
Да не по колен, да все не по́ пояс,
Дак пожирала Егорья по белы́м грудям.
Дак вынимал да копьё бусурманское,
Дак ударил копьём во сыру́ землю:
«Уж ты, матушка сыра земля,
Расщепись-ко ты на две половины, на четыре четверти,
Пожри-ко ты в себя кровь неверную,
Да што неверную кровь бусурманскую
Да всё за Егорья за умоление,
Да за его, святого, претерпение».
Расступилась матушка сыра земля,
Пожрала в себя кровь неверную,
Што неверную кровь бусурманскую.
Да што святой-то Егорий проговаривал,
Да свет и Храбрыи проглаголивал:
«Уж я пролил кровь я за батюшку
Да за батюшку пролил кровь, за матушку,
Дак я еще пролил кровь да за родных-то сестер».
Да што святой-то Егорий проезжаючи
Да што во то во царство Вавилонское,
Даа што он и строил и церкву соборную,
Соборную церкву, богомольную.
Дак он списал свой лик на образи,
Дак он поставил образ за престол Божий,
Завещал попам, отцам духовныим,
Дак всему миру православному:
«Дак вы, гой еси, попы, отцы духовные,
Дак вы християне православные,
Дак вы ходите во церкву во соборную,
Дак вы молитеся Богу Господу,

Да поклоняйтесь чудному образу
Да святому Егорию Храброму».
Да видь што пошла слава по всей земли,
Да што по всей земли слава по святой Руси,
Што от ныне во веки веков. Аминь.

29. СТИХ ПРО ЕГОРИЯ ХРАБРОГО

Во седьмом году восьмой тысячи
Наезжал царище Кудреянище
Ко тому ли городу Чернигову.
Он князей, бояр всех повырубил,
Благоверного князя Федора
Он под меч склонил,
Голову срубил.
Оставалося чадо малое
Молодой Егорей Светло-Храбрый:
По локоть руки в красном золоте,
По колена ноги в чистом се́ребре,
И во лбу солнце, во тылу месяц,
По косицам звезды перехожия.
Он того, собака, не пытаючи,
Начал Егорья-света мучити
Всякими муками да разноличными.
Начал он Егорья топорами сечь:
Топоры — всё зубьё прикрошилося,
А Егорья-света не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
Он того, собака, не пытаючи,
Начал он Егорья пилой пилить:
У пилы всё зубьё прикрошилося,
Прикрошилося, всё приломалося,
А Егорья-света не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
Он того, собака, не пытаючи,
Начал Егорья водой топить,
Колесом вертеть:
Колесо в щепу все приломалося,
А Егорья-света не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
От того, собака, не пытаючи,
Начал он Егорья в котле варить:
Егорей-свет в котле стойком стоит,
Стойком стоит, сам стихи поет,

Стихи поет все херувимские;
Под котлом растет трава муравлена,
Растут цветочки лозоревы,
Он того, собака, не пытаючи,
Копал погреба глубокие,
Долины погреб двадцати са́жен,
Ширины погреб тридцати сажен,
[В] глубину погреб сорока сажен.
Посадил Егорья-света с матерью
Во тот погреб во широкой.
Задергивал решетки железныя,
Желтым песком призасыпывал,
Серым каменьем призаваливал,
Муравой-травой замуравливал.
Он пошел, собака, похваляется:
«Не бывать-ска Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью света белого,
Света белого, солнца красного».
По Егорьевой было по участи,
И по Божьей было по милости,
Стонка́ завевали ветры буйные
Из того из далеча чиста поля,—
Мураву-траву всю размуравило,
Серо каменье все приразвалело,
Желты пески все приразвеяло,
Решеточки все прираздергало.
Выходил Егорей на святую Русь,
Увидал Егорей света белого,
Света белого, солнца красного.
Стал просить благословения,
Благословения матушки родимыя
Поехать к Кудреяну-Кудреянищу
Изместить обиды все родительския.
Унимает его матушка родимая:
«Не поезжай — у Кудреяна-Кудреянища
Есть три заставы, три великия.
Первая застава великая —
Стоят леса темные,
Они засели до́ неба,
И стиглому и сбеглому проходу нет,
И удалому добру молодцу проезду нет.
А другая застава великая —
Стоят две горы высокия,
Разо́йдутся да вместе сто́лкнутся,
Ни стиглому, ни сбеглому проходу нет,

Ни удалому молодцу проезду нет» —
«Ой же ты, матушка родимая!
Не Божьим все есть изволением,—
Все вражиим навождением!»
Поехал удалой доброй молодец,
Приехал к лесам темныем:
«Ой все вы, лесы, лесы темные!
Полноте-ко врагу веровать,
Веруйте-ко в Господа распятого,
Самого Егорья-света Храброго!»
Стали лесы по-старому,
Стали лесы по-прежнему.
Поехал Егорий-светы Храбрый,
Приехал к горам высоким:
«Полноте-ко, горы, врагу веровать,
Веруйте-ко в Господа распятого,
Самого Егорья-света Храброго!»
Стали горы по-старому,
Стали горы по-прежнему.
Проехал Егорей-светы Храбрый,
Приехал к реке огненной:
«Полно-ко, река, врагу веровать,
Веруй-ко в Господа распятого,
Самого Егорья-света Храброго!»
Стала река по-старому,
Стала река по-прежнему.
Колотят платье две девицы,
Две русския полоняночки:
«Ой же ты, удалой доброй молодец!
Есть еще у Кудреяна Кудреяныча,
Есть три заставы, три великия,—
Первая зáставь — сидит над крыльцом птица,—
Унесет тебя в чисто поле,
Малым детям на съяденье.
Над крыльцом сидит змея лютая —
Ухватит тебя на хобот свой,
Унесет тебя в чисто поле,
Малым детям на съяденье.
В палатах у него есть меч-самосек,
Отсекет у тебя буйну голову!» —
«Все это не Божиим изволением,
Все вражиим навождением!»
Ох ты, птица, птица, лети в чисто поле,
Хватай поганых татаровей!
Ох ты, змея, змея лютая,

Лети, змея, в чисто поле,
Хватай поганых татаровей!
Ох ты, меч, меч-самосек,
Ссеки у Кудреяна-Кудреянища,
Ссеки буйну голову!»

30. О СВЯТОМ МЛАДЕНЦЕ КИРИКЕ, О МУЧЕНИИ, КАК ЕГО МУЧИТ ЦАРЬ, ОТЕЦ БЫВШИЙ ЕМУ, ПО ИХНОМУ МАГОМЕТАНСКОМУ ЗАКОНУ

Во славном было в городе в Домостееве.
Жил-был неверный царь Максимиан,
У него была честная жена Улита,
Она веру веровала ко Господу.
Избежала из-под городу из Домостеева
Во тот во Евсеев город.
Неверный царь Максимиан,
Он посланников за нею посылывает,
За честнóю женою Улитою,
В тот во Евсеев город.
Еще взяли возвратили в Домостеев город
Ко неверному царю Максимиану.
Неверный царь Максимиан
Он честнóй жене обрадовался.
Вставал он на ноги на резвыя,
Еще стал ее допрашивати:
«Честнáя жена Улита,
Будешь ли ты в мою веру веровать?
Будешь ли моим идолом молитися?»
Честнáя жена Улита
Жалко вопиюще гласит:
«Неверный царь Максимиан!
Стала бы твою веру веровать
Стала бы твоим идолам молитися, —
Есть у меня святой младенец Кирик,
Трех лет без трех месяцев,
Токо он станет твою веру веровать,
Твоим идолам молитися!»
Неверный царь Максимиан
Посланников своих посылывает
За святым младенцем за Кириком.
Посланняки за ним походили,
Нашли его во городе Иерусалиме
У церквы у соборныя

У Петра у Павла —
Чтет он книгу апостольскую.
Еще взяли возвратили святого младенца Кирика
Во тот в Домостеев город
Ко царю ко неверному.
Неверный царь Максимиан
Святому младенцу Кирику обрадовался.
Вставал он на ноги на резвыя,
Стал он его допрашивати:
«Свя́тый младенец Кирик,
Трех лет без трех месяцев!
Станешь ли мою веру веровать?
Будешь ли моим идолам молитися?
Твоя родимая мати
Хочет мою веру веровать,
Хочет моим идолам молитися».
Святый младенец Кирик
Жалко вопиюще гласит:
«Неверный царь Максимиан!
Все это ты меня омманываешь.
Когда станет моя родимая мати
Твою веру веровать,
Твоим идолам молитися?
Велика наша вера крещеная,
Велик наш христианский Бог!
Неверный царь Максимиан
Приходит к нему с уложением[1],
Стал его допрашивать:
«Святой младенец Кирик,
Станешь ли мою веру веровать?
Будешь ли моим идолам молитися?
Я сострою тебе светлую светлицу,
Дам тебе слугу верную,
Еще дам тебе злата-се́ребра
Еще дам тебе драгоценного самоцветного ка́мени».
Святой младенец Кирик
Жалко вопиюще гласит:
«Неверный царь Максимиан!
Мне не надо с тебя светла светлица,
Мне не надо с тебя слуга верныя,
Мне не надо с тебя злата-серебра
Мне не надо с тебя самоцветного драгоценного ка́мени.
Пропадешь ты на сем свету
Со златом, с серебром,

[1] С мысленными словами. *(Примеч. певца.)*

Пропадешь ты с драгоценным, с самоцветным ка́менем.
Велика наша вера крещеная,
Велик наш христианский Бог!»
  Неверный царь Максимиан
На святого младенца на Кирика,
Он на него озлобился,
Приказал он его на мученье взять,
На мученье на великое:
Приказал он буйную голову пилить по каменю.
Увидела честная жена Улита
Святого младенца Кирика:
«Святой младенец Кирик!
Ведут тебя на великое мучение,
Пилить буйную голову ко каменю.
Для чего ради твое лицо не помрачилося?
От твоего бела лица лучи стоят,
Как от солнца от праведного?»
Святой младенец Кирик
Жалко вопиюще гласит:
«Родимая моя мати,
Честна́я жена Улита!
Для того ради мое лицо не помрачилося,
От моего бела лица лучи стоят,
Как от солнца от праведного:
Велика наша вера крещеная,
Велик наш христианский Бог!»
  Неверный царь Максимиан
На святого младенца на Кирика,
Он пуще на него озлобился.
Приказал он его на мученье взять,
На мученье взять на великое.
Приказал он ковать обручи железные,
Разжигать жаром-огнем-пламенем.
Ковали обручи железные,
Разжигали жаром-огнем-пламенем,
Наложили на них, на буйны́я главы́,
Со родимою со матерью,
С честно́й женой Улитою.
Святой младенец Кирик
Жалко вопиюще гласит
Ко царю ко небесному:
«Господи, Отец, Сын, Святый Дух!
Услышьте молитву святого младенца Кирика —
Не отдайте на великое мучение
Ко царю ко неверному.

Соймите с нас обручи железные
Со родимою со матерью».
Услышал Господи молитву
Святого младенца Кирика —
Двух ангелов на землю посылывает.
Два ангела на землю соходили,
Снимали с них обручи железные;
Еще взяли на их главы
Возложили золотые венцы.
Святой младенец Кирик,
Трех лет без трех месяцев,
Жалко вопиюще гласит:
«Неверный царь Максимиан!
Погляди-ко: на нас золотые венцы.
Велика наша вера крещеная,
Велик наш христианский Бог!»
Неверный царь Максимиан
На святого младенца на Кирика,
Он пуще на него озлобился —
Приказал он пригвоздить к древу превысокому.
Ковали гвозди железные,
Разжигали жаром-огнем-пламенем.
Еще взяли приводили святого младенца Кирика
Со родимой со матерью,
С честно́й женой Улитою,
Ко тому ко древу превысокому.
Святой младенец Кирик
Жалко вопиюше глаголет
Ко Царю ко небесному:
«Господи, Отец, Сын, Святой Дух!
Услышьте молитву святого младенца Кирика —
Не отдайте на великое мучение
Ко царю ко неверному.
Отгвоздите меня от древа превысокого
Со родимою со матерью
Ради своея веры крещеныя,
Ради своего Бога христианского!»
Услышал Господи молитву святого младенца Кирика,
Двух ангелов на землю посылывает.
Два ангела на землю соходили,
Еще взяли отгвоздили святого младенца Кирика
Со родимою со матерью,
С честной женой Улитою.
На то место взяли пригвоздили
Неверного царя Максимиана.

Неверный царь Максимиан
Святому младенцу Кирику возмо́лился:
«Святой младенец Кирик,
Трех лет без трех месяцев!
Отгвозди меня от древа превысокого
Ради своея веры крещенья,
Ради своего Бога христианского.
Буду я вашу веру веровати,
Буду я вашему Богу молитися.
Велика ваша вера крещеная,
Велик ваш христианский Бог!»
Святой младенец Кирик
Жалко вопиюще гласит:
«Неверный царь Максимиан!
Когда ты станешь нашу веру веровать
И нашему Богу молитися?
Все ты нашего Бога омманываешь!»
Святой младенец Кирик
Отгвоздил его от древа превысокого,
Разгвоздил гвозди железные
Ради своея веры крещенья,
Ради Бога христианского.
Неверный царь Максимиан
На святого младенца на Кирика,
Он пуще на него озлобился.
Приказал он его на мученье взять,
На мученье на великое.
Приказал он наносить в котел
Свинцу, смолы и олова,
Разжигать жаром-огнем-пламенем.
Наносили в котел свинцу, смолы, олова,
Разжигали жаром-огнем-пламенем.
Заревел-закипел котел,
Ровно гром загремел,
Слышно было на тридцать верст.
Устрашилась его родимая мати,
Честна́я жена Улита,
Она злую думу задумала —
Отстает она от Спаса от Пречистого,
От Матери Пресвятыя Богородицы.
Она хочет неверному царю Максимиану прилеститися,
Она хочет его веру веровать,
Она хочет его идолам молитися.
Святой младенец Кирик,
Трех лет без трех месяцев,

Жалко вопиюще гласит
Ко Царю ко небесному:
«Господи, Отец, Сын, Святой Дух!
Услышьте молитву святого младенца Кирика —
Не отдайте меня на великое мучение
Со родимою со матерью
Ко царю ко неверному,
Уймите мою родимую матерь!
Она злую думу задумала,
Отстает от Спаса от Пречистого,
От Матери Пресвятыя Богородицы».
Услышал Господи молитву святого младенца Кирика.
Глаголет Господи честной жене Улите:
«Честна́я жена Улита!
Со радости пошел в котел муку мучиться
Со святым младенцем Кириком».
Оградил Господи котел животворящим крестом —
Выросла в котле трава-мурава,
Расцвели цветы лазоревые.
Святой младенец Кирик
Жалко вопиюще глаголет
Ко царю ко неверному:
«Неверный царь Максимиан!
Погляди-ко: у нас в котле трава-мурава
И расцвели цветы лазоревые.
Велика наша вера крещеная.
Велик наш христианский Бог!»
Еще славен Бог прославился,
Прославился святой младенец Кирик,
Трех лет без трех месяцев,
Со родимою со матерью,
С честно́й женой со Улитою.
Пошла эта слава по всей земле,
По всей земле, по святой Руси
От нынешнего житья-бытья и до́веку.
Аминь.

31. ГАЛАКТИОН И ЕПИСТИМИЯ

У Галактиона мученика, святого православного,
Родители были злые еллины неверные.
Выбирают они Галактику обручницу юную,
Что тоё ли свет Епистимию, деву красную.
Галактион святой воле родителей не преслушался —

Обручается он с Епистимией кольцом железныем,
По тому ли по обычаю злу еллинску поганому.
Уж и сидит-то Галактион с Епистимией, своей обручницей,
Говорит он с ней речи кроткия, приветныя,
Не творит лишь он ей обычного целования.
Как возговорит Галактиону родной его батюшка:
«Ой ты сыну, ты мой сыну, чадо милое!
Ты скажи мне всеё правду не ута́ючи,
Чем младая обрученница тебя опечалила?
Не творишь почто ты ей обычного целования?»
Отвечает Галактион святой гласом кроткиим:
«Господин ты мой великий, родной батюшка!
Во всем я тебе, господину, послушный сын;
Что ты хочешь, мне, своему сыну, приказывай,
И ни в чем я твоей отчей воле не противлюся;
Лишь единаго от меня, родной батюшка, не спрашивай:
Епистимия, обрученница моя юная, дево красная,
Никаким она меня тяжким словом не опечалила,
И люба она мне, моя обрученница Епистимия,
И по ней я всем сердцем болю-сокрушаюся,
Да и к ней я, деве красной, душой распаляюся.
Не могу ж я ей творити обычного целования —
Христианин бо аз есмь, она же еллинка поганая,
И скверна мне будет, доколе не очистится
Баней водною, баней чистою, святым крещением;
И скверна мне, и мерзка мне будет, доколе не оденется
В ризу чистую, в ризу светлую, в ризу нетления;
И дотоле скверна будет, доколь не причислится
К стаду кроткому, стаду избранному, христианскому».
Как услышала то обрученница его Епистимия,
Приводила она Галактиона в свою ложницу,
Говорила она Галактиону гласом кротким, сладостным:
«О жених мой возлюбленный, ты печаль души моей,
О тебе бо едином все мое сокрушение,
О тебе бо едином все мое мышление.
Жестоко слово «Христос» еллинам поганыим,
Тяжко слышати будет моим родителям,
Страшусь страхом я их ярости поганския,—
Совершенная же любы вон изгоняет страх.
И я скажу тебе, возлюбленный, не боясь скажу:
Аще хощешь, и я буду христианкою православною».
И берет святой Галактион воду чистую,
И крестит он в той воде Епистимию, деву красную.
Как узнали то да уведали злые еллины,

Предают они святую двоицу судилищу поганскому,
Осуждает их игемон скверный на мучение смертное.
Идет святая двоица на смерть, радуяся.
Говорит Галактион святой ко Епистимии:
«Возлюбленная моя супружница Епистимия!
За Христа мы умрем и со Христом будем царствовать,
И подаст Христос за нашу веру и страдание!
Аще просит раб [имярек] моим именем,
Да раба [имярек] возлюбит его любовью огнепальною,
То и будет тому рабу [имярек] по прошению».
Аминь.

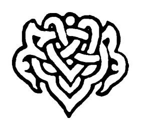
32. О ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЕ ВАРВАРЕ

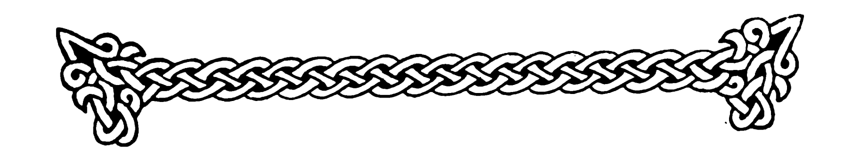
Хвалим мы святую Варвару.
Ходи, веселися Божью дару,
Как она млада прекрасна
Спозналася Богу.
Тут ей отец созда́л столб высокий,
Чтобы не познать ей тайности глубоки,
Чтобы веселилась, замуж вытить согласилась —
Спозналась со вьюношей прекрасным.
Тут Варвара на небо ўзирала,
Она умом своим размышляла
О вере правой и святой.
Мысли ее благии не здешнего свету.
Отец не знал ее умышления,
Со столба сойтить он дал позволенье,
Сам уехал во дальни страны.
А дома велел строить баню
Со двумя лишь окнами.
Получила она слободу,
Вузнала она немало Христова народу.
Бога знать всегда желала,
При себе иметь девиц христианских.
Тут ей тайны объявились-открылись
И вере святой ее научили.
Тут Варвара окрестилась,
Ўсей душой она просветилась.
Он [отец] ей дал по праву
Тут новую баню.
Баню она посмотрела,
Три окна создать она велела.
Бога-троицу познала,

Крест на каменю начертала,
Отца раздражила.
Он на дочь свою гневно распалился,
Начал мучить ее немилосердно,
Потешать ее муками свое сердце
И тем Творца прогневляти.
Вырвалась она из рук его тиранских.
Тут пешшера ее скрыла,
Камень на́двое разделила
Господняя сила.
  Бежал отец за ней ў ярости ужасной.
Не догнамши дочерь прекрасну,
Пастухов он вопрошае:
«Не видали ли вы бегущую девицу?»
Один пастух Творца убоялся:
«Хоть бы я видал...» —
Он в том запирался.
А другой, не сожалемши,
Указал перстом, насмеявшись,
Игде укрылась святая Варвара.
За то он стал столб непоколебимый —
Наказал его Господь и справедливо;
И о̂вцы ў столбы обратились.
И ўсе люди удивилися,
Зря сие чуда преславныя.
Тут поймал отец Варвару святую,
Снял с ней одежду дорогую,
Началл мучить ее немилосердно —
Творца прогневляти.
Тут под меч она главу приклоняла,
Отца своего гневом Божьим пристыжала:
«Погибаешь ты, демон,
Похитит тебе демон и ад преисподней».
При кончине Варвара молилась,
Чтоб напрасной смерти час не настиг
. . . .
Почитать ее хто будет,
И хто страдания ее не забудет,
Тот суда Божьего минует.
Приди ко мне, Варвара.
У час смерти моей.

33. ИОАНН-ВОИН

Призывает зловерный царь Иоанна-воина,
Посылает он Иоанна в Нумеры Ифальския,
Говорит зловерный царь Иоанну-воину:
«Иоанне, Иоанне, благий и верный раб!
Сослужи ты мне, Иоанне, службу верную!
Ты гряди, гряди, Иоанне, в Нумеры Ифальския,
Отвори ты в тех Нумерах темныя темницы,
Изведи ты из тех темниц христиане скверныя,
Христиане те богам нашим не кланяются
И моей светлой царской воле противятся.
И ты мучь тех христиан муками несносными,
Ты их стругом стружи, огнем жеги, водой топи,
И не убойся их злых козней волшебныих,—
Христиане бо те злые волшебники,
Не вредит их струг, и не жгет их огнь, не топит вода.
Ты тогда секи им головы мечом вострыем.
За твою ли, Иоанне, службу верную
Посажу я тебя на престоле по правую сторону».
Преклоняет Иоанн пред царем свою голову,
И берет из скверных рук грамоту поганскую,
И грядет со той грамотой в Нумеры Ифальския.
Отворяет он в тех Нумерах все темницы,
Изводит он из темниц христиане православные,
Отирает он у них язвы своею ризою,
Раздает он им много сребра-золота,
Одевает он их в ризы чистыя,
Говорит Иоанн христианам православныим:
«О вы, слуги Христа Бога, слуги верные!
Вы бегите-ка от зла царя, от поганого,
И вы скройтеся во пустыни непроходныя,
И вы тамо поститеся и Богу молитеся,
Да смягчит Господь сердце царя поганского».





ПОДВИЖНИКИ

34. АЛЕКСЕЙ БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

Во славном во городе Рыме,
При царе было при Онорие,
Жил человек благочестивый,
Великий Ефимьян-князь;
Супруга его Аглаида.
Жили они многие лета,
У них не было детища ни единого.
Великий славен Ефимьян-князь
Со своей с супругой со княгиней
Молился Богу со слезами,
Со праведными со трудами,
Многия обещания творили,
Честные молебны служили,
У Господа милости просили:
«О Боже, Владыко, Царь небесный!
Услыши нашу молитву,
Увиди моленье,
Призри́ наше слезное рыданье!
Создай ты нам, Господи, чадо,
Единое чадо, молоденца!
При младости нам на погляденье,
При старости нам на сбереженье,
При смертном часу на помин души!»

Услышал Господь Бог их молитву:
Создавал им Господь детище единое.
Аглаида во утробе поносила,
Поносоя, ему чадо породила.
Великий славен Ефимьян-князь
Священника в дом свой призывает.
Княгине молитву давали,
А младенцу имя нарекали:
Нарекли ему имя святое,
Святое имя — Алексеем,

Божьим, светом, человеком.
Была в доме многая радость,
Всемирное всем веселье.
Алексей Божий стал семи лет,
Отдали его грамоте учити:
Скоро ему грамота далася,
Он скоро писать научился.
С семи лет он грамоте доволен,
Божественному рукописанью,
Евангельскому, свет, толкованью.
Как будет Алексей в возрасте, в законе,
Поизволил его батюшко женити:
Избрал он по всему Рыму
Единую красную отроковицу
Великого царскаго рода.
Не хотелось Алексею жениться:
Хотелось ему Богу помолиться,
За младыя лета потрудиться.
Он с батюшки воли не снимает:
«Не неволь меня, батюшко, жениться!
Пусти меня Богу помолиться,
Со младости лет Богу потрудиться!»
Здесь его отец не послушал,
А он своему отцу не поспо́рил.
Поехали Алексею за невестой;
Привезли Алексею невесту.
Жениться Алексей не помышляет,
На образ Спасителев взирает:
«Ты батюшко наш, Спас пречистый!
Не допусти до греха до большого,
До тяжкого прегрешенья!»
Повели Алексея в Божью церковь,
Златые венцы на них взлагали,
Златыми перстнями обручали,
Единую чару они распивали.
Из Божьей из церкви их во палаты
К великому князю к Ефимьяну;
Сажали за столы дубо́вы,
За те ли за скатерти за браны,
За те ли за ествы за саха́рны,
За те ли за пи́тья медовы́я.
Очень Алексей скучен-грустен.
Как возго́ворит батюшко Ефимьян-князь:
«Ой же ты, чадо моё возлю́бленное!
Что ты не весело поступаешь?

Аль тебе княгиня не п'обычью?
Аль твоя обрученная не по нраву?»
Отцу Алексей Божий ответил:
«Великий ты князь Офимьяний!
Княгиня ты, матушка родная!
На что ж вы принуждали мя жениться?
Княгиня моя мне п'обычью,
Обрученна моя мне по нраву.
На что принуждали мя жениться,
Не пустили Богу помолиться,
Со младости лет Богу потрудиться?»
Они первую, вторую ествуву воскуша́ли,
Из-за третьей ествы восставали,
Со младо́й своей супругой с обручной.
Он Господу Богу помолился,
С батюшкой, с матушкой простился,
Он принял от них благословенье.
Во первыем часу было ночи,
Пошел Алексей почивати
Во славные тихие покои,
В те же во отхожие чертоги.
Един Алексей заключался.
Стал же святой во чертоге,
Честно же он Господу молился.
Егда домашние спать ложились,
Родители его приуснули,
Во шестом часу было ночи,
Он возго́ворит обру́чной-то княгине:
«Ой же ты, обру́чная княгиня!
Ты станешь ли со мной за един Богу молиться?
Проме́ж нас будет Святой Дух!»
Княгиня ему умолчала,
Никакого ответу не сказала.
Снял Алексей шелко́в пояс,
Со правой руки золо́т перстень;
Отдаёт ообрученной княгине:
«Любезнейшая моя обру́чная супруга!
Храни сии вещи сердцевы́я!
Спасет тебя Господь Владыко,
И Бог благословит славен дом твой,
И даст тебе царство небесное;
Да и будет Господь между нами.
Храни ты мои честны́е да́ры:
Вот тебе мой шёлков пояс,
Со пра́вой руки золо́т перстень!

Молися ты Господу, трудися
За Алексея Божья человека!
А я пошел во и́ншую зе́млю,
За батюшкин грех помолиться,
За матушкин грех потрудиться!»
Супруга его промолчала,
Ни ответу, ни привету не сказала.
Пошел Алексей во комо́ру:
Берет он себе много злата,
Златотканную ризу, свет, вздевает.

Пошел он из Рыму из граду,
И шел он путем, свет, доро́гой.
Навстречу ему идет нищий:
«Ты нищий, ты нищий брате!
Скинь свою нищенскую одежду!
Возьми ты мое цветно платье,
А мне дай свою нищенску одежду!»
Он светлую ризу совлекает,
Сам ветхую одежду, свет, вздевает.
Великая себя он изнуряет,
Христа ради подавает.
Подходит он ко синему ко морю —
На́ море погода становилась.
Становился тут на море кораблик.
Садился Алексей во кораблик,
Пущался на синее море.
Где не́ взялись буйные ветры,
Раскачали легкую лодку,
Понесли Алексея синим морем.
Приплыл Алексей во Одес-град,
Ко святой ко церкви ко соборной.
Перешел Алексей на кру́тый берег;
С радостию возвеселимшися,
Он злато по нищим разделяет.

Приходит ко Божьей ко церкви,
Становился Алексей-свет на папе́рти,
У правой руки возле притвору,
Со своей со нищею братьей.
Земные поклоны справляет,
У Господа Бога милости просит:
«Создай ты мне, Господи, влас долгий,
Чтоб отец-мать меня не познали!»
Молился Алексей Богу, трудился;
Красота в лице его потребишася,
Очи его погубишася,

А зренье помрачишася;
Стал Алексей как убогий —
Токмо его единый óстов.
Отец и матерь по нем растужились,
И сия обрýчная его супруга.
Как горько они по нем рыдали,
Яко реку слез испущали,
Сами жалобно его, света, причитали;
Посылали они рабов его искати.
Рабы же его отъезжали,
По всем по градам его искали.
Рабы же во Одес-град приезжали,
К той же ко церкви прихождали,
И тут Алексея не узнали —
Лишь милостину ему воздавали.
У них Алексей принимает,
А Господа Бога прославляет:
«Сподоби ты меня, Господи Владыко,
От раб своих милостину взяти,
За своих за рабов богу молиться!»
Сподобил его Господи Владыко
От раб своих милостину взяти.
У них Алексей принимает,
По нищей по братьи разделяет;
За милостину он Богу молился.
Молился Алексей во Одесе, трудился,
Семь лет-годов на десяток.
Мать Божия его зрила,
Прогласила во церкви пономáрю:
«Гляди ты, пономарь, на папéри!
Возьми ты святого в Божью церковь,
Постанови мне его перед престолом!» —
«Свет Пресвятая Богородица!
Я человек пред тобою многогрешный,
Не можно мне святогор приузнати!» —
«Твори ты Иисусову молитву,
Святой тебе сам объявúтся».
Пошел пономарь, слезно заплакал,
Творил он Иисусову молитву,
Берет он святого в Божью церковь,
Постановил его перед престолом.
Речéт Пресвятая Богородица:
«О раб ты мой, Божий человече!
Зачем ты ко мне, мой раб, приходишь?
Какой милости у меня просишь?» —

«О свет Пресвятая Богородица!
Пришел я к тебе, свет, помолиться,
За мла́дые свои лета потрудиться,
К твоему к честному к престолу приложиться!» —
«Когда ты пришел мне помолиться,
За мла́дые свои лета потрудиться,
И к моему честному престолу приложиться,—
Гряди ты, Алексей, во славен Рым-град!
Отец тебя и матерь не узнают,
И твоя обручная супруга.
Отец и матерь будут у обедни,
И твоя обручная супруга.
Дождамши ты их на переходе,
Прими от них благословленье!»
Сему же Алексей помолился,
За мла́дые свои лета потрудился,
К че́стному к престолу приложился,
Пошел Алексей вон из церкви.
Хотел он прийти в иншия страны,
Не хотел пребыть в своем доме,
До конца лет, души преселения.
Приходил Алексей в чи́сто поле,
Подошел ко синему морю,
И садился Алексей в кораблик,
И спущался Алексей на синё море.
Где ни взя́лись буйные ветры,
Понесли Алексея синим морем.
По Божьему всё повеленью.
На́ море кораблик поносило,
Ко Рыму ко граду примывало.
Бежал он час через море.
Споведал святой волю Божью.
Приходил Алексей во Рым-град.
Во славном во городе Рыме
Звонили звоны колокольны.
Шел же Алексей Рымом-градом,
Приходил ко святыим ко воротам,
Ко святой ко Божией церкви.
Отец и матерь идут от обедни,
И сия обручная супруга;
Князь Ефимьян идет ему навстречу,
Идучи во царския в палаты
От святой от Божией от церкви,
Со многими князьями, со боярами,
Со великиим со кремненством.

Дождамши он их на переходе,
Достойно Алексей им поклонился:
«Ой еси, князь благородный!
Призри́ мя нищего, страннего!
Не ради моего упрошенья,
Ради души своей на спасенье
Сострой ты мне, убогому, келью
Возле своей каменной палаты,
Возле своей белой ограды,
Не ради меня, старца, калеки,
Ради сына твоего Алексея!»
Князь Ефимьян возрадова́лся,
Горючими слезами обливался:
«Спасет тебя Бог, человече,
Что ты мне радости возвещаешь
Про моего сына про Алексея,
Про Алексея Божья человека!
Я сам про него, света, не знаю,
В которой он стране пребывает
И где свою душу сохраняет.
Почему же ты моего сына знаешь?»
Речет Алексей к князю к Ефимьяну:
«Батюшко, славен Ефимьян-князь!
Мне как твоего сына не знати,
Алексея Божьего, свет, человека!
В единой мы палатке с ним пребывали,
Единую хлеб-соль мы с ним воскушали,
Единую одежду мы с ним носили,
Единую мы с ним чару пойла распивали,
Мы вместе с ним грамоте учились,
В единой мы с ним пустыне трудились!»
Князь Ефимьян прослезился,
Сына своего воспомянумши:
«Ой еси, нищий-убогий,
Ты старец, калика-переходец!
Когда ты про моего сына знаешь,
Алексея Божьего, свет, человека,
Гряди же ты, убогий, вслед за мною:
Велю я напоить тебя, накормити,
И Христа ради келью построю».
Князь Ефимьян милосердный,
Построил князь убогому келью,
Приставил рабов к нему служити,
Келью топити, призирати.
Брали рабы его в лю́бчую братью,

С радостью за ним ходити,
И келью топить, призирати.
Деймон-враг возненавиствовал,
Зубами злыми воскрежетоше,
Хотел погубить его терпение.
Рабы же Алексея не взлюбили:
Иные рабы укоряли,
А други помоями лили;
Много бесчиниев творили,
Плевали, харкали всё на келью.
На то же Алексей не прогневился:
Терпел же святой с благодареньем,
С радостию Алексей нужды принимает,
Князю Ефимьяну не взвещает,
А Господа Бога он прославляет;
За своих за рабов Богу молился.
Молился Алексей у отца в доме невемым,
Кушал на неделе по просвирке,
Во всякой неделе исповедался,
Святыми тайнами приобщался,
Чудныим крестом благословлялся.
Спознал он себе скорую кончину.
Рабов он к князю посылает:
«Сослал бы мне хартиал ради кельи!»
Рабы же от князя прихождали,
Бумаги и чернил ему подавали.
Списал Алексей рукописанье,
Списал Алексей свое порождение,
Вели́ко святое умоление,
Списал Алексей вечное извещение,
Списал Алексей яко таинство.
Списамши, святой переста́вился.
Во славном во городе во Рыме
Промежду обеден, заутрени,
Исполнил Господь благоухания,—
Тимьяном и ладаном запахло
По всему по городу по Рыму.
Архиерей сам шел к обедне,
На своем на месте он становился;
Рече́т он попам, патриархам,
Многим православным христианам:
«Вы ой еси, князья и бояре,
Попы, православные христиане!
Что у нас во Рыме учинилось?
Что пахнет тимьяном и ладаном?

Нет ли во Рыме преста́вленного
Или святых мощей проявле́нных?»
Ходили по Рыму, искали,
Нигде не нашли они преста́вленного
И святых мощей проявленных.
Много народу собиралось,
Сходились они в соборную Божию церковь,
Всю ночь они Господу молились.
Явился глас им Святого Духа:
«Божьего человека тело исходит!
Ищите вы в доме в Ефимьяновом!»
Тогда царь с патриархом
Свечи и кадила принимали,
Всходили в дом они к князю к Ефимьяну
Со всем с просвещенным собором;
Нашли они забыдящую келью.
Труждающий в келье переставился;
В ру́цех он держит рукописание.
Царь ко мощам доступался,
Святым мощам царь поклонился:
«Свет ты, святыя отцы-мощи!
Отдайте своё рукописанье,
Явите мнее свое похождение,
А я есмь царь всему миру!»
Царю рукописьмо́ не дало́ся.
Владыко к святым мощам доступает,
Коленом к нему он преклоняет,
За рукописание он принимает:
«Вы свет святыя мощи,
Святыя мощи проявле́нныя!
Отверзайте святую нам ручку,
Распростай свое рукописание!
Яви чудеса свои всему миру!
Ка́к бы нам вас, светов, знати,
По имени бы вас нарекати!»
Дало́сь рукописьмо́ патриарху.
Стал патриарх читати
Чудеса же его всему миру;
Дочелся любимого сына:
Порождение он князя Ефимьяна,
Имя ему Алексеем,
И матерь его Аглаида;
Повелел им его Господь спознати,
Возлюбленного своего чаду,
Алексея Божьяго, свет, человека;

В зрящий пяток приуспокоился,
Сподобил его им Господь в доме видети.
Великий же славен Ефимьян-князь
До святых до мощей доступает,
Святое лицо его воскрывает:
Просияла красота его, яко от ангела.
«Увы мне, сладчайший мой чадо,
Алексей Божий, свет, человече!
Какое терпел ты терпение!
От раб своих ты укорение!
До веку мне дал скорбей мучение!
Горе мне, оскорблённому!
Плачу я, вижу смерть твою!
Чего ты мне тогда не явился?
Зачем ты пришел в град — не сказался?
Построил бы я келью не такую,
Ещё бы не в этаком месте:
В своём в княженéцком в подворье,
Возле бы своей каменной палаты
И возле бы комóры жены твоей!
Поил бы, кормил бы я тебя своим бы кусом!
Не дал бы рабам тебя на поруганье?»
Проведала матушка родима,
Матерь его Аглаида.
Молилась матерь у народа:
«Дайте мне место, человецы!
Дайте, православные христолюбцы,
Видети сладчайшаго своего чаду!»
Дошла до святых мощей, падоше:
«Увы мне, сладчайший мой чадо,
Алексей Божий, свет, человече!
Не любá пустынная твоя келья!
Что же мне тогда ты не явился?
Зачем пришел в град — не сказался?
Чаще бы я в келью прихождала,
Сама бы я келью топила, призирала!
Поила бы, кормила тебя своим кусом!»
Проведала обрýчная княгиня,
Бежит ко святому, сама плачет:
«Свет ты мой, жених обручéнный,
Святой ты мой князь возлюблéнный,
Алексей Божий человече!
Для чего ты жив был — не сказался?
Потáй бы я в келью прихождала,
Мы вместе бы с тобой Богу молились,

Промежду нас был бы Святой Дух!»
Тогда же царь с патриархом
Кладут мощи во гробницу;
Они с великим князем Ефимьяном
Понесли святые мощи погребати.
Несли их три дни и три ночи:
Нельзя их приносити в Божью церковь —
Много народу собиралось.
Провожали его князья и бояре,
Многие православные христиане,
Со ярыми со свечами;
Князя Ефимьяна
До святых мощей не допустят.
Повелел князь Ефимьян золото сы́пати
На все на четыре стронúцы —
Мир же на злато не взирали,
А бегут к Алексею на прощанье.
Явил же Господь свое прощение:
Слепым давал Бог прозрение,
Глухиим давал Бог прослышенье,
Безумным давал Бог разум,
Болящим, скорбящим исцеление,
Всему миру было поможение.
С трудом его, света, погребали
Во славном во городе во Рыме.
Объявил Алексей святую свою славу
Во всю Святорусскую землю.
Он Богу был, свет, угоден,
Всему миру он доброхотен;
Угодно он Господу скончался.
Алилуия и слава тебе, Господи еси!

35. АЛЕКСЕЕВСКИЙ СТИХ

Во славном Римском царстве,
При младом царе при Анорье,
Был-жил князь благочестивый,
Богатый князь Ефимьян.
У его жены не было плоду,
Ни женского полу, ни мужского.
Охоч Ефимьян в церковь ходить,
Охоч Ефимьян Богу молиться,
Охоч Ефимьян Господу трудиться.
Молился Господу от желанья,

От великого желанья со слезами;
Просит у Господа Бога:
«Создай мне-ко, Господи, чадо,
Чадо милое, дитя любимое,
Сына либо дочерь,
При младости лет на потеху,
При старости лет на замену,
При смерти тела на погребенье,
После смерти души на поминанье»
Княгиня его просит к тому же.
Богородица гласом прогласила,
Великое чудо сотворила:
«Уж ты гой еси, Ефимьян-князь богатый!
Ты поди-ко вон из Божей церкви,
Из того же великого собору,
В свой дом, белокаменну палату».
Заходил он в особливу теплу спальну.
Лежит его княгиня при постели,
При мягкой перины пуховой;
Лежучи она сына спородила.
Тут Ефимьян-князь зрадовался,
Пошел по попов, патриархов,
Звал он дьяков, митрополитов,
Звал все духовныя власти,
Звал себе кума со кумою.
Не из князей брал, не из бояров,
Не из тех же купцей, гостей торговых;
Брал он убогую сироту,
Приводил он сына в веру крещеную,
Нарекал ему имя Алексей,
Алексей святый Божий человек.
Стал Ефимьян пировати,
Стал Ефимьян столовати,
Стал Ефимьян сына
На много лет поздравляти.
Не мало тому времени минуло —
Прошло того времени лет пяти-шти.
Задумал Ефимьян сына грамоте учити,
Отдавал он в училище на три года.
Скоро свету грамота далася,
Скорей того в ум принялася.
Пошел Ефимьян, князь богатый,
Пошел Ефимьян сына выкупати —
Давал учителям три златни́цы.
Учители златниц не принимали,

Так его, света, отпущали.
Пошел Ефимьян, князь богатый,
Со возлюбленным сыном Алексеем
Во свой дом, белокаменны палаты.
Стал Ефимьян нонь пировати,
Стал Ефимьян нонь столовати,
Стал Ефимьян сына поздравляти.
Не мало тому времени проминуло;
Прошло тому времени года два-три,
Задумал Ефимьян сына учити
Во то же святое рукописанье.
Отдавал он в училище на три года.
Скоро свету писанье далося,
Скорей того в ум привилося.
Пошел Ефимьян, князь богатый,
Во свой дом, белокаменны палаты,
Стал Ефимьян пировати,
Стал Ефимьян столовати,
Стал Ефимьян сына поздравляти.
Не мало тому времени проминуло,
Прошло времени всего лет двенадцать.
Задумал Ефимьян сына женити,
В том же Индейском славном царстве,
У того же короля, у вельможи,
На той же младой княгине,
На младой княгине Катерине.
Поехали в Индейское славно царство
К тому же королю-вельможе,
Ко той же младой княгине Катерине;
Златыми перстнями поменялися,
Жемчужными кольцами обручалися.
Поехали во славное Римское царство
Ко тому же великому собору;
Заходили они да во Божью церковь,
Становились они на един подножник,
Одевали им венцы златые,
Принимали они закон Божий.
Пошли они вон из Божей церкви,
Крест-от кладут по-писанному,
Поклон-от ведут по-ученому.
Поехали они ко князю Ефимьяну;
У богатаго князя Ефимьяна
Не пиво варить, не вино курить.
Садились за столы дубовые,
За те же скатерти перчатыя,

За те же кушанья сахарныя,
За те же питья розналивчатыя.
Алексей-от хлеба-соли не вкушает,
Медвяного питья да не испивает,
Все горючими слезами слезно плачет.
Услыхал его батюшка родимый:
«Уж ты гой еси, мое чадо милое,
Что ты хлеба-соли не вкушаешь,
Медвяного питья да не испиваешь,
Все горючими слезами слезно плачешь?
Али мы тя млада женили,
Али тебе княгиня не по мыслям?»
На то Алексей им не отвечает —
Брал свою княгиню Катерину
За белую правую ручку,
За те же перстни за злаченые,
Пошел в особливу теплу спальню.
Ложилася княгиня на постелю,
На мягкую перину на пухову,
На маленьки подушечки тяжелыя,
Под то одеялышко соболиное.
Засветил Алексей свечу воску ярого,
Молился Господу от желания.
Говорила княгиня таково слово:
«Уж ты гой еси, Алексей человек Божий!
Полно, Алексей, Богу молиться,
Пора, Алексей, спать ложиться».
Потушил Алексей свечу воску ярого
И ложился ко княгине на постелю.
Солучилося ночи во первом часу,
Богородица гласом прогласила,
Великое чудо сотворила:
«Полно, Алексей, тебе-ко спати,
Пора, Алексей, тебе вставати,
Пора путь-дорожку коротати».
На то Алексей не ослышался,
Вставал Алексей со постели,
Свежей водой ключевой умывался,
Тонким белым полотенцем утирался,
Засветил он свещу да воску ярого,
Господу Богу да помолился.
Говорил своей княгине обрученной:
«Уж ты гой еси, обрученная княгиня!
Как ты меня нонь называешь,
За кого ты меня нонь почитаешь?»

Говорила ему обрученная княгиня:
«Уж ты гой еси, человек Божий!
Называю я тебя нонь Алексеем,
Почитаю тебя да аки брата».
Бросился Алексей во книгу псалтирную,
Нашел Алексей таковое слово:
«Не подобает брату с сестрой спати,
Пора брату с сестрой расставаться».
Скидовал тут с правой руки злачен перстень,
Отдавал своей обрученной княгине Катерине:
«На, моя обрученная княгиня,
Хорош злачен перстень;
Когда нападет на тебя тоска-кручина,
Ты наложь-ко хорош злачен перстень
И отпадет от тебя тоска-кручина».
Отпоясал от себя хорош шелков пояс,
Отдавал своей обрученной княгине:
«Уж как на, моя обрученная княгиня,
Хорош шелков пояс;
Когда заберут худыя мысли,
Опояшь ты хорош шелков пояс,
Отпадут от тебя худыя думы-мысли».
Княгиня перстня, пояса не примает,
Все горючими слезами слезно плачет.
Скидовал с себя Алексей платье цветное,
Надел на себя ризу власяную.
Склался Алексей-свет во котомку;
Пошел Алексей-свет во дорожку.
Шел он по чистому полю,
Пришел ко синему морю.
Просился к купцам-гостям на кораблик.
Купцы-гости на кораблик не примают,
Господь им тишень не давает,
Способной им тишени и споносной.
Отдавал им Алексей три златницы —
Скоро приняли Алексея на кораблик.
Господь им тишень давает,
Способный им поветерь и спонсный.
Из синя моря якори катали,
Корабельныя сходенки обирали,
Тонки паруса да поднимали.
Пошли они да через сине море
Во славное Индейское царство,
Пришли они ко пристани корабельной.
Алексей человек Божий с кораблика сбегает.

Пошел он ко Индейскому славному царству,
Заходил он во Божью церковь,
Становился Алексей по правую руку,
И молился он тут да лет двенадцать.
На каждую субботу он покаялся,
На кажный день воскресный причащался,
И вкушал он по одной просвирке нá день;
И о том Господу молился,
Чтобы его родные не узнали
И обручная княгиня не признала.
Богородица гласом прогласила:
«Уж ты гой еси, Алексей человек Божий!
Ты поди-ко-ся во Римское славно царство;
Отец-матушка тебя да не узнают,
Что обручная княгиня не признает».
На то Алексей не ослышался;
Пошел он из Божьей церкви,
Крест-от кладет да по-писанному,
Поклон-от ведет по-ученому.
Склался Алексей-свет в котомку,
Пошел Алексей-свет в дорожку,
Пошел Алексей-свет во чистое поле.
Шел он да ко синему морю,
К той же пристани корабельной,
Просился к купцам-гостям на кораблик.
Купцы-гости его не примали —
Господь тишени им не давает.
Отдавал им Алексей три златницы;
Скоро приняли его на кораблик,
Господь им тишень давает,
Способну поветерь и поносну.
Скоро якоря из моря катали,
Скоро корабельныя сходенки убирали,
Скоро тонки паруса поднимали,
Пошли они в Римское славно царство.
Собегает Алексей да со кораблик,
Пошел Алексей по Римскому царству,
И встретился Ефимьян, князь богатый.
Давает Алексею три златницы,—
Калика златниц не примает;
Просит у Ефимьяна келейку под крылечком
Для ради сына Алексея.
На то Ефимьян скоро прихватился:
«Уж ты гой еси, убогая калика,
Как ты моего сына знаешь,

Почему ты его да почитаешь?»
Говорит убогая калика:
«Уж ты гой еси, Ефимьян, князь богатый,
Как я твоего сына да не знаю,
Как я твоего сына да не почитаю, —
В одном мы училище училися,
Одну книгу псалтирную читали,
С одного плеча платьице носили,
С одного блюда пили-ели».
Дал ему Ефимьян, князь богатый,
Келейку да под крылечком.
«Уж ты гой еси, убогая калика,
Что я сам буду пити-ясти,
То и тебе буду преставляти».
Что сам Ефимьян ест и пьет,
То и калике с холопами представляет.
Холопы сами все съедят,
Алексею одни костки приставляют,
И за то Алексей Господа благодарил.
Богородица гласом прогласила,
Великое чудо сотворила:
«Уж ты гой еси, Алексей человек Божий!
Ты бери-ко-ся бумагу и чернилы,
Ты пиши все свое да похожденье,
Скоро тебе будет да света представленье».
Послал Алексей холопов,
Просит у Ефимьяна чернил и бумаги,
Да не на долгое время.
Принесли ему чернил и бумаги;
Писал он свое да рукописанье,
Писал он свое похожденье.
Пришло ему света представленье,
Пошли по всей Ефимьяновой пустыне
Демьянные духи.
Посылает Ефимьян, князь богатый,
Своих слуг и холопов
По своей да пустыне, —
Нет ли где в пустыне святого,
Не лежат ли святыя мощи,
Не лежит ли где рукописанье.
Ходили они по всей Ефимьяновой пустыне,
Нигде не нашли они святого,
Не лежат нигде святыя мощи.
Заходили они в келейку под крылечком,
Лежат тут святыя мощи,

Держат в руках рукописанье,
Пашут от них демьянные духи.
Господу Богу они помолились,
Ко святым мощам приложились,
Сказали они князю Ефимьяну;
Пошел он звать попов, патриархов.
Пришли они в келейку под крылечком.
Лежали тут святыя мощи,
Держат в руках рукописанье.
Господу Богу помолились,
Ко святым мощам приложились,
И брали они из рук рукописанье —
Рукописаньице им не удалося.
Приходили отец с матушкой родимой.
Господу Богу они помолились,
Ко святым мощам приложились,
Брали из рук рукописанье —
Рукописаньице им отдалося.
Читал Ефимьян рукописанье,
Читал, сам слезно плакал,
Рвал он с себя ризу золотую:
«Уж ты гой еси, чадо милое,
Пошто же ты, чадо, не сказалося,
Кого ты, чадо, убоялося?»
Прочитала его матушка родимая,
С буйной головы волосы рва́ла:
«Уж ты гой еси, чадо милое,
Кого же ты, чадо, убоялося,
Пошто же ты не сказалося?»
Приходила его обручная княгиня,
Слезно-жалобно она рыдала:
«Уж ты гой еси, Алексей человек Божий,
Кого же ты да убоялся,
И пошто же ты да не сказался?»
Сделали ему гроб серебряный,
Понесли его по чистому полю,
Во ту же Божью церковь.
И кидает Ефимьян, князь богатый,
Горстьем он злато и серебро,
Никто злато и серебро не берет,
Все к мощам попадают.
Чудеса творил он великия:
Кто был безглазый, тому давал зрение,
Кто был безногий, тому ноги,
Кто был безрукий, тому руки,

Кто был глухой, тому слышанье.
Захоронили тут Алексея человека Божия.

36. ИОСАФ И ВАРЛААМИЙ

Был-жил царь премудрой.
Народился же у царя-то,
И родилось ведь цядо мило,
Как родился тут млад царевич;
Нарекли-то ему имя
Иосаф же свет Царевич.
Мудреци были люди хитры,
Што сказали царю премудрому:
«Ты не радуйся, царь премудрой,
Своёму сыну Иосафу,
Иосафу ты всё Царевичу:
Он оставит твоё царство,
Всё большо твоё государство.
Он поступит же, мла́дой юноша,
В православну веру, в крешшону;
Он свою душу будет спасати,
Во Христа он будет верить».
Он возрос тут Иосаф же,
Он возрос-то до лет пятнадцать.
Никуда-то же он не ходит
Из полат-то, полат царских.
Говорил ему царь премудрой,
Его батюшко-свет родимой:
«Прогуляйся, млад мой юноша,
Иосаф ты мой свет Царевич,
По играм по всим, по беседам.
Соберу я тебе девиц же,
У царей дочерей королевских,
Приведу я к тебе в полаты
Их во платьи драгоценном —
Звеселять тебя, младого юношу».
Промолчал Иосаф Царевич —
Ни ответу ёму всё, ни привету.
Говорит-то своёму дядьки:
«Ты любезной мой милой дядька!
Ты поедем со мной всё прогуляться
По тому ли мы по царству.
Я послушаю отца своего,
Я царя же все премудрого».

Тут ведь царь тому зрадовался,
Иосаф-от што поезжает.
Как уехал Иосаф Царевич:
«Што премудри мне-ка люди
Ето всё мне пусто сказали!»
Как поехали по царству,
Увидал Иосаф Царевич,
Увидал он чудо чудноё,
Он увидел диво дивно, —
Он седатого старого старца,
Говорил он своёму дядьки:
«Што любезной мой милой дядька!
Тут какой идет старой старец,
Тут какой же идет седатой?»
Говорит-то ведь ему дядька:
«Ты не бойся, пресладко чадо,
Иосаф ты наш Царевич, —
Етот старец-то такой же был,
Как ведь ты-то теперь и я какой.
Постарел он теперь в пусты́ни, —
Он трудится, Богу молится,
Мало хлеба он воскушает».
Говорит-то тут Иосаф Царевич:
«Ты любезной мой милой дядька!
Призови ты ко мне поближе,
Мне-ка речь штобы говорить с им,
Про пустыню мне спросить же».
Дядька созвал же того старца,
Старец всё пришел к ему близко,
Всё пришел к им, становился,
Царевичу низко поклонился.
Тут увидел млад Царевич
Все одежду ихну пустынску,
Сам тому скоро ужахнулся.
Проречѐт тут млад Царевич:
«Тебя как мне-ка звать-то, старче?»
Старец от радости взирает
На прекрасного все на юношу,
На Иосафа свет Царевича:
«Ты зови, зови меня, чадо,
Иосаф свет, зови, Царевич, —
Как зовут меня Купец Премудрой;
Ноне меня зовут как —
Я святой теперь Варлаамий».
Проречѐт млад наш юноша,

Иосаф-то свет Царевич:
«Ты скажи мне, о Купец Премудрой,
Скажи, святой Варлаамий,
Расскажи ты мне сушшу правду,
Расскажи про святу пустыню».—
«Ты пресладкое мое чадо,
Иосаф свет Царевич!
Во пустыни жить ведь надоть горько,
Надоть заповеди иметь Господни.
Я скажу про одну пустыню
Молодому тебе юноше.
Там ведь жил-был Предотеча,
Все ведь жил он, Богу молился.
Што питался Предотеча —
Ишше пил Предотеча,
Он болотную воду,
Ишше кушал Предотеча,
Он гнилую колоду».—
«Ничего-то я не боюсь-то,
Ничего я не страшусь-то!
Я лишусь у папы царства,
Я иду с тобой в пустыню».
Говорит Иосаф Царевич:
«Ты зайди, зайди ко мне, старче,
Уж ты, о Купец Премудрой,
Ты святой, святой Варлаамий!»
Говорит святой Варлаамий:
«Уж ты гой еси, Иосаф ты,
Иосаф ты свет Царевич!
Не допустят до тебя слуги
Ты за замками сидишь за крепкима,
За строгима караулами».—
«Ты приди, приди ко мне, старец,
Ты приди-ко, приди, не бойся!» —
«Я приду, приду к тебе, чадо,
Омману твоих караульщиков.
Я скажу, что иду с дарами,
Драгоценной несу камень».
  Приезжает Иосаф Царевич,
Его батюшко стречает:
«Што пресладкое мое чадо,
Иосаф свет Царевич!
Каково тебе погулялось,
Каково тебе показалось?»
Проречéт-то Иосаф Царевич

Своему он батюшку родному:
«Ничего я почти не видел,
Ничего мне не прилюбилось».
Запиралось ихно чадо,
Во свои-ти он полаты.
Идет-то Купец Премудрой,
Што святой к ему Варлаамий.
Варлаамия не пускают.
Варлаамий отвечает
Он святым же своим духом:
«Уж вы слуги, слуги верны!
Мне царем ведь все приказано,
Я иду-ту к ему с подарками,
Драгоценныя несу камень».
Скоро слуги пропускали
Што святого-то Варлаама.
Отпираёт он полату —
Возрадело сладко цядо,
Он берет старца за руку,
Он садит его со слезами,
Уречéт он таки речи:
«Уж ты, о Купец Премудрой,
Ты святой, святой Варлаамий!
Вприведи ты в веру крешшону
Ты обех же нас со дядькой».
Приводил их в веру в крешшону,
Во крешшону, в православну.
Проречéт-то чадо пресладко,
Как прекрасной-от млад юноша,
Иосаф же свет Царевич:
«Уж ты, о Купец Премудрой,
Ты святой, святой Варлаамий!
Ты скажи, скажи мне всю тайность,
Скажи, как ты на свет родился?
Я Христа в себе приобряшшу,
Приобряшшу Христа я средь собя;
Затворюсь ли я в вертепи,
Начну плакать я, млад Царевич,
Во всю жисть-то во грехах своих.
Уж ты можешь ли, Варлаамий,
Небеса ли ты все измерить,
Вси моря и всеи земли?
Можешь ли, можешь ли, Варлаамий,
Взять ты солнце, взять рукою,
Красно солнце взять со лунáми,

Светел месяц со звезда́ми?
Ты таку сделать мудру мудрость,
Против того ничего не будет?
Запоем тогда мы славу,
Запоем-то славу Господню,
Непрестанно же будём слушать:
Слава Творцу,
Векам Отцу,
И Сыну!»
Скажет Варлаамий,
Скажет Варлаамий:
«Не могу взять солнца,
Не могу взять месяц.
Останься, Царевич,
Я пойду в пустыню.
Я тебя найду же».
Остался Царевич.
После Варлаама
Завсегда стал плакать:
«Не могу я здеся
Пребывать без старца!»
Слезно он все плачет.
Царства он лишился,
Сам пошел в пустыню.
Слезно, идет, плачет:
«Пустыня святая,
Доведи до старца!
С им я жить желаю,
Я Христа же приобряшшу чрез него».
Пустыня сказует
Отроку младому:
«Пресладко наше чадо,
Прекрасной млад ты юноша!
Любит тебя Боже,
Пресладкий Иисусе,—
Иди во пустыню».
Пожил он в пустыни.
Стал трудом трудиться,
Стал Богу молиться
Стал постом поститься.

«Ты, говорит, молишься и постишься; вам всем Богом по венцу налажено: в-первых, тебе венец, во-вторых, дядьки твоему, а в-третьих, отцу твоему».

Скажет Варлаамий:
«Юноша прекрасной,

Иосаф Царевич!
Будёшь ты богатой,
Пожалешь отча богатства».
Отвечат млад юноша:
«Я, Купец Премудрой,
Святой же Варлаамий,
Жалел кабы богатства,
Не лишился я бы царства,
Не оставил бы всё царство».—
«Вот тебе скажу я:
Молишься ты долго»...

Старцу стало жалко, как себя изнурял Иосаф Царевич, стал молиться за ёго.

«Я скажу, Иосаф Царевич,—
Три венца есть приготовлено,
Купил ты себе царство небесноё:
Тебе венец есть приготовлен,
У святых в руках есть ангелов;
Да ишше венец приготовлен
Што любимому дядьки;
Да ишше венец приготовлен
Што родимому твоёму папы,
Што царю-то всё премудрому».
Да ведь воспроговорит
Млад юноша Иосаф Царевич:
«Моему-ту отцу за што венец?
Он живет ведь в доми и на царстви.
Он постом-то живет, он не постится,
Уж он Господу Богу, живет, не молится,
А я век положил, свою молодость в пустыни».

Тогда сказал Варлаамий: «Потому ему венец, што он попал в веру православну, сам за тебя молится. Теперича ты пожалеешь богатство — небесного царства».

Примечание собирателя: Певица не знала конца стиха. К изложенному она прибавила лишь следующее: «До того допоется, что «история вся»,— так вот и сказано».

37.

Расплакался млад юноша
Иосафий Царевич,
Перед пустынею стоя:
«Прекрасная пустыня!
Восприми меня, пустыня,

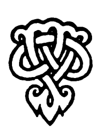
С премногими грехами,
Со многозорными делами,
Яко матерь свое чадо
На белыя руцы!
Научи меня, пустыня,
Волю Божию творити,
Яко матерь своего сына,
Все на добрые дела!
Избавь меня, пустыня,
Огня, вечныя муки!
Возведи меня, пустыня
В небесное царство!»
Прогласит пустыня
Архангельским гласом:
«О, премладый юноша,
Иосафий Царевич!
Еще где тебе во мне жити,
Волю Божию творити?
Во мне, во пустыне,
Житие смертельное,—
Во мне, во пустыне
Всякия нужды восприняти,
Терпя потерпети,
Трудом потрудиться,
Постом попоститься
И Богу помолиться;
У меня, у пустыне,
Нету цветного платья,
Нет сахарных явств
И медвяных пойлов!
Во мне, во пустыне,
Гнилая колода,
Болотная вóда;
Во мне, во пустыне,
Тебе будет жити
Грустно и тошно,
У меня ли, у пустыне,
Тебе негде разгуляться,
Не с кем думу подумать
И не с кем слова говорити!»
Расплакался млад юноша
Иосафий Царевич,
Перед пустынею стоя.
На пустыню взирает,
Пустыне отвечает:

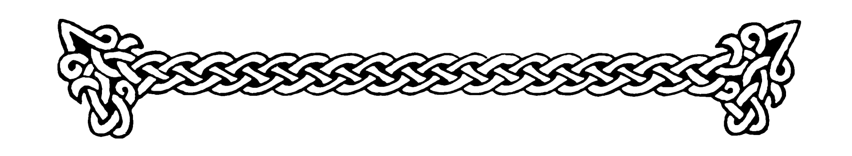
«Могу я в тебе жити,
Волю Божию творити,
Могу я в пустыне
Всякия нужды восприяти,
Терпя потерпети,
Трудом потрудиться,
Постом попоститься
И Богу помолиться.
Про тебя шатер-пустыня
Все архангелы хвалят,
А преподобные прославляют.
Во тебе, мать-пустыня,
Предтеча пребывает,
Питается Предтеча
Диви медом, виноградом.
Во тебе, матерь-пустыня,
Гнилая колода,
То сахарное мне будет явство,
То мне райская пища;
Во тебе, матерь-пустыня,
Болотная вода,
То медвяное мое пойло,
То мне тихии прохлады, —
Разгуляюсь я, млад юноша
Иосафий Царевич.
Во зеленой во дубраве
Есть часты древа,
Со мной будут думу думать;
На древах есть мелкие листья,
Со мной станут говорити;
Прилетят птицы райския,
Станут распевати,
Меня будут потешати,
Христа Бога прославляти».
Как Христос Бог на небесах,
Херувимы, серафимы
С небесной силой,
Славен наш Бог, прославлен,
Велико имя его Господне на земле.

38. ОНУФРИЙ

Преподобный и преблаженный Онуфрий,
Святой, Богу блаженный!
Везде ныне и в пустыне

Многотрудно и Богу возлюбно
Подвизался и плакался,
Всегда моляся,
Царские палаты оставил еси,
Густую пустыню возлюбил еси;
Царския троны и короны,
Первая глáва, ему честь и слава,
Ах, мой Боже, ни во что же
Вменил еси;
Шестьдесят три леты
Он там жил еси,
Человек образа не видевши;
Добрыя веры, все дикие звери,
Разные птицы воспевали и восклицали
Святому Онуфрию.
Когда возносил еси мягкую одежду,
Тогда возложил еси на Бога надежду.
Долгая брада была ему дана;
Власы были по всему телу,
От солнца скоптелу.
Когда пришел живот ему кончиться,
Тогда могли ему служить дикие звери;
Два льва гроб ему копали,
Землю вырывали,
Плачучи-рыдаючи
Горько со слезами.
Молим тебе, Онуфрий,
Светлейший отче!
Умоли предвечного Бога,
Елико мощно,
Как пред суд Божий
Чисто стати,
Лица его с неба ожидати,
С ангели и с архангели
Ему воспевати.





ЧУДОТВОРЦЫ

39. АГРИК И ЕГО СЫН ВАСИЛИЙ

Благословите, братия, про чудо сказать,
Про чудо Святителя Миколы,
Про Святителя Миколу Чудотворца.
Во славном было граде Антиохеи
Жил-был себе славен муж Агрик.
Он веровал во Святителя Миколу,
Во Святителя Миколу Чудотворца.
От славного града Антиохеи
Не много не мало — за пять поприщ
Стояла соборна Божья церковь
Ему во имя Святителю Миколы.
Посылает Агрик сына Василья
Во тую соборну Божью церковь
Ко Святителю Миколы Чудотворцу.
Приходит же сын его Василей,
Уж он молится Миколы со слезамы,
Он местную свешу поставляет
Пред Святителя Миколы Чудотворца.
Набежали тут срачинские люди,
Обступили круг соборной Божьей церкви,
Круг Святителя Миколы Чудотворца;
Они множество народа полонили,
На три доли полон они делили:
Первую долю под меч они склонили,
А вторую долю на цену продавали,
Третью долю с собой же они брали;
Еще Агрикова сына Василья,
Увезли в Срачинскую землю
Ко тому Срачинскому князю.
Тут же Агрик со женою,
Он хватилися за любезного сына Василья,-
Не стал веровать в Святителя Миколу,
Не приходит в соборну Божью церковь

Не много не мало — по три года,
Он не молится Святителю Миколы.
К ёму сродники-знакомцы приходили,
Йому сродники, Агрику, говорили:
«Ай же ты, Агрик со женою!
Что же ты не веруешь в Святителя Миколу,
Не приходишь ты к соборной Божьей церкви
Не много не мало — по три года,
Не молишься Святителю Миколы?
Ты поверуй же в Святителя Миколу,—
Микола Святитель Богом силен,
Он выруцит твоего сына Василья
Со великия неволи, со полона,
Из тыя Срачинския земли,
От того ли от Срачинского князя».
Тут же Агрик со женою
Много сладкаго канона составляет,
Уж он множество народу кормит-поит,
Много меньшая нищая братья,
Для Святителя Миколы чудотворца,
Для любезного сына Василья.
  Приходит Агрик в Божью церковь,
Уж он молится Миколы Чудотворцу,
Он местную свещу поставляет
Пред Святителя Миколу Чудотворца:
«Ты Святитель Микола Чудотворец!
Выручь моего сына Василья
Из великия неволи, со полона
Из тыя из Срачинския земли,
От того же от Срачинского князя».
  На ту было пору, в тые время,
В том было Срачинскоем граде,
У того было Срачинского князя,
В ёго было белокаменных палатах
Стоял Агриков ёго сын Василей
Во всей срачинской одежде;
Во руке держал вина скляницу полну,
Во второй руке он цяру золотую.
Невидимо оттуль ёго не стало,
Не знаемо с палат вон выносило,
Приносило к славному граду Антиохеи,
Посреди двора отцова становило.
  На дворе крепко злы псы притугают.
Испроговорит же Агрик со женою:
«Ай же вы, рабы мои келейны!

Подите — на дворе посмотрите,
На кого же крепко злы псы притугают».
Выходят рабы ёго келейны,
Никого на дворе себе не узрят.
Выходил же Агрик со женою,
Он обо́зрил же сына Василья:
Стоит он в срачинской одежде,
Во руке держит вина скляницу полну,
Во второй руке он цяру золотую.
Васильюшке Агрик зрадова́лся:
«Ай ты, мой любезный сын Василей!
Не ложно ли ко мне ты прельстился,
Не враг ли ко мне ты показался?»
Василей же на место отвецяет:
«Ай же ты, мой батюшка Агрик!
Не ложно я тебе прельстился,
Не враг я тебе показался,
Я есть ваш любезный сын Василей».
Иого матушка Василья увидала,
Иого матушка Василья зрадова́лась:
«Ай же, наш любезный сын Василей!
Не ложно ли ко мне ты прельстился,
Не враг ли ты нам показался?»
Василей ко матушке отвецяет:
«Ай ты, матушка моя родная!
Не ложно я тебе прельстился,
Не враг я вам показался,
Есть я ваш любезный сын Василей».
Воспроговорит же Агрик Василью:
«Ах ты, наш любезный сын Василей!
Как же ты сюда к нам объявился,
Посреди двора отцова становился?»
Василей же Агрику отвецяет:
«Ай же ты, мой батюшка Агрик!
Жил я у Срачинского князя
В ёго белокаменной палаты,
Стоял во срачинской одежде,
Во руке держал вина склянипу полну,
Во второй руке я цяру золотую.
Невидимо оттуль меня не стало,
Не знаемо с палат вон выносило,
Приносило к славному граду Антиохеи,
Посреди двора отцова становило.
Никого же пред собою я не у́зрел,

Столько видел я Святителя Миколу,
Святителя Миколу Чудотворца».
Тут же Агрик со женою
Стал он веровать в Святителя Миколу:
Свой последний ковер он продавает,
Много сладкаго канона составляет,
Уж он множество народа кормит-поит,
Много меньшая нищая братья,
Для Святителя Миколы Чудотворца,
Для любезного сына Василья.
Приходит Агрик в Божью церковь,
Уж он молится Миколы со слезамы,
Оны местную икону поднимали,
Ко Агрику в дом приносили,
Священного иерея попросили,
Иому честный молебен отслужили,
Святителя Миколу звелицяли.
Слава тебе, Господи, слава,
Святителю Николы Чудотворцу,
Еще Агрикову сыну Василью!

40. О МИКОЛЕ УГОДНИКЕ

«Эх, кормитель-поитель нищей братии!
Эх, сойди с небесных высот
На сыру нашу землю грешную!
Ты снеси к нам подаяние
Чрез добра раба — хрестиянина!
Ты укрой-ка нас, нищу братию,
Во хороминах приютителей!
А хрестиянинам — приютителям,
Подаятелям, покормителям
Упроси у Сына Божия
Ты чертогов в раю светлоем,
Где архангелы ликовствуются,
Где апостолы проповедь ведут,
Где дерéва вся кипарисова,
Где трава-муравушка зеленая
Цветом алыим блауханныим
Преукрашена словом Божиим.
И в живленьи на сырой земле
Пошли помощи во работушке,
Закрома наполнь всяким хлебушком,
Сбереги ты их во несчастиях,

А прославь ты их светом-радостью!
А мы молимся тебе, Микола Христов,
Земно кланямся с хрестом Божиим,
Поем славу тебе, песню царскую».
Прослыхал тут Микола Христов
Песню царскую нищей братии,
А сошел-то он к ним на сыру землю
Со небесных высот, рая светлого,
А послал-то он нищей братии
Милосердного приютителя —
Хрестиянина-покормителя.
А подал ему, угодителю,
Нищей братии прокормителю:
Подал дочушкам мужьев добрыих,
Наделил его доброй славушкой,
Казной царскою, Божьей благостью.

41. МИКОЛА

Святитель Микола Меркольской Чудотворец!
А где же твои мошши? Неверной стра́ды немцях,
Ах, во земли во Турьской, в славном Балеградьи.
Пишем лик твой на святу икону,
Ставим мы икону в новую часовню,
В киноварену божни́цю,
Украшаём мы Спасителя, мы ж чистым серебром,
Мы же красным золотом, жемчугом окатистым,
Прибегаём к Святителю с верою, с любовью,
А просим у Святителя великой мы помошши.
В бедах и в напастях он, свет, сохраняё,
В болезнях лёжашших он, свет, исцеляёт,
В темницах сидяшших он, свет, избавляё,
А по морю плаушших он, свет, направляё,
Волны да усмиряё, врагов прогоняёт.
Слава Христу Богу со своим Угодником,
Со Святителем Миколой с Меркольским Чудотворцем!

42. ХРИСТОФОР И НИКОЛА

Христофор, иерей Милитина-града,
Имел веру великую святому Николе,
Во вся лета он ходил ему поклониться,
В Мир-град ко мощам его мира причаститься.

Се со тридесеть мужей в путь поидоша,
Аравитяне же их к себе отведоша,
Попленища всех тех тридесять мужей,
Разделиша на три части во стране своей:
Единую часть на цене отдаша,
А другую во темницу предаша,
Третию же зле под меч отлучиша,
Ту и попа Христофора.
Он же, трепетно под мечом стоя,
Во уме непрестанно Николу зовя:
«Избави мя от меча, о святый отче,
От напрасны смерти, Чудотворче!»
Се внезапу меч святый поверже,
Укреплял попа в вере тверже.
Варвар шед принесе и другий меч,
Хотя Христофору главу отсечь;
Никола же вторицею то же сотвори,
Лишает поганого главу отсечи.
Разгневася варвар и рече попу:
«Что се ты твориши такову волшбу?»
Отвещает поп: «Никола мя защищает,
Тебя того поднавати научает».
Супостат подъят третий острый меч
И, яряся злобой, тщится главу отсечь.
Никола же наш святый, яко играя,
Острые мечи тые за народ кидает,
Попа Христофора от смерти спасает,
Себя храбра заступника чудом прославляет.
Аравит же убояся, Николу почитает,
Попа с тремя мужами честно провождает:
«Идите, рек, во свояси, отыде с миром,
Аз бо слышах уже о отце том дивном».

43. ДИМИТРИЙ СОЛУНСКИЙ

С первого веку — начала Христова
Не бывало на Салым-град
Никакой беды, ни погибели.
Идет наслание Божие на Салым-град,
Идет Мамай-царь,
Сечет он, и рубит, и во плен емлет,
Просвященныя соборныя церквы он разоряет.
У нас было во граде во Салыме,
Во святой соборной во Божьей во церкви,
Припочивал святый Димитрий чудотворец.

Сосылал Господь со небес двух ангелов господних,
Два ангела Христова лик ликовали
Святому Димитрию, Салымскому чудотворцу.
Рекут два ангела Христова
Дмитрию, Салымскому чудотворцу:
«О святый Димитрий, Салымский чудотворец!
Повелел тебя Владыко на небеса взяти,
Хочет тебя Владыко исцелити и воскресити,
А Салым-град разорити и победити.
Идет насланиe великое на Салым-град,
Идет неверный Мамай-царь,
Сечёт он, и рубит, и в полон емлет,
Просвященныя соборныя церквы он разоряет».
Речёт святый Димитрий, Салымский чудотворец
Ко двум к ангелам ко Христовым:
«Во́льно Богу Владыке Салым-град разорити,
И меня ему исцелити и воскресити;
Я ведь сам давно это спознал и проведал,
Что не быть нашему Салыму-граду взяту,
А быти мамайской силе побиту».
У святой у соборной у церкви
Стоял старец Онофрий на молитве
У все́ночной всю ночь на папе́ри,
Молился он Спасу и Пречистой Богородице,
И святому Димитрию, Салынскому чудотворцу;
И увидел он чудо у престола:
Два ангела лик ликовали
Святому Димитрию, Салынскому чудотворцу.
Пошел он по Салым-граду объявляти,
Князьям, боярам и воеводам,
И митрием-митрополитам,
Попам-священникам и игуменам,
Да и всем православным християнам:
«Вы гой еси, князья, бояре, воеводы,
И митрия-приполиты,
Попы-священники и игумны,
И все православные христиане!
Не сдавайте вы Салыма-града и не покидайте —
Не быти нашему Салыму-граду взяту,
А мамайской силе побиту».
Отвечали к нему князья, бояре и воеводы,
И митрия-приполиты,
Попы-священники и игумны,
Да и все православные христиане:
«Святой ты, знать, наш старец Онуфрий!

Почему спознал и споведал,
Что не быть нашему Салыму-граду взяту,
А мамайской силе побиту?» —
«Стоял я у соборный у святой церкви на молитве
У все́ночной всю ночь на папе́рях:
Молился я Спасу, Пречистой Богородице,
И святому Димитрию, Салымскому чудотворцу,
И увидел я чудо за престолом:
Два ангела лик ликовали
Святому Димитрию, Салымскому чудотворцу;
По тому я спознал и спроведал».
У нас во граде во Салыне,
Поутру было раны́м-ранёхонько,
Не высылка из Салыму-граду учинилася —
Един человек из—за престола восставает,
Пресветлую он ризу облекает,
Един он на бела осла садился,
Един из Салыму-граду выезжает,
Един неверную силу побеждает,
Сечет он, и рубит, и за рубеж гонит.
Победил он три тьмы
И три тысячи неведомой силой [силы],
Да и смету нет.
Отогнал он неверного царя Мамая
Во его страну в порубежную.
А злодей неверный Мамай-царь
Когда бежал, захватил он двух де́виц полонянок,
Увозил он их во свою сторону порубежную.
Когда прибыл злодей во свою сторону порубежную,
Начал он двух девиц вопрошати:
«Вы гой еси, две девицы, две русския полонянки!
Скажите вы мне, не утайте,
Который это у вас царь,
Или боярин, или воевода,
Един на беле осле садился,
Един из Салына-града воезжает,
Един мою неверную силу побеждает,
Сечет он, и рубит, и за рубеж гонит?
Победил он мою неверную силу,
Три тьмы и три тысячи, да и смету нету;
Отогнал он меня, царя Мамая,
Во мою страну порубежную?»
Две девицы неверному царю Мамаю отвечали:
«О злодей, неверный Мамай-царь!
Это не князь, не боярин и не воевода,—

Это наш святой отче
Димитрий, Солунский чудотворец».
Возговорил неверный царь Мамай
Ко двум ко девицам:
«Когда это у вас святой отче
Димитрий, Солунский чудотворец,—
Вышейте вы мне на ковре
Лик своего чудотворца Димитрия Солунского,
Коню моему на прикрасу,
Мне, царю, на потеху,
Предайте лицо его святое на поруганье».
Две девицы неверному царю отвещали:
«О злодей, собака, неверный Мамай-царь!
Не вышьем мы тебе лик своего святого
Димитрия, Солунского чудотворца,
Не предадим его лицо святое на поруганье!»
Тогда же неверный царь Мамай
На двух девиц опалился:
Вынимает он саблю мурзавецкую,
Да и хочет он главы их рубити
По их плечи по могучии.
Две девицы убоялись,
Ко неверному царю Мамаю приклонились:
«О злодей, собака, неверный Мамай-царь!
Не руби-ка ты наши главы
По наши плеча по могучия,
Дай ты нам время хоть до утра,—
Мы вышьем тебе на ковре
Своего святого Димитрия, Солунского чудотворца,
Предадим мы лицо его святое на поруганье».
  Две девицы шили ковер, вышивали,
Святое лицо на ковер вышивали,
На небеса возирали,
Горючие слезы проливали,
Молились оне Спасу, Пречистой Богородице,
И святому Димитрию, Солунскому чудотворцу.
Поздно вечером они просидели,
На ковре спать ложились и приуснули.
  По Божьему все по веленью,
И по Димитрия святому моленью
Восставали сильные ветры,
Подымали ковер со двумя со девицами,
Подносили их ко граду ко Солуну,
Ко святой соборной Божией церкви,
Ко празднику Христову,

Ко святому Димитрию, Солунскому чудотворцу.
Положило их святым духом за престолом.
Поутру было раным-рано,
Церковный пономарь от сна восставает,
Приходил он во святую соборную церковь
К утренней заутрени благовестити,
Утренния молитвы говорити.
Приходил он в соборную Божию церковь,
Увидел он чудо за престолом:
Спят на ковре две девицы,
Две русския полонянки.
Церковный пономарь убоялся,
Из церкви вон утекает,
Ко священнику прибегает,
От сна его разбуждает:
«Батюшка ты наш поп,
Священник, отец духовный!
Восстань ты ото сна, пробудися,
Гряди скоро во соборную Божию церковь, —
У нас за престолом господним
Великое чудо явилось —
Спят на ковре две девицы,
Две русския полонянки».
Поп-священник от сна восставает,
Животочною водой лицо свое умывает,
На ходу он одежду надевает,
Грядет он скоро во святую соборную церковь,
До господнего престола доступает,
Животворящий крест с престола принимает,
Святой их водой окропляет,
Ото сна разбуждает:
«Встаньте вы, две девицы,
Две русския полонянки,
Ото сна вы пробудитесь!
Скажите вы мне, не утайте,
Как вы здесь явились
Из той земли из неверной
Во славном городе во Солуне,
Во святой соборной церкви за престолом?
Как вам замки отмыкались,
Как двери отверзались
И как вам свечи зажигались?»
Две девицы от сна пробуждались,
Поначаяли они, что неверный Мамай:
«О злодей, собака, неверный Мамай-царь!

Не руби-ка ты наши главы
По наши плеча по могучия —
Мы вышили тебе на ковре
Лик святого Димитрия, Солунского чудотворца,
Предали лицо его тебе, злодею, на поруганье».
Поп-священник, стоя на месте, изумился,
На двух девиц прослезился,
На небеса возирает,
Горючи слёзы проливает,
Во слезах он отвечает:
«Вы гой еси, две девицы,
Две русския полонянки!
Ведь не неверный Мамай-царь,
Я ваш священник, отец духовный!»
Две девицы от сна восставали,
Животочной водой лицо умывали,
Животворящим крестом себя ограждали,
Священнику отвечали:
«Батюшка священник, отец духовный!
Мы сами про то не ведаем,
Как мы у вас явились
Из той земли неверной,
Во славном городе во Солуне;
Знать, по Божьему по велению,
По Димитрия святого молению,
Сама нам Божия церква отмыкалась
И сами нам двери отверзались,
Сами нам за престолом свечи зажигались!»
  Поп-священник, отец духовный,
Заблаговестил во многие колокола.
И услышали по всему граду по Солуну
Князья, бояре, воеводы
И Димитрий приполитый,
Попы-священники, игумны,
И все православные християне.
Собирались они в соборную Божию церковь,
Подымали они иконы местныя,
Служили они молебны честные,
Молилися они Спасу, Пречистой Богородице,
Святому Димитрию, Солунскому чудотворцу.
  Его же света величаем,
Святого Димитрия, Солунского чудотворца.
Да и Богу нашему слава
Отныне и вовеки. Аминь.

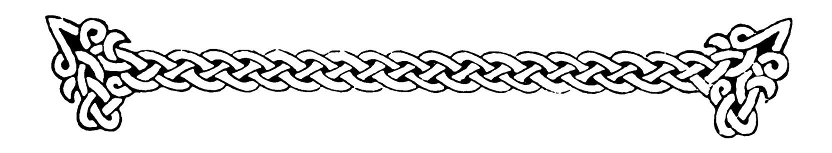
44.

Сопущались с небес два ангела да два архангела
Ко Димитрию Селунскому свету чудотворцу:
«Гой еси, наш батюшка Димитрий Селунский чудотворец!
И хочут твой град весь повызорить,
И всех людей твоих повыгубить,
И Божии домы на дым пустить».
Отвечает Димитрий Селунский свет чудотворец:
«И не дам свой город я повызорить,
И не дам своих людей всех повыгубить,
И Божии церкви на дым пустить».
И отколь взялся Мамай неверные, безбожные,
Неверный, нечестивый.
И принимал он силы много-множество.
Увидал Димитрий Селунский свет чудотворец,—
Имает он себе доброго коня
И покидает он ковры сорочинские,
Берет он копье булатное,
Выезжает к Мамаю неверному, нечестивому.
[По армии-то] он гуляет,—
И сколько он копьем колет,
А вдвое-втрое конем топчет:
И пригубил он силушки много-множество,
Три тьмы, три тьмы и четыре тысячи.
И только Мамай неверный, нечестивый барышу получил,—
Двух русских сестер во полон залучил.
Увозил он к себе да во полатушки:
«Ой вы гой еси, две русския сестры полоняночки!
Вы скажите мне про могучего богатыря,
Какой есть у вас могучий богатырь,
Сколько он у меня силушки погубил!
Выпишите мне и вырисуйте мне
На ковре на шелковом».
Они пишут и рисуют с утра и до вечера,
Со вечера да до полуночи.
Со полуночи горько плачася, Богу молилися,
На ковер оне спать ложилися:
«Уж ты ой еси, батюшко,
Димитрий Селунский свет чудотворец наш!
И не прогневайся на нас, на грешных здесь,
И не из волюшки пишем, из-под неволюшки».
Оне легли да все и заснулися.
И поднималася вьюга-падара,
Подымала со полат верхи,

Выносило-то двух русских сестер да полоняночек
И уносило ко Димитрию Селунскому
Свету чудотворцу да во Божью церкву.
По утру оне да пробудилися,
Димитрию Селунскому да помолилися,—
Оне очувствовались у Димитрия Селунского
Во Божьей церкви.

45. ПОКРОВ

Подошли враги к царству Грецкому,
Угрожают ему войной-гибелью.
Обложенные пришли в Божий храм,
Плачут-молятся, просят помощи.
Услышала Мать Божия молитву их —
Она сошла с небес во Божию церковь,
Слава райская храм исполнила,
Богородице служат ангелы,
И пророки, и апостолы.
«Что ж ты, Божий гость, голубица ты,
Всепречистая, благодатная,
Ты скажи, зачем прилетела к нам?
Аль уж светлый рай от грехов наших
Стал нерадостен, и пришла ты к нам,
Принесла нам казнь от Создателя?» —
«Мне и светлый рай стал нерадостен,
Небо ясное помрачилося —
Ко мне ангелы каждый час несут
Слезы горькия христианския,
И смутилась я, опечалилась!
Теперь к вам пришла в утешение,
Помолить за вас с вами Господа».
И вознесла Пречистая молитвенный глас
Ко своему сыну ко распятому,
Всех людей благодетелю и защитнику:
«Сыне мой, Иисусе мой!
Услыши ты нас с высоты небес,
Защити и нас, грешных людей!»
В руках Богородицы был омофор святой,
Омофором тем покрыла она
Благодатным души скорбныя.



МАТЬ СЫРА ЗЕМЛЯ

46. ПЛАЧ ЗЕМЛИ

Растужилась, расплакалась матушка сыра земля
Перед Господом Богом:
«Тяжел мне, тяжел, Господи, вольный свет!
Тяжелей, много грешников, боле беззаконников!»
Речет же сам Господь сырой земле:
«Потерпи же ты, матушка сыра земля!
Потерпи же ты несколько времечка, сыра земля!
Не придут ли рабы грешные к самому Богу
С чистым покаянием?
Ежели придут, прибавлю я
Им свету вольного, царство небесное;
Ежели не придут ко мне, к Богу,
Убавлю я им свету вольного,
Прибавлю я им муки вечныя,
Поморю я их гладом голодным!»

47. НЕПРОЩАЕМЫЙ ГРЕХ

[Каялся-то доброй молодец сырой земли,
Как сырой земли да сырой матери:]
«А прости, прости ты, матушка сыра земля,
А прости, прости, сыра матери,
И меня прости, покай да добра молодца.
Во первом греху прости, покай меня,—
Уж я жил-то со кумой да со крестовою,
Уж я прижил у кумы да млада отрока».—
«Уж я в том греху, я могу простить,
Я могу простить, могу покаяти:
Уж ты малой был да молодёхонёк,
Умом-разумом да был глупёхонёк».—
«Во втором греху покай, матушка сыра земля,
Ты покай да добра молодца,—

Я бранил отца да бранил матушку»,—
«Уж я в том греху тебя да ведь могу простить,
Уж могу простить, могу покаяти:
Уж ты молод был да молодёхонёк,
Своим разумом да был глупёхонёк».—
«Во третьем греху покай, да мать сыра земля,
Ты покай, прости да добра молодца,—
Уж я ездил, доброй молодец, да по чисту полю,
Я убил в чистом поле купця, гостя торгового».—
«Уж я в том греху тебя ведь, молодец, да не могу простить,
Не могу простить да не покаяти:
Не купця убил, гостя да не торгового,
Как убил ведь своёго брата крестового,
Как порушал ведь да крёстно знаменьё».

48. ОБРЯД ПРОЩАНИЯ С ЗЕМЛЕЙ ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ

«Отправляясь на исповедь,— говорит старушка, бывшая раскольница,— должно на́перво сделать пред иконами в доме большой трехпоклонный начал», т. е. сделать три земных поклона, а потом «надоть» говорить:

Благослови, Спас Исус, во путь идти,
Во путь идти, грехи нести
На споклон попу духовному.
Во веки веком. Аминь.

В это время «надоть трижды перекститься и поклоняться по́ясно», а потом промолвить Исусову молитву: «Исус Христос, Спас наш, помилуй меня грешную. Аминь!» — и сделать земной «прощальный» поклон иконам. Далее следует прощание с домашними. Каждому члену семейства должно поклониться и попросить прощения словами: «Простите меня Христа ради!» «После прощания с домашними,— продолжает старушка,— идешь за ворота на улицу, оборачиваешься к часовенке (часовенки в нашей губернии большею частью строятся среди деревни), произносишь: «Исус Христос, Спас наш, помилуй меня грешную. Аминь!» — и кстишься, не творя поклона». Перекрестившись на часовенку, крестьянка начинает «творить поклоны по четырем сторонам», прося прощения у «хрещеного люда». Поклонов этих несколько. Начинает кланяться крестьянка первоначально стороне,

противоположной своему двору, а потом, постепенно поворачиваясь направо, она делает, кланяясь, круг. Во время этих поклонов она нараспев причитает:

Встану я на четыре сторонушки,
Поклонюсь вам, люди добрые;
Мир-народ, люди добрые,
Вы суседушки стародавние,
Вы простите меня грешницу,
Неразумну буйну головушку!
На споклон иду к попу-батюшке,
На раскаянье греховное.
Не осудите рабу, рабу грешную,
Ради Спас-Христа, Честно́й Матери,
Пресвятыя свет Богородицы! Аминь.

После причети и поклонов крестьянка оборачивается к часовне, крестится (без поклона) и «творит Исусову молитву»: «Исус Христос, Спас наш, помилуй меня грешную! Аминь». Произнеся Исусову молитву, она так же, как и ранее, начинает «творить поклоны по четырем сторонам», но уже «свету вольному», при чем произносит:

Уж ты, красно-ясно свет-солнышко,
Уж ты, млад-светел государь месяц,
Вы, часты звезды подвосточныя,
Зори утренни, ноци темныя,
Дробен дождичек, ветра буйные,
Вы простите меня грешную,
Вдову горюшную, неразумную,—
Ради Спас-Христа, Честно́й Матери Богородицы,
Да сам Михайла арханьделя! Аминь.

Сотворив снова, смотря на часовенку, крестное знамение и Исусову молитву, крестьянка с улицы идет на задворки. Придя сюда, она произносит Исусову молитву, во время чтения которой делает «малый трехпоклонный начал», т. е. трижды крестится и трижды кладет поясные поклоны. После этого она начинает «кланяться матушке-земле». Поклоны крестьянка в этом случае кладет поясные и так же, как и на улице, поворачивается кругом, при чем причитает:

Ради Спас-Христа, честно́й Матери,
Пресвятыя да Богородицы
Да Ильи—пророка мудрого! Аминь.

Кончив причет и сотворив Исусову молитву с крестным знамением, крестьянка становится на колени и начинает умывать землей или, если земля еще не растаяла, то снегом себе руки. Земля или вода от снега с рук не стирает-

ся до тех пор, пока кающаяся не придет в храм и здесь не положит «большого трехпоклонного начала».

Совершив обряд умовения рук, крестьянка еще раз произносит Исусову молитву и делает земной поклон. Потом, стоя на коленах, она, не оборачиваясь только назад, начинает кланяться во все стороны и причитать:

Еще раз, моя питомая,
Прикоснусь к тебе головушкой,
Испрошу у тея благословеньица,
Благословеньица со проценьицем,—
Что рвала я твою грудушку
Сохой острою, расплывчатой,
Что не катом тея я укатывала,
Не урязливым гребнем чесывала,—
Рвала грудушку боронушкой тяжелою
Со железным зубьем да ржавыем.
Прости, матушка питомая,
Прости грешную, кормилушка,
Ради Спас-Христа, Честно́й Матери,
Все святыя Богородицы,
Да Овласия заступника,
Да Ильи — пророка мудрого,
Да Егорья Победоносчика! Аминь.
Исус Христос, Спас наш,
Помилуй меня грешную! Аминь.

Кончив причет, крестьянка крестится и некоторое время лежит, приклонившись к земле головою. После этого она берет в рот немного земли или снегу и, поднявшись, идет к часовне, где ею «творится малый трехпоклонный начал». От часовни крестьянка направляется в село. Выйдя из деревни, она оборачивается назад, делает поясной поклон и говорит: «Простите меня все, весь вольный свет». Потом, перекрестившись и сказав: «Господи, благослови на дороженьку!» — продолжает путь[1].

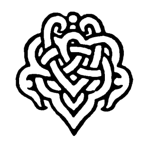
49. ПОКАЯННЫЙ СТИХ

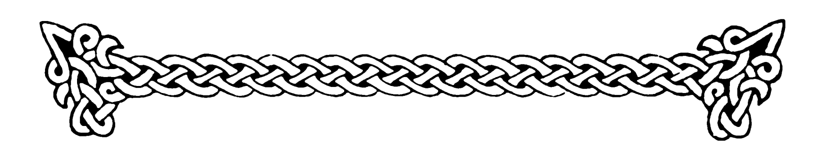
Благослови, Христос Спас Исус,
Меня на споклон к попу идти! Аминь.
Страна восточная, солнце красное,
Простите грешную! Аминь.

---

[1] Если обряд прощания с землей происходит в селе, то часовенку заменяет храм. Слова «Простите меня все, весь вольный свет» произносятся на паперти. *(Примеч. собирателя.)*

Месяц, звездушки, темна ноченька,
Простите грешную! Аминь.
Ветра буйные, крылатые, буря-падара,
Простите грешную! Аминь.
Леса темные, горы скатчаты, реки вольныя,
Простите грешную! Аминь.
Люди добрые, хрещеный мир, все суседушки,
Простите грешную! Аминь.
Сыра матушка, мать-земля питомая,
Прости грешную! Аминь.
Мои ноженьки походчивы притоптали тебя, понаблу́дили,
Прости, питомая, грешную! Аминь.
Мои ученьки бросали тебя —
Прости, питомая, сердешная, грешную! Аминь.
На тебя, моя питомая, я нечисто́ хаживала,
Слюной своей плювывала —
Прости, питомая, грешную! Аминь.
Не тветы на тебя сажала, а сохой пытала,
Прости, питомая, грешную! Аминь.
Не гребнем тебя чесала — бороной скребла,
Прости, питомая, грешную! Аминь.
Исус Спас, Христос царь небесный,
Мать Честная Богородица,
Пророк Христов Илья хвальной,
Егорий воин храброй,
Простите рабу грешную,
Что докучала сырой земле,
Всему светушку, людям добрыим.
Вовеки веком. Аминь.





СТИХИ НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ

50. СВИТОК ЕРУСАЛИМСКИЙ

Во святом граде Ерусалимове,
В третьим году воскресению Христову,
Из седьмого неба выпадеше камень,
Камень ни огня́н, ни стюден,
Ширины об аршине,
Тяготы яму не споведать никому.
Съезжалися к камню цари и патриархи,
Игумны, попы, священники,
Церковные причетники,
Християне православные.
Служили над камнем
Три дни и три нощи.
Камень распадехом на две половины.
В том же камне есть Свиток,
Ирусалимский Список.
Хто ж яго писал?
Ни патриярх и ни ангел Божий,
Во прети Бог написал.
Господа нашего Исуса Христа,
Яго рукописание духом святым напечатано.
Речет же ко всем истинно Христос:
«Чады вы мои! Горькя вы плачитя,
На страшен вы суд помышляитя.
Время Божие приближается,
Слово Божие скончивается;
Будут остальныя времена,
Годы потрусли́вых, натяжли́вых,
Власти, патриярхи, немилостивыя судии,
К ним же протечет казна, аки река пройде,
За ваша великая согрешения,
За ваша великая беззакония.
Чады вы мои!
Поимейте вы друг друга и брат брата,

Сын отца и мать свою,
Мою меньшую братию Христову,
Ради имени Христова.
Вы же будетя почтены́ от Бога
(Н)е от немилостивых судей,
Не от гордливых властей.
Добро твори ж, ибо милостыню воздай,
Неукрадомую, от праведного труда,
От потного лица, от желанного сердеца:
Та же милостыня
Много грехов оставляет,
Вечныя муки избавляет,
К небесному царствию наслеждает.
Чады вы мои!
Поимейте вы три дни в неделю —
Среду и пятницу, воскресение Христово:
В среду жидовья на Христа совет советáли,
В пятницу роспят был сам Исус Христос,
В третий день — воскресение Христово,
Господа нашего Исуса Христа,
Воскрес Христос из гроба и взошед нá небо.
Аще которыя человек
До воскресения Христова работáеть,
Нет тому человеку
В житье прибытку,
Ни жеребью-таланту,
Во все шесть ден по изянту.
Того человека сам Господь
Исус Христос
На седьмом соборе с двумянадесятью учениками
В треисподний в ад проклинаеть.
Чады вы мои!
Поимейте вы моего великого поста,
Около дозору, сердецом от зла
Чревом на съедения,
Руками своими от заграбления,
Устами своими от пустых глагол,
С пусту грех говорить.
А не в толико бы нам
На чужую жену зрить,
В то время надобно от своей отбыть;
С чужой женой прелюбодействовать —
Душевная пагуба и с своею такожде.
Дан вам пост на слаждение,
Душам вашим на спасение,

Телесам вашим на здравие.
Аще которыя человек много постится
Да зло помнит —
Да не есть ему спасения будеть,
Доброго исправления не исправляеть,
Богу любы не приносить.
Чады вы мои!
Да не послушаетя моей заповеди,
Разодвину я седьмое небо,
Спущу на вас каменя горяющую,
Воду кипляющую,
Побью вас камением на земле.
Тогда ухо свое отклоню,
Не услышу тогды ни плаканья, ни рыданья,
Ни зубного скрыжданья.
Да молится об вас мать моя,
Владычица Пресвятая Богородица,—
Аз ее моления слушаю.
Чады вы мои!
Поимейте вы мою страшную неделю:
Как я, Господи, восскорбил своею душой
От смертного часу до Христова воскресения,
Такожды и вы попоститеся
Верою и любовию,
Кротостям и смирением,
Своими благими делами.
А вы же попоститеся
Хоть и малую часть —
От великого четверга
До Христова воскресения,
Лишитеся хмельного пития,
Скверности изо уст, изо бранного слова,
Матерно не бранитеся:
Мать Пресвятая Богородица
На престоле встрепенулася,
Уста кровию запекаются.
Аще которыя человек
Да (в) великую пятницу хмельного требует,
Не подобает тому человеку
В тот день ни пить, ни есть,
Ни ко кресту идтить, ни к Евангелью,
Ни устами своими дары принять,
Хотя ж яго конец идеть.
Чады вы мои!
Да не послушаетя моей заповеди Господней

И наказания моего,
Сотворю вам небу медную,
Землю железную:
От неба медного росы́ не воздам,
От земли железной плода не дарую,
Поморю вас гладом на земле.
Кладецы у вас приусохнут,
Истошницы приускудеют,
Не будет на земле травы,
Ни на древе скоры́.
Будет земля яко вдова
За ваши великия согрешения,
За ваши великия беззакония.
Чады вы мои!
Поимейте вы Паску Господню,
Светлое Христово воскресение,
Восемь дён за единый день,
Ни блудом и ни пьянством,
Ни обжорством, ни просыпанием.
Со всякими ликуйтя: Воскресе Христос!
Ангели радуются: Воскресе Христос!
Рай разверзается: Воскресе Христос!
Мертвыя восстанут: Воскресе Христос!
Ад порушался: Воскресе Христос!
Чады вы мои!
Первая часть, кости — от каменя;
Вторая часть, тело — от земли;
Третия часть, руда — от Черного моря;
Четвертая часть, дыхание — от ветру;
Пятая часть, мысли — от облацев.
Как оболоци ходят на небеси, ветром и ненастьем,
Такожде в человеке ходят мысли худыя и добрыя;
От доброго разума душа воскресает,
От худого разума душа погибает.
За добрым пошел — добро и будет,
За худым пошел — пропал во́веки.
Очи от солнца, разум от Святого Духа.
Первая мать — Пресвятая Богородица,
Вторая мать — сыра земля,
Третия мать — кая скорбь приняла.
Аще Пресвятая Богородица
Помощи своей не воздаст,
Не может ничего на земле в живе родиться,
И ни скот, и ни птица,
Ни человекам бысти.

Аще да Святая Богородица
Да помощи Святая воздаст.
Может всякая тварь на земли в живе родиться,
Скот и птица, и человекам бысти.
Чады вы мои!
Есть Свиток, Ерусалимский список:
Хто ж яго возлюбить,
И перéйметь, и спишеть,
Станеть яго в дому прочитати,
Завсегда яго прославляти,
Станеть яго толком толковать —
От такого человека
Отодут ду́хи нечистыя —
Наследник к небесному царствию».
Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу,
Ныне, и присно, и вовеки, аминь.

51. ПЯТНИЦА И ПУСТЫННИК

Во пустыни труждании трудился,
Он трудился — Господу молился,
Не владел ни руками, ни ногами.
Во снях ему Пятница явилась
На самую заутреню Христову,
Лик его свечою осветила,
Лик его крестом благословила:
«Восстани, труждании мой Божий,
Сходи в народ Божий, потрудися,
Скажи слово Божее, не убойся:
Православные рабы, христиане!
Поймите вы по три дня в неделю,
Вы середы и пятницы поститесь,
Воскресный день Господу моли́тесь.
Вы друг друга возлюбляйте
И брат братом вы нарекайте;
Матерныим словом не бранитесь —
От матерного слова мы погибаем,
Мать Божию мы прогневляем.
Дети, отца-мать почитайте;
Отец-мать, детей не проклинайте,
Жидовьем детей не называйте:
Жиды у Христа есть проклятые́,
Которые Христа роспинали,
Святую его кровь проливали.

Как будет последнее нам время,
Тогда мать-земля вся потрясется,
На земли камение распадется,
Протечет река огненная,
Восстанет гора тут святая.
На ту на Сиянскую святую гору
Взойдет сам Михайло-архангел,
Вострубит в трубу он золотую,
На все на четыре на страницы:
Восстаньте вы, мертвые, от гро́бов,
Грядите на вто́рое судьбище!
Которыя праведныя души,
Восстаньте лицами вы к востоку,
Грядите в небесное мое царство;
Которыя грешныя души,
Восстаньте вы лицами все на запад,
Грядите во тьму вы во кромешную
За ваше великое согрешение
И за ваше великое беззаконие.
Вот вам есть река огненна́я,
Смола зла-горяча́-кипуча́я,
Зубная скрежания вам бесконечная!»
Мы славим тебя, Господи!

52. О ДВЕНАДЦАТИ ПЯТНИЦАХ

Приидите, людие, послушайте писание Божие,
Поучение Климента, папы римского,
Приимите правило малое,
Да сохранит человек заповедь Божию,
Великих в году два-на-десять Пятниц.
Первая великая Пятница
На первой неделе поста Великого.
Почему та великая Пятница?
В ту Пятницу убил брат брата, Каин Авеля.
Кто станет той Пятнице поститися
Святым постом и молитвою,
Тот человек избавлен будет от убийства,
Помилован будет от Бога.
Вторая великая Пятница
Против Благовещения Пресвятыя Богородицы.
Почему та великая Пятница?
В ту Пятницу воплотился Господь в Деву Марию.
Кто станет той Пятнице поститися
Святым постом и молитвою,

Тот человек избавлен будет от плотской похоти
И дьявольского искушения сохранен будет,
Помилован будет от Бога.
Третия великая Пятница
Против светлого Воскресения Христова.
Почему та великая Пятница?
В ту Пятницу распят был Иисус Христос.
Кто станет той Пятнице поститися
Святым постом и молитвою,
Тот человек от неприятственной силы сохранен будет,
Помилован будет от Бога.
Четвертая великая Пятница
Против Вознесения Иисуса Христа, Бога нашего.
Почему та великая Пятница?
В ту пятницу вознесся Господь на небеса.
Кто станет той Пятнице поститися
Святым постом и молитвою,
Тот человек сохранен будет от водного потопления,
Помилован будет от Бога.
Пятая великая Пятница
Против Троицы Нераздельныя.
Почему та великая Пятница?
В ту пятницу сошел Дух Святый на землю,
Показался Господь в трех лицах,
Отец, и Сын, и Святый Дух.
Кто станет той Пятнице поститися
Святым постом и молитвою,
Тот избавлен будет от трясучной скорби,
Помилован будет от Бога.
Шестая великая Пятница
Против Ильи пророка Божия.
Почему та великая Пятница?
В ту Пятницу взят был Илья и Еног вживе на небеса.
Кто станет той Пятнице поститися
Святым постом и молитвою,
Тот человек избавлен будет от грома,
Помилован будет от Бога.
Седьмая великая Пятница
Против Спаса Преображения.
В эту пятницу преобразился Господь на Фаворе
Пред учениками, пред апостолами.
Кто станет той Пятнице поститися
Святым постом и молитвою,
Тот человек избавлен будет
При дороге, при пути от лихих людей,

Помилован будет от Бога.
Осьмая великая Пятница
Против Успенья Пресвятыя Богородицы.
Почему та великая Пятница?
В ту Пятницу за престолом преставилась
Мать Пресвятая Богородица.
Кто той Пятнице станет поститися
Святым постом и молитвою,
Тот человек избавлен будет от нужды и печали,
Помилован будет от Бога.
Девятая великая Пятница
Против Иоанна Постителя.
Почему та великая Пятница?
В ту Пятницу царь Ирод Иоанну главу отсек.
Кто той Пятнице станет поститися
Святым постом и молитвою,
Тот человек избавлен будет от зубной и головной ломоты,
Помилован будет от Бога.
Десятая великая Пятница
Против Козьмы-Демьяна бессеребреников.
Почему та великая Пятница?
В ту Пятницу мучилась
Праскева-мученица у Максимильяна-царя,
Стояла за веру за крещеную,
За крест, за молитву, за истину.
Кто той Пятнице будет поститися
Святым постом и молитвою,
Тот на суду от судей напрасно не осудится,
Помилован будет от Бога.
Первая-на́-десять великая Пятница
Против Рождества Иисуса Христа, Бога нашего.
Почему та великая Пятница?
В ту Пятницу родился
Сам Иисус Христос от Девы Марии.
Кто станет той Пятнице поститися
Святым постом и молитвою,
Тот человек узрит при смерти Пресвятую Богородицу,
Помилован будет от Бога.
Вторая-на́-десять великая Пятница
Против Божия Богоявления.
Почему та великая Пятница?
В ту Пятницу крестился Господь
В Иордане-реке от Иоанна Крестителя.
Кто станет той Пятнице поститися

Святым постом и молитвою,
Тот человек записан будет
У Господа в животной книге.
Кто эти дни сохранит и помилует,
Помилован будет от Бога.
А кто эти Пятницы не сохранят
И совокупится с женою,
У того зародится детище
Либо глупо, либо немо,
Либо еретник, либо клеветник,
Либо вор, либо разбойник,
Или всякому злу начальник будет.

53. СТИХ О ТРЕХ ДАРАХ

Проспали, продремали
Небесное царство!
Прошел наш век ни за́ что!
Чем-то нам будет
Господу Богу подъявитися?
Чем-то нам будет
Перед Господом оправдаться?
Поднесем мы Господу три дара.
Три дара потайные:
Первые да́ры —
Ночное моленье,
Другие да́ры —
Пост, содержание,
Третьи да́ры —
Любовь, добродетель.
Уж и ноне че на сем свете
Все книги сгасли,
Одна книга не угасла —
Святое его Евангелие.
Уж и чтет эту книгу
Иван да Креститель;
Он чтет ее, а сам плачет:
«Господи, Господи!
Прости души грешныя,
Многогрешныя, беззаконныя!»

54. СТИХ О ЛЕНИ

Слово Иоанна Златоустого!
Братие, вы долго не спите,
Много не лежите,
Вставайте вы рано,
Ложитеся поздно.
Лежа вам добра не видати
И грехов не очистити.
О, горе таковому ленивому!
Ленивому милу не бывати,
Ленивому в судьях не живати,
Ленивому сладкого не едати,
Ленивому брашного не пивати,
Ленивому срядного не уносити.
О, горе таковому ленивому!
У ленивого за плечами камень,
На плечах — тараканы.
О, горе таковому ленивому!
Ленивый, как пьяная свинья,
По грязи валяется
И об угол она чешется.
О, горе таковому ленивому!
Ленивый-от, как пест, по улице шатается,
И людям-то он завидует,
На чужое добро он надеется,
И на окна он глядит.
О, горе таковому ленивому!
Ленивый-от как червь капусту точит.
О, горе таковому ленивому!
Навык же ленивый чужими трудами кормиться.
О, горе таковому ленивому!
Ленивый-от дому не хозяин
И детям своим не отец
И жене своей не муж.
О, горе таковому ленивому!
Ленивый-от, как трутень, на печи валяется,
И спит он, не просыпается;
Он и проснется, Богу не молится;
Что и знает, да не прочитает.
О, горе таковому ленивому!
У ленивого во браде посмешество,
На языце — гордость,
Во главе его унынние,
На сердце его печаль.

О, горе таковому ленивому!
  У ленивого сатана гнездо в сердце свила.
О, горе таковому ленивому!
  На ленивого беды и напасти,
Яко снег на главу его летит.
О, горе таковому ленивому!
  Не наследовать ленивому царствия небесного.
О, горе таковому ленивому!
  Наследовать ленивому злу муку превечную.
О, горе таковому ленивому!
  О ленивых рабах
Сам Господь Бог не печется.
От великой лености избави, Господи, и помилуй!

55. СТИХ О ВДОВАХ

По тому ли морю по Вассионскому
Плыл же тут Господь Бог во кораблике
Со ангелами, со архангелами.
Подплывал же Господь Бог ко Паул-горе,
Ко тому древу кипарисову,
Ко той главе ко Адамовой,
Ко тому граду к Русалимному,
Ко тому собору ко Божьему.
У того у собора у Божьего
Стояли три кельи сиротския.
Выходили же из этих кельев три вдовы,
Три вдовы Моисеевы,
Кланялись оне самому Богу:
«Как-то нам, Господи, идти за втора́ мужа?» —
«Ох вы, вдовы Моисеевы!
Не ходите вы за втора мужа,
За втора мужа за беззаконного.
Послушайте вы меня, самого Бога, —
Ежели вы меня послушаете,
Прибавлю я вам свету вольного;
Ежели вы меня не послушаете,
Убавлю я вам свету вольного,
Царство небесное,
Прибавлю я вам муки вечныя,
Муки вечныя, бесконечныя».

56.

Вдоль по крутому, по красному бережку
Тут шли-то, прошли да две вдовушки,
Молодехоньки вдовки да зеленехоньки.
Как навстречу-то вдовушкам Иисус Христос,
Иисус Христос да сам небесный Царь.
И как спрошает у вдовушек Иисус Христос:
«Вы куды, вдовушки, ушли-пошли,
Вы куды, вдовушки, куды надумалисе?» —
«А мы пошли, пошли ко самому ко Христу:
Ко самому-то Христу, Царю небесному,
Велит ли он нам за вторых за мужей идти».
Отвечает Иисус Христос-то вдовушкам:
«Не ходите, вдовушки, за вторых мужей —
Потемнеют тут ваши золоты венцы,
Будут темнее темной ноченьки,
Будут чернее сажи потолочной,
Будут грязнее грязи подпорожной.
Не пойдете-то вы за вторых мужей,
Посветлеют тут ваши золоты венцы,
Будут светлее светла месяца,
Будут яснее ясна солнышка».

57.

Сходила же Владычица со небесныих кругов,
Становилась же Владычица у сиротских ворот,
Проречела же Владычица сиротам и вдовам,
Благочестивым девицам:
«Вы послушайте меня, не ходите никуда —
Не в пиры, не в беседы, не в мирские суеты,
Я за то вам золоты венцы солью,
Со ангелами к вам на землю сошлю.
Если вам того мало, золоты ризы сошью,
Со архангелами к вам на землю сошлю.
Если вам этого мало, я сама к вам жить сойду,
Буду век с вами вековать, буду царствовать».

58. ВАСИЛИЙ КЕСАРИЙСКИЙ

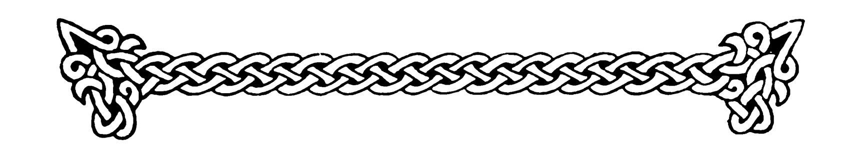
Слава Василию Великому, Кесаримскому чудотворцу!
Молится Василий Богу от желания сердца,
С теплыми со сердцами, со горючими со слезами,
Изо уст выпущает до небес:

«Прости мене, Пресвятая Богородица, и помилуй
Василия Великого, Кесаримского чудотворца!»
Был ему глас от святой от честной от иконы,
От Матери Пресвятой Богородицы:
«Когда хочешь, Василий, Христов пребысти наперсник,
Покинь, Василий, хме́льного пития испивати,
Станет тебя Пресвятая Богородица по ка́жен час
сохраняти».

Двадцать пять лет у Василья
Хме́льного в ро́те не бывало,
Однова́ Василий испил-изведал —
Тридцать пять лет злые коренья
С головы вон не изо́йдут.
О горе всякому человеку
Хмельного пития испивати,
Женскому полу и мужскому!
Не подобает попам, священным архиереям
Хмельного пития испивати,
Подобает попам, священным архиереям
Литургию Божию совершати;
Пономарю на папе́рти с жезлом стояти,
Пьяницу в Божью церковь не впущати.
Пьяница идет в Божью церковь не [о]биходом,
Пьяница молитвы себе ён не сотворит,
Пьяница креста на себя не возло́жит.
Пьяница возле суду страшного стоит,
Страху Божьего не боится.
Пьяница попа-священника осуждает,
Пьяница всем народом помущает.
Глядя на пьяницу, девица рассмеется —
Пуще пьяницы согрешает,
Грех себе на душу принимает.
Кто на драке на бою пребывает
Посторонним свидетелем? — Пьяница.
Ложно божится, клянется? — Пьяница.
Понапрасну матерным словом сквернится-бранится? -
Пьяница
Женщина скверным словом дерзанется —
Мать сыра земля потрясется,
Пресвятая Богородица со престолом потронётся,
Уста кровью запекутся.
Божию вечерню играет-пляшет? — Пьяница.
Заутреню просыпает? — Пьяница.
Воскресный день обедню беседу беседует? — Пьяница.
Невмытыми руками хлеб пожирает? — Пьяница.

Во грязи валяется? — Пьяница.
Обхаркался, облевался? — Пьяница.
Не подобает псу блевотины пьяницы излака́ти.
Хто пьяницу осуждает,
Пуще пьяницы согрешает.
Не подобает с пьяницей навстречу стреваться,
Не подобает супроти пьяницы становиться,
Подобает пьяницу обыходом обходити,
Не подобает с пьяницей добру речь говорити,
Не подобает пьяницу на добру речь споучати:
Пьяницу не научишь, только раздра́жнишь.
Древом убьет аль ножом он зарежет.
Пьяница — кровопивец,
Пьяница — слезоливец,
Пьяница — злой убивец,
Пьяница — живопродавец.
Пьяница видит волны морския —
Сам в судно садится,
Сам себя скорой смерти предавает,
Грех себе на душу принимает.
Доходит Василий до Божьей до церкви
И руки и ноги до каменя ошибает,
Буйную голову до крови́ проломает.
На паперти Василий стоит,
Молитву творит, яко гром гремит,
Изо уст выпущает до небес:
«Прости мене, Пресвятая Богородица, и помилуй
Василья Великого, Кесаримского чудотворца!»
Был ему глас от святой от честно́й от иконы,
От Матери Пресвятой Богородицы:
«Доходна твоя, Василий, молитва до Господа Бога
И до Матери Пресвятой Богородицы,
Наипаче всех святых на иконе.
Сотво́рено у Господа Бога в Давыдовом доме
Сотво́рены три упокоя:
Первый упокой сотворен у Господа Бога в Давыдовом доме —
Висят черви висящии, людоеды,
Ради душ, ради многогрешных,
Ради хмельного человека;
Второй упокой сотво́рен у Господа Бога в Давыдовом доме —
Течет река вогненна́я от востока до западу,
Ради душ, ради многогрешных,
Ради хме́льного человека;

Третий упокой сотво́рен у Господа Бога в Давыдовом доме —
Царство небесное, прекрасный рай растворён стоит:
Которая душа умолила,
Сама до Господа Бога доступила
И до Матери Пресвятой Богородицы,
Той души царствие небесное царствовать,
Со ангелы небесными ликовать».
Еще слава Василию Великому,
Кесаримскому чудотворцу,
Во век ему слава, и ныне, и присно,
Во веки веком, аминь!



ПРАВЕДНИКИ И ГРЕШНИКИ
(Раскаявшиеся и нераскаявшиеся)

59. ДВА ЛАЗАРЯ

Жил себе на земле славен-богат,
Пил-ел богатый — саха́р воскушал,
До́роги одежды богат надевал.
По́ двору богатый похаживает;
За ним выходила свышняя раба,
В руцех выносила мёд и вино:
«Испей, мой богатый, зе́лена вина,
Закушай, богатый, сладкие меды!»
Выходил богатый сам за ворота́;
Ин пред ворота́ми перед богачёвыми
Лежит же убогий во Божьем труду,
Во Божьем труду, сам весь во гною.
Вскричал же убогий брату своему:
«Ой ты, мой братец, славен-богат!
Сошли, Христа ради хошь, милостыню,
Хлеба и соли, чем душу питать;
Про и́мене Христово напой, накорми.
Христос тебе заплатит, сам Бог со небес,
На мою на про́торь на нищенскую!»
Скричал богатый на брата своего:
«Лежишь ты, убогий, во Божьем труду,
Во Божьем труду, сам весь во гною;
Ой, осмерди́л ты меня, как лютый пёс!
Что ты мне за братец? Что ты за родной?
Этих у меня братьев в роду не было́!
Есть у меня братья, каков я и сам,
Каков я и сам, князья-бо́яра;
Много у братьев именья-житья,
Хлеба и соли, злата и сребра;
А твои-то братья — два пса кобеля,
По подстолью они похаживают»,—

«По то́м я тебе братец, по тому родной,
Что единая матушка нас поро́дила,
Что един сударь-батюшка вспоил, вскормил,
На е́дною долею он нас наделил:
Большему-то брату богатства тьма,
Меньшому-то брату убожество и рай».
Плюнул же богатый, в палаты пошел:
«Я не боюсь твоей кропоты́,
Ни злыих хуро́быих, злых уродливыих!»
Был у богатого почестный пир;
Пили же и ели друзья и братия;
Ещё у богатого два лютые псы:
Псы по подстольям похаживали,
Обро́нныя крошечки собирывали,
К убогому Лазарю принашивали.
Владыко со небес ему сам душу питал,
А псы ему раны зализывали.
Вышел убогий в чисто́ поле,
Взглянет он, взозрит да на небеса,
Воскричал убогий громким голосом:
«О Господи, Господи, Спас милостливый!
Услыши, Господь Бог, молитву мою,
Молитву мою, неправедную:
Сошли ты мне, Господи, гро́зных а́нгелов,
Грозны́х и несмирных, не милостливых!
Чтоб вынули душеньку сквозь ре́бер копьём,
Положили бы душеньку да на́ борону,
Понесли бы душеньку в огонь во смолу!
И так моя душенька намаялася,
По белому свету находи́лася!
Как живучи здесь на вольном свету́,
Мне нечем, убогому, в рай превзойти,
Нечем в убожестве душу спасти!»
Выслушал Господь молитву его;
Принял его душу на хвалы к себе, —
Ссылает Господь Бог святых ангелов,
Тихиих ангелов, все милостивыих,
По его по душеньку по Лазареву.
Вынимали душеньку че́стно и хвально́,
Честно и хва́льно в саха́рны уста;
Да приняли душу на́ пелену,
Да вознесли же душу на небеса,
Да отдали душу к Богу в рай,
К святому Аврамию к праведному:
«Вот тебе, душенька, тут век вековать,

В небесныем царствии, пресветлом раю!
С праведными жить тебе, лик ликовать!»
То же было время, все ми́нулося.
Охоч был богатый то́ргом торговать,
Прохладен был богатый в беседах сидеть;
Гуляет богатый день до́ вечера.
Шел же богатый путем ко двору́;
Найдет на богатого Божия скорбь,
Злая хворы́бонька, зла́-уродливая смерть;
Предъимет богатого предвыше его,
Ударила богатого об сыру́ землю́,
Невзвидит богатый пути пред собой,
Не у́зрел богатый двора своего,
Не спознал богатый жены и детей.
Сам лёжа богатый молитву творил:
«О Боже, Владыко Спас милостивый!
Услыши, Господь Бог, молитву мою,
Молитву мою всю праведную:
Приими мою душу на хвалы себе!
Создай ты мне, Господи, тихи́х ангеле́й,
Тихиих и смирных, и милостливых,
По мою по душеньку да по праведную;
Чтоб вынули душеньку честно́ и хвально́,
Положили б душеньку да на́ пелену,
Понесли бы душеньку к самому Христу,
К самому Христу, к Аврамию в рай!
И так моя душенька поцарствовала!
Жи́вучи здесь на вольном свету́,
Пила, ела душенька, все тешилася!
Мне есть чем, богатому, в рай превзойти,
Мне есть чем, богатому, душу спасти,—
Много у богатого именья-житья,
Хлеба и соли, злата и сребра!»
Не слушал же Господь молитву его,
Молитву его неправедную;
Сослал ему Господи скорую смерть.
Сослал к нему Господь гро́зных ангелов,
Стра́шныих, гро́зныих, немилостивыих,
По его по душу по богачёву.
Вынули его душеньку не честно, не хвально́,
Не честно, не хва́льно, сквозь рёбер его,
Да вознесли же душу вельми высоко́,
Да ввергнули душу во тьму глубоко́,
В тоё злую муку, в геенский огонь:
«Вот тебе, душенька, вечное житьё,

Вечное житьё бесконечное!
Смотри ж ты, богатый, предвыше себя!»
  Взирает богатый очми на́ небо:
Узрел богатый Аврамия в раю,
Возле Аврамия брата своего,
Меньшего брата, Лазаря.
Вскричал богатый, во тьме сидючи:
«Братец мой, братец, убогий Лазарь!
Как я поначаял, что ты в превечной муке,—
Ан ты, мой родимый, в пресветлом раю!
Не попомни, братец, грубости моей!
Моги, мой родимый, душе пособить:
Есть у тебя, братец, правая руца́,
У правой у рученьки мизинный твой перст.
Обмочи ты, мой братец, в студёной воде,
Промочи ты мне, братец, кровавы уста,
Сократи ты, родимый, геенский огонь,
Чтобы мне, богатому, всему не сгореть
В той во злой муке превечныей!»
Ответ к нему держит убогий Лазарь:
«Ой ты, мой братец, славен-богат!
Нельзя, мой родимый, тебе пособить,—
Здесь нам, братец, воля не своя,
Здесь нам воля все Господова.
Егда мы живали на вольном свету́,
Тогда мы с тобой Богу не справливали,
Ты меня, братец, братом не нарекал,
Нарёк ты меня, братец, лютыим псом;
Про и́мене Христово ты не подавал,
Нищиих-убогих ты в дом не принимал,
Вдов, сирот, братец, ты не призирал,
Ночныим ночлегом ты не укрывал,
Наго́го, босо́го ты не одевал.
По пути сидящему ты не подавал,
Темную темницу ты не просвещал,
Во гробе умершиих ты не провождал
До Божией до церкви всегда бы со свечой,
От Божией церкви до сырой земли.
В тем бы ты призрен от Господа был!»
Речет же богатый, во тьме сидючи́:
«Ой ты мой братец, убогий Лазарь!
Когда знал ты, ведал про вечное житьё,
Про злую про муку превечную,
Зачем ты, родимый, мне тогда не сказал?
Ох, я не жалел бы именья-житья,

Хлеба и соли, и злата-сребра!
Про и́мене Христово я бы подавал,
Тебя бы я братом родны́им нарекал,
Нищих-убогих в дом бы призывал,
Вдов, сирот, братец, я бы призирал,
Ночны́им ночлегом я бы укрывал,
Наго́го-босо́го я бы одевал,
На пути сидящему я бы подавал,
Темную темницу я бы просвещал,
Во гробе умершиих я бы провождал,
До Божьей до церкви всегда бы со свечой,
От Божьей церкви до сырой земли.
Тем бы я при́зрен от Господа был!»
Ответ к нему держит убогий Лазарь:
«Ой ты, мой братец славен-богат!
Вспокаялся, братец, да не во́время!
Где твое, братец, именье-житьё?
Где твое, родимый, злато-сребро?
Да где ж твое, братец, цве́тное платье?
Где твои, братец, свышние рабы?»
Речет же богатый во тьме сидючи́:
«Ой ты, мой братец убогий Лазарь!
Именье-житьё мое все прахом взято́,
Злато мое се́ребро — земля пожрала́,
Цветное платье всё тлен восприял,
Друзья мои, братья — все мину́лися,
Свышния ра́боньки все врозь разошлись,
Спесь моя, гордость вся мину́лася,
Превечная мука мне сготовилася!»
Рече́т же убогий в пресветлом раю:
«Ой ты, мой братец славен-богат!
Едина нас матерь с тобой родила́;
Не одни участки нам Господь написал —
Тебе Господь написал богатства тьма,
А мне Господь написал во убожестве рай.
Тебя во богатстве враг уловил;
Меня во убожестве Господь утвердил
Верою, правдою, всею любовию.
Спасли мою душеньку святы ангели,
Где святы ангели лик ликуют,
Лик ликуют здесь ангели на земли,
Царствуют праведники на небесах.
Живи ты, мой братец, где Бог повелел,
А мне жить, убогому, в пресветлом раю,
С праведными жить и мне лик ликовать!»

Мы нынече Лазарю славу поем,
Вовек его слава не минуется!

60. О БЛУДНОМ СЫНЕ

Человек некто богатый
Имел у себя два сына.
И рече юнейший отцу:
«Си, отче, даждь ми часть от богатства».
Послушав отец благосердый,
Разделив имение равне,
Как старейшему и юнейшему,
Не сделав обиды и меньшему.
Вскоре младой сын отбегает,
Отчее богатство взимает;
Отеческих недр не отлучился,
Во чужой стране поселился.
Расточив богатство и дары,
Данныя отеческой славы,
Грех блудный изволи творити,
Как в темной темнице сидети;
Отступив от Бога злобою,
Грех возлюбил сам сый собою:
«Темность паче света желаю,
Свыше благодати не чаю.
О горе мне, грешнику сущу,
Горе благих дел не имущу!
Како на суд Божий явлюся,
Како со святыми вселюся?
Пойду перед отцом умилюся,
Негли в его недра вселюся.
Пойду и реку ему смело:
Согреших ти, отче, зело».
Видит отец сына грядуща,
Умиленный разум имуща,
И рек, нападе на него выю:
«Не тужи, аз грех твой омыю».
Перстень на руку полагает,
Первую печать возлагает
И в сей красоте сподобляет,
В древнюю одежду облекает.
Глаголет старшему сыну:
«Сей бо есть меньший брат твой выну».

61. ПРО МАРИЮ ЕГИПЕТСКУЮ

Нашел старец молящую,
Молящую, трудящую,
На камени стоящую.
Власы у нея до сырой земли,
Тело у нея —дубова кора,
Лицо у нея аки котлино дно.
И тут старец убоялся ея:
«А и кто если, жена страшная,
Или скотия ты, или лютый зверь,
Или мнение мне, иль престрашная смерть?»
Она же ему возглаголовала:
«Иди, старец, не убойся меня,
Я не скотия и не лютый зверь,
Я не мнение тебе, не престрашная смерть,
Я богатого купца Киприанова дочь,
Я тридцать лет во пустыне живу,
Я тридцать лет на камени стою —
Замоляю грехи великии,
Замоляю грехи великоблудные».
А и тут жена просветилася,
Видом ангельским старцу открылася
И велела она вспоминать ее,
Величати Марией Египетской,
И дала она письменаа ему,
Что писала она на камени,—
Житие свое ноготочками.
И пошел старец в великий град,
И принес старец житие ея.
И взошел старец в церковь Божию,
И велел старец вспоминать жену,—
То святую Марию Египетску,—
Во пятой четверг велика поста.

62. ТРИ ДУШИ ПРАВЕДНЫЯ

Человече, человече, Божий раб!
Погляди-ка ты, человече, вниз по земле —
И чем земля изукрашена?
Изукрашена земля красным солнышком,
Вознаполнена вода [вона, она?] Божьией милостью.
От восхода, от восхода да до запада
Протекала тут речка огненна.

Подходили к реки три грешныя души,
Три грешныя души, беззаконные рабы.
Оне спрашивали перевозчика:
«И на то тут есть перевозчик,
Перевез бы нас на ту сторону?
Мы идем на Сионску гору,
К самому Христу, Сыну Божию,
К Сыну Божию, к судие праведному, —
Он судит-рядит по-божескому».
«Ох ты гой еси, Батюшка Иисус Христос!
Мы к тебе идем и тебя спрашиваем:
Ты судишь-рядишь нас по-божескому?» —
«Ох вы гой еси, три грешныя души!
Я вас буду судить и буду спрашивать:
Слушали ль вы звону колокольного,
Перенимали ль вы читаньице церковное,
Слушали ль вы пение господнее,
Почитали ль вы отца духовного,
Имели ли вы среду и пятницу,
Великого дня — понедельничка?
Одевали ль вы на́гого,
Обували ль вы бо́сого,
Кормили ль вы голодного,
Указывали ль вы слепому дороженьку?» —
«Ох ты гой еси, Батюшка наш Иисус Христос!
Уже мы все это делали:
Колокольный звон мы слушали,
Читаньице церковное перенимали,
Пеньице господнее мы слушали,
Отцов духовных мы почитали,
Имели среду и пятницу,
Почитали мы день велик понедельничек,
Нагого одевали, босого обували,
Указывали слепому дороженьку» —
«Ступайте вы по правую сторонушку,
Отворены вам двери райския».

63. АНИКА-ВОИН

Жил на земле храбрые человек Аника-воин.
Много Аника по земле походил,
И много Аника войны повоевал,
И много Аника городов разорял,
Много Аника церквей растворивши,

И много Аника лик Божиих поругавши,
И много Аника святыя иконы переколовши,
Много Аника христианския веры облатынил.
Добирается Аника до начального граду Ерусалиму,
И хочет Аника начальной град Ерусалим разорити,
И соборную церкву растворити,
И хочет лик Божий поругати,
И святыя исконы хочет переколоти,—
И где на воздусе гробница пребывала,
Где демьян-ладан из кадила вон не выходит,
И где горят свечи неугасимы.
И поехали Аника домою,
Садился Аника на доброго коня,
И поехал Аника в чистое поле погуляти,
Начальной град Ерусалим разоряти.
До половины пути начального граду Ерусалима
не доехал.
При пути при дороги
Аники же чудо объявилось:
У чуда ноги лошадины,
У чудо тулово зверино,
У чуда буйна глава человечья,
На буйной главе власы до споясу.
На то же Аника удивился,
И тому же Аника рассмехнулся:
«Скажи ты мне, чудо, проповедай:
Царь ли ты, царевич, король ли ты, королевич,
Али ты русская могучая-удалая поленица?»
Анике же Смерть проглаголила:
«Ты храбрые человек, Аника-воин!
Я не царь, не царевич, не король, королевич,
Я и не русская могучая-удалая поленица,
Я гордая Смерть сотворенна,
От Господа Бога попущенна
По твою, по Аникину, душу.
Хочу тебя, Аника, искусити,
На мать на сырую землю поразити».
Аника на то же удивился,
Аника тому же рассмехнулся:
«Я прежде про Смерть слыхом не слыхал
И видом не видал,
А теперя я пред собою вижу.
Сказали мне про Смерть —
Страшна, грозна и непомерна:
Я этою Смерти не боюся,

На главу палицу боёвую воздыму
И тебя, Смерть, я ушибу,
И на мать на сырую землю поражу».
И Анике же Смерть проглаго́лела:
«Ты храбрые человек, Аника-воин!
Жил на земле сильно-могучой Святигор-богатырь,
Жил на земле сильной-могучий Молофер-богатырь
Жил на земле сильной-могучой и Самсон-богатырь:
И те мне, Смерти, покорилися,
И те мне, Смерти, поклонилися;
А ты же, храбрые человек Аника-воин,
И не хошь ты мне, Смерти, покоритися,
И не хошь ты мне, Смерти, поклонитися?»
Аника на то же не взирает,
И палицу боёвую на главу воздымает,
И хочет Смерть ушибити,
На мать на сырую землю поразити.
И Смерть вынимала пилы невиди́мы,
И подпилила у Аники в руца́х и в нозя́х становыя жилы.
У Аники в стременах резвыя нозе подогнулись,
У Аники белыя руцы опустились,
У Аники бело́ лицо поморачилось,
У Аники очи ясныя помутились.
Аники буйна глава долой с плеч покатилась,
И, яко пьяныя, Аника на коне зашатался,
Упал же храбрые человек Аника-воин
На мать на сырую землю.
Плачет-рыдает храбрые человек Аника-воин,
Он Смерть матерью родною называит:
«Ты гордая мать сотворе́нна,
От Господа Бога попуще́нна!
Дай ты мне веку на двадцать лет,
И домо́ю дай уехать:
Я поеду в дом-от свой, побываю,
И много в дому́ у меня житья́-бытья,
Много злата и се́ребра,
Я расточу свою казну
По церквам, по монастырям,
И по нищее братие,
Хочу своей душе пользы получити
На втором суду́, на пришествии».
Анике же Смерть проглаго́лела:
«Ты храбрые человек Аника-воин!
Твоя казна не трудовая,
Твоя казна пороховая,—

И свят дух дохнёт,
Твоя казна прахом пройдет, провáлится,
Не будет твоей душе пользы
И на втором суду, на пришествии».
Плачет-рыдает храбрые человек Аника-воин,
Он Смерть матерью родною называет:
«Ты гордая мать сотворéнна,
От Господа Бога попущéнна!
Дай ты мне веку на десять лет,
Домою дай уехать.
Я поеду в дом-от свой, побываю,
У меня в дому много житья́-бытья,
Много злата и сéребра.
Я с тобою бы казной поделился,
Что тее надобно, то с меня возьми».
Анике же Смерть проглагóлела:
«Ты храбрые человек Аника-воин!
Мрут на земле цари и царевичи,
Мрут на земле короли и королевичи,
Мрут на земле сильны и богаты,
И все православные христиани,—
И те бы мне казной поделялись.
Кабы мне со всякого человека казны брати,
Была бы у меня гора золотая накладена
От востоку сонцу и до западу».
Плачет-рыдает храбрые человек Аника-воин,
Он Смерть матерью родною называет:
«Ты гордая мать сотворéнна,
От Господа Бога попущéнна!
Дай ты мне веку на три года,
Домою дай уехать,
Я поеду в сво-ёт дом, побываю,
У меня в дому житья́-бытья много,
Много злата и сéребра,
Я состроил бы тебе соборную церкву,
Я спишу твой лик на икону,
И поставлю твой лик в Божию церкву на престоле.
И станут к тебе съезжаться цари и царевичи,
Короли и королевичи,
Сильные и богатые,
И все православные христиани,
Станут на тея́ Богу молиться,
И станут и теé местны молебны служити,
Честнóй канун говорити,
И станут тея́ у́крашати,

Каменьями драгоценными».
Анике Смерть же проглаго́лела:
«Ты храбрые человек Аника-воин!
Не можно мне строить соборную церковь,
Не можно мой лик писать на иконах,
Не можно мне стоять во Божьей церкви на престоле
И не можно на меня Богу молиться,
Не можно мне местны молебны служити,
Честно́й канун говорити,
И не можно меня украшати
Каменьями драгоценными».
Плачет-рыдает храбрые человек Аника-воин,
Он Смерть матерью родною называет:
«Ты гордая мать сотворе́нна,
От Господа Бога попуще́нна!
Дай ты мне веку на единый час, на единую минуту,
Я поеду в дом-от свой, побываю,
У меня в дому есть отец и мать,
Есть и малыя дети,
Есть молодая жена,
Есть и сродники, и приятели,
Я с отцом бы со матерью простился,
И попросил бы великое благословленье,
И благословил бы я своих малых деток,
И простился бы с своей молодой женой,
И с сродниками, и с приятелями».
Анике же Смерть проглаго́лела:
«Ты храбрые человек Аника-воин!
Нет у меня, у Смерти, ни отца и ни матери,
Нет и малыих деток,
Нету и молодой жены,
Нет ни сродников, ни приятелёв.
Меня Господь возлюбил
И по земле попустил:
Я всякого раба возныма́ю,
Я всякого раба воскуша́ю;
Я где раба застигаю,
Я тут раба воскушаю́:
Хоть во чистыим поле,
Хоть на синиим море,
Хоть в тёмныим лесе,
Хоть при пути при дороги:
Я тут раба и воскуша́ю;
Где тужут-плачут,
Тут мне, Смерти, и праздник».

Сослал Господь по Аникину душу
Двух ангелов, двух архангелов,
И вынули Аникину душу,
Сквозь рёбер-костей,
И не че́стно, не хва́льно, и не ра́душно,
По́садили Аникину душу на копиё,
И вознесли Аникину душу вельмы́ высоко́,
И возры́нули Аникину душу во тьму глубоко́,
В муку вечную, во плящий огонь.
Славен Господи Бог, прославился,
И велика его милость Господня.

64.

Жил-был Оника-воин,
Жил-был не долго,—
Жил триста тридцать единое лето.
И сколько он землей проеждял,
И много он землей разорял,
Божьи домы на дым спущал,
Божество-иконы на ладан.
И говорит он Господу Богу,
И говорит он рець похвальню,
Похвальню рець, Господу̀ противну:
«Кабы дал да мни-ка, Господи,
С небеси во столби колецюшко булатно.
Повернул бы я всю землю на синё небо,
А синё небо на сыру землю,—
На миру бы смерти не было,
И народ бы был весь жив».
Да не полюбились эти реци Господу Богу,
Послал он дви сумоцьки переметны:
Одну сумоцьку он клал против неба,
А другу сумоцьку клал против земли.
И посылал он своих скорых апостолов,
И куды идти Оники, ехати.
И вот поехал Оника-воин,
Поехал цистым полем
Да широкиим раздольем.
И на той пути да на дроженьке
Лежат-то дви сумоцьки переметныи,
И стоят тут люди добрыи.
«Оберите-тко вы, люди добрыи,
Оберите-тко свои сумоцьки переметныи,—
Если я задену ножкой левою,

То негди сумоцек будет искати;
И если я задену ножкой правою,
То негди будет сумоцек искати».—
«Ах ты, Оника пустохвастишко,
Ах ты, Оника пустохвалишко!
Ты ездишь, Оника, похваляешься,
А тебя с дело не выхватыват».
Рассердился Оника-воин,
Задел он за сумоцьку ножкой левою —
И не мог он сумоцьки повыздынуть;
Задел Оника ноженькой правою —
И не мог он сумоцьки повыздынуть.
Соскоцил Оника со добра коня
И принимался во всю силу богатырскую,—
И по колен ушел во матушку во сыру землю,
И не мог он сумоцек повыздынуть.
Рассердился Оника по-сердиному,
И разозлился Оника по-звериному,
И принимался всею силой богатырскою,—
И по пояс ушел во матушку во сыру землю,
И не мог он сумоцек повыздынуть.
И принимался Оника не на шутоцьку,—
И по грудей ушел он во матушку во сыру землю,
И не мог он сумоцек повыздынуть.
И надорвал он свое ретивое сердецюшко,
И со стыдом садился на добра коня,
На добра коня на Обахмата.
И поехал Оника-воин цистым полем,
Широкиим раздольем.
А на той пути на дороженьки
Лежит тут цюдо цюдноё,
Лежит тут диво дивноё:
Руки, ноги лошадиныи,
А голова лежит звериная,
И туша целовецеска.
«Что же ты лежишь, цюдо цюдное?
Али ты цюдилиця есть прецюдная,
Али ты поляк есть, поленской сын[1],
Али ты полениця удалая?» —
«А не цюдо есть я цюдное,
Не цюдилиця есть прецюдная,
Не поляк, не поленской сын,

[1] То же, что поленица, только в форме мужского рода. *(Примеч. ред.)*

Не полениця я есть удалая,
Оника-воин, я есть Смерть скорая,
Скорая есть Смерть, скоропостижная».—
«Ай же ты, душегубка!
У меня есть сабля вострая,
Отмахну же буйну голову!»—
«А не хвастай Оника-воин,
У меня есте шилья вострыя,
И подпилю я у тя жилоцьки».
Замахнулся Оника вострой саблею,—
Во плеци́ рука застоялася,
Никуды рука не сгибалася,
Востра сабля с руки выпала
И цють добра коня не изрезала.
«Ай же ты, Смертка скорая!
Дай мни строку хоть на три годы
Свой живот по церквам рознесть
И золоту казну по нищей братии,
Мне своя душенька наб покаяти».—
«Не дам я теби строку и на три часы,
Твой живот есть неправедной,
Золота казна не заработана,
И твоей души не будет помощи».—
«И дай ты строку хоть на три часы,
Мни-ка свой живот по церквам разнесть,
Золота казна по нищей братии,
И свою душу наб покаяти».—
«Не дам я ти строку на три минуты,
Твой живот есть неправедной,
Золота казна не заработана,
И твоей души не будет помоци».
Зашатался Оника-воин на добри кони,
И упал он на сыру землю,—
И быдто век души не было.

65. ОЖИДАНИЕ СМЕРТИ

Даждь ми, Господи,
О своих грехах поплакати!
И плачу я день и нощь,
Я слезами умываюся.
И плакать мне надобно,
О своих делах покаяться,
Что приходит пора-времечко
Отправляться в путь-дороженьку,

В путь-дорожку незнакомую:
Посланы по меня посланники
От Царя да от небесного,
От Пресвятыя Богородицы.
Я делами не поправная,
У меня ответы не готовые!
Там мыта́рства будут частыя,
По мытарствам князи темные,
Там вопросы будут грозные.
Погляжу я, многогрешная,
На восточную сторонушку,—
Не увижу ли я, грешная,
От дел да малой помощи,
Своего я друга верного,
Я ангела-хранителя,
Повсечасного свидетеля:
Не поможет ли моей беде,
Не попросит ли прощеньица
У Царя да у небесного,
У Пресвятыя Богородицы,
У Пречистой Божией Матери?
Не возьмут ли меня, грешную,
Ко стаду ко избранному,
Ко царствию небесному,
Ко престолу ко Господнему,
Что со всеми со святыми. Аминь.

66. ПЛАЧ ДУШИ ГРЕШНОЙ

Расплачется душа грешная
Перед Спасом-образом,
Растужится тело грешное,
Чаючи себе муку превечную:
«Да как мне, душе, прийти
На страшный суд Божий, на пришествие?
Не поможет душе грешной
Ни имение, ни бога́чество;
Не замена душе грешной
Ни злато, ни се́ребро;
Нет помо́ги душе грешной
Ни дружья, ни братии!
Разве поможет душе грешной
Слезы, покаяние,
Поклоны полуно́чные,

Тиха мирная милостыня!
Тем избавится душа грешная
Злой муки превечной;
Тем наследует душа грешная
Царствие небесное!
Велико имя Господне на земле.

67. СТИХ К ГРЕШНОЙ ДУШЕ О ПОКАЯНИИ

Душа моя прегрешная,
Что не плачешься?
Вспомни, како кратко время
Земной твоей жизни!
Ты плачь, душа, рыдай, грешна,
Тем утешишься!
Не успеешь тогда плакать,
Когда смерть придет.
А по смерти-то твоей
Обличат тебя грехи!
Ты проснись, душа!
Пробудись, грешна!
Не отдайся во плен
В сети дьявола!
Тесным путем, узким
Душу оживишь,
Пространным, прохладным
Душу погубишь.
Скинь одежду греховную
Покаянием!
Не покаешься в грехах своих,
Аду не минуешь,
Сведут грехи в пламень ада
Во кромешную муку!

68. СТИХ О ЗЛЕ

Вечóр я, мои братии,
Во беседушке сидел,
Заутра, мои братки,
Во гроб свой положусь.
Помолитеся, мои братии,
Об моей грешной душе!
Стоит моя душенька
Промежду раю, мýки!

«Ох ты рай, ты мой рай пресветлый!
Что далёко от меня отлишился?» —
«Жила твоя душа на вольном свете
Во зле, во гордости!»
Налита златая чара
Зла, гордости.
Кому будет эту чару расчерпати?
Знать, расчерпати злату чару
Зла, гордости
Моей грешной душе!
Помолитеся, братии,
О моей душе грешной!

69. О СУЕТЕ ЖИЗНИ

Вы приидите, братья, да послушайте писания,
Про житие человеческое писания Божьего!
Когда человек да на земле живет,
Он яко трава в поле растет;
А ум в человеке яко цвет цветет.
Со вечера человек веселился, радовался,
Поутру человек во гробу лежит,
Его резвыя ноги подломилися,
Его белыя руки опустилися,
Не успел прижать ру́ки к ретивому сердцу.
Человече! Почто ради
Твое ме́ршее тело обмывать хотят?
Не обмылся ты слезами перед Господом.
Человече! Почто ради
Ризу на тебя надевать хотят?
Не уготовал себе ризы духовныя.
Человече! Почто ради
Свечи над тобою возжигать хотят?
Не возжег ты светильника у сердца перед Господом.
Человече! Почто ради
Службу над тобою совершить хотят?
Не совершил заповеди Божия.
Человече! Почто ради
Твое ме́ршее тело до Божьей до церкви провождать хотят?
Не имел себе отца духовного,
Во грехах своих не раскаялся.
Слава твоя вся миновалася,
И богатство на земле оставалося,

Душа с белым с телом расставалася,
И ум с головою свет прощается.
И во веки веков, и помилуй нас!

70.

Уж ты, матушка Владычица,
Пресвятая Богородица,
Пресвятая Богородица,
Как нам, грешным, умирать будет!
Распрестрашна смерть у дверей стоит,
Дожидается посланников —
С небес ангелов Господниих —
По ту душу грешную.
Скосила смерть резвы ноженьки,
Белы ручиньки пущаются,
С плеч головушка скатается.
Уста кровью заграждаются,
Душа с телом разлучается:
«Ты прости, тело белое, недостойное,
Не быть тебе, телу, петому,
Не служить тебе погребения,
Отдать тебя псам на съедения.
А мне, душе грешныя,
Идти в три путя-дороженьки,
Непроходимыя, невозвратимыя:
Во перву дороженьку — на суд праведной;
Вторую дороженьку — ко Господу явитися,
Ко престолу поклонитися;
В третью дороженьку — идти в муку вечную,
Идти в муку вечную, бесконечную.
Там огни горят негасимые,
Там котлы кипят нетолимые».

71. ПЛАЧ ДУШИ

Вечор я со другом сидела,
Поутру мое тело водой моют,
Водой моют, во гроб кладут,
Мою душу на суд ведут
Мимо раю пресветлого,
Мимо царства небесного.
Плачет душа грешная,
Плачет она рыдаючи:

«Ох, горе мне великое!
Не заведала я царства небесного,
Заведала я ада кромешного.
Жила я была на вольном свету,
Отца и мать не почитала,
Христа Бога раздражала,
Сотону я спотешала.
Ох, горе мне великое!
Заведала я себе ада кромешного,
Запустили меня — душу, душу грешную,
Во тьму глубокую, во пляшший огонь».

72.

Проложоная дороженька,
Никто по ней не прохаживал.
Тут шли-прошли два ангела,
Провели-то оне душу грешную,
Душу грешную в муку вечную.
Денной ангел проглаголал душе:
«Да и что ты, душа, на белом свете жила,
Как в тюрьме сидела,
Много сыпывала, много гуливала,
Ты бесовских песен много игрывала?
Да и что ты, душа, мимо раю прошла,
Да к нам в рай не зашла,
Иль за спесью, душа, иль за гордостью,
Иль за тленною за одежею?»
Проглаголала душа, душа грешная:
«Сотворёной рай святым,
Да не нам проклятым!» —
«А у нас в раю жить-то весело,
Жить-то весело, да и некому.
У нас-то в раю медяная река,
Медяная река, сахарные берега,
У нас-то в раю купарисны дерева.
На древах-то сидят пташки райския,
Поют оне стихи херувимския,
Стихи херувимския, серафимския».
Повели душу грешную в муку вечную.
Там огни горят негасимые,
Там котлы кипят нетолимые,
Там стоят чаши руды́ налитыя.
Тут душа грешная испугалася,
За ангела хоронялася.

Тут денной ангел проглаголал душе:
«Ты не бойся, душа, не бойся, грешная,
Тебе век здесь вековать, тебе царствовать».

73. ОБ ИСХОДЕ ДУШИ ОТ ТЕЛА

Человек живет на земли, как трава растет,
Всяка слава человеча яко цвет цветет.
В вечеру человек в беседе здрав и весел сидит,
А поутру человек той уже во гробе лежит:
Ясны очи помрачилися, язык замолчал,
Все уды онемели и недвижим весь стал.
Душа с телом расставалась, как птенец со гнездом.
Возлетает и восходит в незнакомый мир,
Оставляет все житейское попечение,
Честь и славу и богатство маловременное,
Забывает отца и мать, и жену, и чад своих,
Переселяется во ин век бесконечный;
Тамо зрит лица и вещи преужасныя,
Добрых ангел и воздушных духи темные.
Вопрошают душу ангели об делах ея,
Не дают ей ни малейшего послабления:
«Ты куда, душе, быстро течешь путем своим?
Ты должна здесь во делах своих оправдатися.
Вспомни, как на оном свете во грехах жила,—
Здесь грехами твоими, как сетьми, свяжут тя».
Встрепетавши же, тут душа вскричала жалостно:
«Вы помилуйте, помилуйте вы, добрии ангели,
Не отдайте мя, несчастную, в руки злых духов,
Но ведите мя ко Господу милосердому,
Я при смерти в делах своих покаялась,
В коих волен, милосердый Бог простит меня.
Вы же что, мои друзи, ближнии сродницы,
Остояще гроб и тело лобызаете?
Вы почто меня водою омываете,
Не омывшегося слезами перед Господом?
Вы почто меня в ризы светлыя облачаете,
Не облекшегося в ризы брачныя?
Вы почто свещи надо мною возжигаете,
Не возжег бо я светильника душевного?
Вы почто псалмы и песни воспеваете,
Не воспел бо я в животе своем песни духовныя?
Но прошу от вас последнего послушания:
Вы раздайте мое имение нищим странником,

Их молитвы и слезы теплыя Бог послушает
И подаст для их прощение грехом моим.
Зато сами вы от Господа услышите:
«Приидите, благословении отца моего,
Вы наследуйте уготованное вам царствие
Со избранными святыми, мне послужившими».
Аминь.

74. СТИХ О ГРЕШНОЙ ДУШЕ

Жила была душа грешная
На вольныем свете;
Злилася, сердилася,
Бранилася, зло творила;
Умерла да и не простилася.
Ссылает Господь с небес грозных ангелов:
Вынули душу грешную,
Понесли душу грешную
Да по воздуху по небесному.
Принесли душу грешную
Ко лестнице ко небесной.
На первую ступень ступила,
И вот встретили душу грешную
Полтораста врагов;
На другую ступень ступила —
Вот и двести врагов;
Вот на третью ступень ступила —
Вот две тысячи врагов возрадова́лися:
«Ты была наша потешница!
Ты была наша наставщица!»
Вот несут они письма да раскатывают,
Да раскатывают, все грехи рассказывают.
Вот к душе грешной
Окаянны приближаются.
А тут душа испугалася,
За ангела бросалася,
За правое его крылушко.
Велел Господь Бог
Совервить душу грешную.
Совервили душу грешную,
Засадили душу грешную
Во тьму во кромешную.
Изошла же душа грешная
Всеё злую муку превечную.

Не нашла душа грешная
Ни ложки воды, ни капли росы.
Вот как душа грешная да расплакалася:
«Легче бы я, душа грешная,
На вольном свете
Сто бы я лет в огне прогорела,
Тысячу бы лет на колу щекой провисела,—
И то бы я себе конец ждала».

75. О ГРЕШНОЙ РАБЕ И ОБ ЕЕ ПРАВЕДНОЙ ДОЧЕРИ

Жила была раба на вольном свету,
Много была грешница.
Была у ней дочь на возрóщае,
Была в скорби, в болезниях.
И мать ее ублажняет:
«Чадо ты мое, чадо!
Чадо ты мое смиренное!
Собираешься ты на тот свет,
Помоли ты, попроси у Господа Бога
Обо мне, об грешнице!
Много я перед Господом согрешила».
Посылает Господи по душу ее
Ангелов Господниих.
Из девицы душу вынимали,
На пелену душеньку клали,
Понесли же душеньку
Ко Господу Богу.
Господи душеньку встречает,
Златой ризой оболокает,
Злат венец на главу ей надевает:
«Подь ты, дéвица, честная и благочестивая,
И не сонливая, и не дремливая!»
И стала она Господа Бога просити:
«Не позволишь ли ты мне, Господи,
По раям походити,
По адам посмотрети?» —
«Все я это могу сделать
Для твоего моленья,
Для твоего прощенья».
Посылает он с ней ангела Господня:
«Ангелы Господни, поведите вы эту душу
По раям посмотрети,
По адам поглядети!»

По раям она посмотрела,
П адам она поглядела —
Увидала она свою мати
В муке вечной, в аду кромешном.
Пришла же она ко Господу Богу,
Стала она Господа Бога просити:
«Господи, Господи! Не можно ли, Господи,
Мою мати аду избавити?» —
«Все я это, де́вица, могу сделати,
Твою мать из ада выпускати,
Для твоего моления, для твоего прошения».
Посылает же Господи ангелов Господних:
«Выпускайте душу грешную из ада кромешного,
Для ее моления, для ее прошения!»
Душу ее выпускали, пользу душе делали.

76. СТИХ ПРО ДУШУ ВЕЛИКОЙ ГРЕШНИЦЫ

По морю по синему по Хвалынскому
Тут и шли-пробегали через корабли.
Во этых кораблях святые ангелы сидят.
На стречу им сам Иисус Христос, сам Небесный Царь.
Стал он в ангелах выспрашивать и выспытывать:
«Святые ангели, архангели, где вы хаживали, где гуливали,
Что слышивали, что виживали?» —
«Сам Иисус Христос, сам Небесный Царь!
Мы хаживали на вольном на свету,
Много слышали, много видели,
Как душа с белым телом расставалася.
Расставши душа, сама прочь пошла,
И, отошедши, душа возворотилася,
Со своим с белым телом попростилася:
«Ты прости, тело белое мое,
Прости беззаконие мое.
Ты пойдешь, тело, во сыру землю,
Червам тело на́ источение,
Вы, кости, земле на предание,
А я, душа, к самому Христу на спокаяние».
На стречу души сам Иисус Христос:
«Почему же ты, душа, грехи угадываешь?» —
«Потому я, душа, грехи угадываю,
Что я жила на вольном на свету,
Середы и пятницы не пащивалась,

Великого говленья не гавливалась,
Заутрени, вечерни просыпывала я,
В воскресный день обедни прогуливала.
В полюшках душа много хаживала,
Не по-праведну землю разделивала:
Я межку через межу перекладывала,
С чужой нивы земли украдывала.
В эвтих во грехах Богу не каялась
И отцу духовному не сказывала,
Бескорыстный грех себе получивала.
Еще душа Богу согрешила:
Не по-праведну покосы я разделивала,—
Вешку на вешку позатаркивала,
Чужую полосу позакашивала.
В эвтих во грехах Богу не каялась.
Еще душа Богу согрешила:
В соломах я заломы заламывала,
Со всякого хлеба спор отнимывала.
В эвтих во грехах Богу не каялась.
Еще душа Богу согрешила:
Я в полях, душа, много хаживала,
Проворы в полях пораскладывала,
Скотину в поле понапущивала,
Суседний хлеб повыстравливала,
Я добрых людей оголаживала.
В эвтих во грехах Богу не каялась.
Еще душа согрешила:
Из коровушек молоки я выкликивала,
Во сырое коренье я выдаивала.
В эвтих во грехах Богу не каялась.
Еще душа богу согрешила:
Смалешеньку дитя своего проклинывала,
Во белых во грудях его и засыпывала,
Во утробы младенца запорчивала.
В эвтих во грехах Богу не каялась
Еще душа Богу согрешила:
Мужа с женой я поразваживала,
Золотые венцы поразлучивала.
В эвтих во грехах Богу не каялась.
По улицам душа много хаживала,
По подоконью душа много слушивала,
Хоть не слышала, скажу — слышала,
Хоть не видела, скажу — видела.
В эвтих во грехах Богу не каялась.
По свадьбам душа много хаживала,

Свадьбы зверьями оборачивала.
В эвтих во грехах Богу не каялась.
По игрищам душа много хаживала,
Под всякия игры много плясывала,
Самого сатану воспотешивала.
В эвтих во грехах Богу не каялась.
Напилася душа зеленого вина,
От зеленого вина душа пьяна была.
Померла эта душа без покаянья,
Без того ли без попа без духовного.
Провалилася душа в преисподний ад,
Век мучиться душе и не отмучиться
За свое согрешение,
За свое великое беззаконие».

77. СТИХ ПРО БЛУДНИЦУ

Читал батюшка, поп-священник, отец духовный,
А читает книгу зирцовую.
Ён увидел свою матерю родимую
На втором на суде, на пришествии:
Будто его матерь родимая оковами истерзана,
По руки и по ноги а и теми железами огненными,
Сидит на змее на страшном, на лютом, на вогненном.
Видя сын сон, извещается,
Прочь от грешницы утекается, от матери от родимыя.
«Чадо мое любезное!
Чего, видя, сын, сон, извещаешься,
Прочь от грешницы истекаешься, от матери от родимой?
Не доставлю тебе муки вечныя».
А глаголит сын своей матери:
«Мати моя родимая!
Чего ради скована, спутана по руку и по ногу
Ты железами лютыми вогненными?
Сидишь на змее на страшном, на лютом, на вогненном?»
А молвит мать своему сыну:
«Чадо мое любезное!
Охоча я была, многогрешница, на беле свете,—
По скверным беседам я хаживала,
Не во Христе слово глаголивала,
Со всяким целовалася, обнималася
Ради мирского сомущения, ради телесного пригваждения,
Ради многих моих прилучников».—
«Мати моя родимая!
С чего ўкруг твоей головки буйныя

Обвиваются мелкие скурапеи огненны,
Сосут твою главу буйную,
Выпивают мозг из буйной головы?»
Глаголит мать своему сыну:
«Чадо мое любезное!
Охоча я была, многогрешница, на беле свете,—
Носила кокошнички златы и серебряны
Ради мирского сомущения, ради телесного пригваждения,
Ради многих моих прилучников».
А глаголит сын своей матери:
«Мати моя родимая!
Чего ради округ твоей шеи белыя
Увиваются мелки скуропеи люты вогненны?
Сосут твои груди белыя,
Высасывают твою кровь горючую?»
А глаголит мать своему сыну:
«Чадо мое любезное!
Охоча я была, многогрешница, на беле свете,—
Носила жерелья, цепочки златы, сребряны
И каменья земчужные, драгоценные
Ради мирского сомущения, ради телесного пригваждения,
Ради многих моих прилучников».
А глаголит сын своей матери:
«О мати моя родимая!
Чего ради в твоих ушах услышинных
Две мышицы люты вогненные
Сосут твои уши слышанныя,
Спомрачают ум в буйной голове?»
А глаголит мать своему сыну:
«О чадо мое любезное!
Охоча я была, многогрешница, на беле свете,—
Носила серьги златы, сребрены
Ради мирского сомущения, ради телесного пригваждения,
Ради многих моих прилучников».
А глаголит своей матери:
«О мати моя родимая!
Чего ради ўкруг твоих пальцев белыих
Увиваются скоропеи люты огненны.
Сосут твои пальцы белыя,
Высасывают кровь горючую?»
А глаголит мать своему сыну:
«О чадо мое любезное!
Охочая я была, многогрешница, на беле свете,—
Носила кольца, перстни златы, серебряны
Ради мирского сомущения, ради телесного пригваждения,

Ради многих моих прилучников».
А глаголит сын своей матери:
«Мати моя родимая!
Чего ради впереди тебя стоят
Два дьявола вражия, люты огненны
С каменьями со стреляющими?
Бьют, мать, по губам, по зубам по твоим?»
А глаголит мать своему сыну:
«О чадо мое любезное!
Охоча я была, многогрешница, на беле свете,—
По скверным беседам я захивала,
Не во Христе я слово глаголила,
Со всякими я целовалася, обнималася
Ради мирского сомущения, ради телесного пригваждения,
Ради многих моих прилучников».
А глаголит сын своей матери:
«О мати моя родимая!
Чего ради позади тебя стоят
Два демона люты огненны
С крючьями со железными,
Терзают, мать, твое тело белое?»
А глаголит мать своему сыну:
«О чадо мое любезное!
Говаривала я своему мужу, твоему отцу,—
Покупал бы мне платья самоцветные,
Снаряжал бы мене, многогрешницу, на беле свете
Ради мирского сомущения, ради телесного пригваждения,
Ради многих мо́их прилучников».
А глаголит сын своей матери:
«О мати моя родимая!
Ходила ли ты к отцу духовному,
Каялась ли ты в тех грехах во тяжкия?
Принимала ли ты кровь Христову — причастие
Во своем ли ты очищении, во чистом ли своем во платию?»
А глаголит мать своему сыну:
«О чадо мое любезное!
Хотя ходила к отцу ко духовному,
Хотя каялась в этих грехах ў тяжкиих,
Принимала кровь Христову — причастие
Не в своем ли я очищении, не в чистом своем я платьи».
А глаголит сын своей матери:
«Мати моя родимая!
Помолю я, попрошу Господа Бога вышнего
И Матери Пречистыя Богородицы об матери об родимыя,—
Не дойдет ли моя молитва до Господа Бога вышнего

И до Матери Пресвятой Богородицы».
А глаголит мать своему сыну:
«О чадо мое любезное!
Ни впросить, ни вмолить тебе óбо мне, многогрешнице,
Об матери себе родимыя.
Согрешила я, многогрешница, на беле свете,
Поругала я й отца, матерю, свой род весь, племя,—
Много венцов я разлучивала,
На чужую сторону я проваживала
Ради мирского сомущения, ради телесного пригваждения,
Ради многих своих прилучников».
Выслушал Господь слова несчатливыя,
Сослал Господь с небес двух ангелов, двух архангелов
Со прутьями со железными.
Погнали грешницу в тартарары,
В тартарары и скрозь преисподнию земли,
Засыпали перси люты огненны,
Чтобы не слыхать зыку-крику самому Христу,
Самому Христу, Царю небесному.
Чернец Яков от сну пробуждается.
Много чудес в народе является.
Народ, видя страсть, не спокоится.
Кабы сам Господь и прославися!
Велико имя Господне. Аминь.

78. СЛОВО О МУКАХ, ЗАПОВЕДАННЫХ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ АРХАНГЕЛОМ МИХАИЛОМ

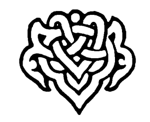
И рече Пресвятая Богородица Михаилу архангелу:
«Поведи мя, где мнози народи мучатся».
И приведе я Михаил архангел ко древу железному —
И тут мнози народи мучатся[1].
Отвеща ей Михаил архангел:
«Сии люди были неправедны и криво судили —
Правого винили, а виноватого правили».
И рече Пресвятая Богородица:
«Поведи мя ко иной муке».
И приведе я Михаил архангел к реке ко огненной
От востока и до запада.
Тут многи народы мучатся,
Стоя посреди огня по колена,—

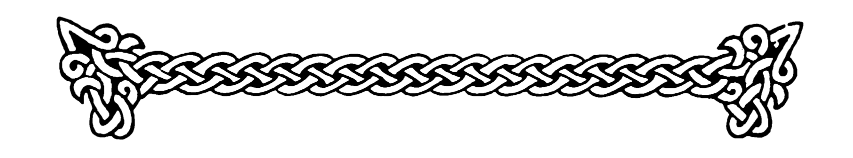
---

[1] Здесь пропущено описание мýки и вопрос Пресвятой Богородицы. *(Примеч. собирателя.)*

То есть: дети отцев и матерей не почитали.
Стоят по пояс в огне,—
То есть: блуд девицы с отроками
И мужи с чужими женами,
А жены с чужими мужьями.
Стоят по груди в огне,—
То есть: отцы своих детей учили браниться,
За то они стояще вопияху неутешимо.
А иные стоят по горло в воде,—
То есть: отцев своих духовных бранили и не почитали,
За то они и мучатся.
И рече Пресвятая Богородица:
«Приведи мя ко иной муке».
Приведе я Михаил Архангел
К большой реке и тяжкой,
В ней вопль стоит великий.
И рече Пресвятая Богородица:
«Сии люди от каких дел в муках мучатся?»
Отвеща ей Михаил архангел:
«Поста не имели,
Среду и пяток не постилися,
Отца духовного не имели,
Тела и крови Христовой не принимали,
За то они и мучатся».
И рече Пресвятая Богородица:
«Приведи мя ко иной муке».
И приведе я Михаил архангел к реке ко огненной,
И тут мнози народи мучатся,
Аки в белых ризах.
То были митрополиты и епископы,
И прочих священных и монашеских чинов,
За что они мучатся:
Видя свет, а во тьму идут,
Заповедем Господним не радѝли,
Детей своих духовных бранили и не почитали,
За то они и мучатся,—
Оставили свет, а тьму возлюбили,
Тем себе царство небесное затворили.
О, горе умеющему грамоте!
Устами своими чтут,
А на сердце зло мыслят!
И рече Пресвятая Богородица:
«Поведи мя, Михаил архангел, ко змиям лютым».
Зубами они скрежещут тело человеческое.
И спроси Пресвятая Богородица:

«О каких грехах сии мучатся?»
Отвеща Михаил архангел:
«Милости не творили
Сиротам, вдовицам
И странных в дом не пускали,
И в темницах сидящих не посещали —
За то они и мучатся».
И рече Пресвятая Богородица:
«Поведи мя ко иной муце».
И приведе я Михаил архангел к реке ко огненной,
И тут мнози народи мучатся.
И спроси Пресвятая Богородица:
«Сии люди о каких делах мучатся?»
Отвеща ей Михаил архангел:
«То были цари и князи,
Напрасно и безвинно рабов своих мучили —
За то они и мучатся».
  И прослезилась Пресвятая Богородица,
Видя, как множество народа мучатся:
Се, горе ворам и разбойникам,
И скоморохам, и плясунам,
И тем, кои смущают к играм и игрищам,
И кто смущает бесовским песням и игрищам,—
Те приемут от меня смерть горькую,
И труд их будет не милостив!»





КОНЧИНА МИРА, СТРАШНЫЙ СУД

79. ПЕРЕД ВТОРЫМ ПРИШЕСТВИЕМ ХРИСТА

Во время оно взойдет Господь на гору Елеонскую
С ученикы своими и речет Господь им:
«Аз отхожу от вас на небо,
Адама воздвигну с собою,
Неже с ним Господь».
Глаголет ему Петр-апостол:
«Господи, поведай нам,
Когда будет кончина века сего
И пришествие твое на землю?»
Отвещает ему Господь и речет:
«Тогда будет кончина века сего
И пришествие мое на землю,
Когда будет мерзость
И запустение велие в человецех,
Ненависть в роде сем,
Друг другу завидовать начнут,
А брат брата возненавидит,
Восстанет отец на сына и сын на отца,
Изничет нож свой
И скует брат на брата копье,
А ближайший на ближайшего уготовит стрелы,
Посмеются работные слободным,
А живые мертвым позавидуют,
Начнут гнушаться и стыдиться
Родители чад своих,
Научители их будут неправедные,
Лицемерные, мерзкие, запойцы, черноризцы,
Их же будучи злобники, сквернословцы,
Князья будут немилостивы,
Восплачутся сироты и вдовицы.
Сотворю вам небо медное, а землю железную,
Небо не даст росы своей, а земля запустеет.
Тако глаголет пророк Давид:

Сожжу древеса масличныя,
Поля ваши не сотворят еды,
Аще кто сеет жито в сто мер,
Соберет во едино;
Будут глады в странах ваших.
Наведу на землю вашу птиц,
И те поедят остатки плодов;
Людей гладом поморю,
А жене в ограде оружием погибнуть».
Тако глаголет Господь:
«Пошлю вас из страны вашей,
Покажу вам земли,
Поставлю от моря страшения велики.
Пошлю от Черного моря страшных зверей,
Главы у них человечьи, а власы до земли,
И те поедят скоты ваши и поля ваши.
Не у́зрите скоты ваши,
Пасущие на горах наро́стливых,
Волы ваши ярма свои не понесут,
Дома ваши, красныя палаты все запустеют,
Возрастет на них трава, терель и волжец,
Нови родят белые (?)
Наведу на землю вашу гады,
Страшных зверей, аспиды и скорпию
И те поедят землицу вашу.
И еще пошлю на вас птицы и мухи,
И те начнут есть плоть вашу и пить кровь вашу,
Ядят и истерзают землицу вашу.
Младенцам вашим будут горькие рыдания;
Единому легко будет мертвому и нерожденному.
Погублю рабов и будет птица перящая по воздуху;
Зверей в лесах не будет,
Будет вся земля пуста, якож вдова,
Потому что не сотворит плода.
Древеса ваши и реки
Иссушу оком солнечным,
Болота возгорятся огнем,
На облацех державы не будет,
Не обмочится нога ваша от росы небесной.
Горе слышащим!
От глада почернеет плоть ваша.
Не имайте много ценной ризы,—
На путех будет лежать,
Никомуждо будет их имать.
Красота ваша девичья

Ни во что будет,
Ни взыщут жениха, ни муж жены своей.
Восстанут дщери супротив матери своей,
А мать предаст дщери свои на любодеяние.
Будут знамения в солнце, луне, звездах!
Туго будет языку попечением.
Тогда насладится жена — плоть человечья.
Чада съедят родителей своих,
А родители — чад своих,
Дондеже наполнится земля беззаконием своим.
Свет оставили, а тьму возлюбили.
Много лет в пустоте прожили,
В едении, пьянстве, посмешении, песнях бесовских.
Не есть места, где будут мертвецы,
Не будет погребающих плоть вашу,
Не заступятся люди за своих, ни люди за царя,
Не поможет отец сыну, ни сын отцу».

80. НАДО ПОКАЯТЬСЯ И ОЧИСТИТЬСЯ

Пречудная Царица Богородица!
Услыши молитвы грешных раб своих,
Призри наши слезы горючия,
Не лиши нас царства небесного,
Избави нас от муки превечной!
Земля мать сырая!
Всем, земля, ты нам отец и мать.
Гробы, колоды дубовыя,
То нам, грешным, домá вековечные.
Черви, вы черви неусыпляющие!
То всякому человеку встреча первая,
Злая мука, зла превечная!
Не нас ради грешных мука сотвóрена,
Сотворенá мука ради сатаны и ради дьявола,
И ради человека многогрешного.
Сего же человече не рассудит себе:
Жить на сем свете — умереть будет,
Великому богáчеству
На земле будет остатися.
Молением мы от смерти не отмолимся,
Слезами от смерти не отплачемся,
Казною мы от смерти не откупимся.
Смерть будет непосыльная,—
Не емлет она много злата-серебра.

Пора же вам, человече, покаяться,
На истинную путь возвратитися,
Призвать к себе отца духовного,
Дать отпущение своим злым грехам
И все свои тайныя дела исповедовати.
Воззрим на образ Создателя,
Прольем мы слезы горючия,
Перед Богом стоя мы, перед Создателем!
Создатель человеков любит людей с милостию,
Приемлет рыдание слезное.
Коли хочешь ты, человече,
Наследовать царство небесное,
И ты отрекися от мира от прелестного,
Изыди во пу́стыни дальния.
Постригися, человече, в ризу черную,
Призывай Бога на́ помочь.
Или ты хочешь, человече,
Претерпеть суеты до конца,—
И ты же будешь наследник
Царствия небесного.
Не лжет Божественное писание на сем свету.
  Век ваш, человече, скончавается,
Страшен суд к нам готовится:
Престол господень на землю поставляется,
На престоле книги полагаются,
Святым Духом книга разгибается,
Все тайныя, злыя дела к нам являются.
Нельзя нам, грешным,
От своих злых дел
Отпереться будет,
Ни с памятью нам, ни без памяти.
  Яко душа с телом расставается,
Ум с главою распрощается,
Лепота вся в лице изменяется,
Резвыя нози подгибаются,
Белыя руци опускаются,
Ясные очи помрачаются,
Любовные дру́зи все на земле оставаются,
Купля и продажа вся минуется.
День к вечеру вечеря́ется,
Последний час к нам приближается,
Идет же солнушко ко западу.
Секира лежит близко к корню дерева.
Уже нашему житию, братья, конец идет,
Приходит к нам время́ последнее.

Горе нам, человекам, умереть без покаяния!
Будет к нам смерть немилостивая:
Возьмут душу грозные ангелы,
Пронесут много мытарства,
В царство небесное,
Грешным покажут муку вечную,
Потом покажут слезы,
Плач неуте́шимый.
Показавши, посадят в место темное
До страшного до второго до Христова пришествия.
В то время во последнее.
И будут пророки всё лживые.
Будет же царство антихристово,
Царствовать ему на земле тридцать лет.
Тридцать лет Господь обратит яко в три года,
Три года Господи обратит яко в три месяца,
Три месяца Господи обратит яко в три часа,
Три часа Господи обратит яко оком мигнуть.
Тогда наполнится вся земля
Людьми грешными, беззаконными.
Пойдет по земле злой антихрист-враг.
Тогда сам Господь о грешных сожалуется:
Сошлет пророков нелживыих.
Во пришествие сойдут пророки Божие,
Сойдет Илья Божий пророк и Онов Божий пророк
Начнут пророки пророчествовати,
Со праведными глаголы глаголовати:
«Не предавайтеся вы, братья, в пагубу
Ко злому к врагу ко антихристу,—
Антихрист душам вашим пагуба,
Погубит он ваши души многия християнския».
Тогда злой антихрист
Сотворит своего угодника,
Велит он побить пророков Божиих.
Отступят от них святые ангелы,
Приступят к ним всё бесы темные,
Побьют они Илью Божьего пророка.
Разольется их кровь пророческая,
Разольется кро́вь по всей земле.
Сошлет Господь грозных ангелов,
Ангелы с небес слетят,
Во утробе огня снесут,
Зажгут землю со четырех сторон,
И выгорит земля на тридевять локо́ть
За наше великое согрешение.

За наше великое беззаконие.
Будет земля-то аки хартия,
Чистая дева-отроковица,
Нескверная, непорочная.
С небес сойдут святые ангелы,
С небес снесут престол господень,
Поставят во дому во Давыдовом.
Возле престола господнего
Протечет река огненная
От востока и до запада,—
Пламя происходит от земли до небес.
С небес сойдет сам Иисус Христос
На светоносном облаце,
И сядет Господи на престоле своем
Да и будет живых судить и мертвых.
С небес сойдет Михаил с архангелами,
Вострубит во свою златую трубу —
Гласы пойдут по всей земле.
Мертвые из гробов восстанут,
Пойдут во суд они ко Господу.
Праведные пойдут по праву руку,
А грешные пойдут по левую.
Приходят они к реке огненной.
Сошлет Господь святых ангелов,
Ангелы возьмут души за правую за руцу,
Переводят через реку огненную
На праведный суд ко Господу.
А грешные все останутся,
Плачучи, возрыдаючи,
К сырóй земле припадáючи.
Грешные взвóпят и взмолятся:
«Святой Михаил со архангелами!
Перьведи ты нас через реку огненную
На праведный суд ко Господу!
Лицё наше палит рекой огненной,
Еще страшней и реки огненной,—
Приближается к нам мука вечная,
Мучиться в муке нам несть конца!»
Праведным душам будет светлый рай,
А грешным всем будет мука вечная.
Праведные воссияют яко солнушко,
Радуючи, возвеселючи,
Сами воспоют гласы ангельски.
Богу нашему слава
Отныне и до века веков, аминь!

81. О НЫНЕШНЕМ ВЕКЕ И БУДУЩЕМ

Преподобного отца нашего
Писано слово Божие
Об нынешнем веце, об будущем,
Об страшном втором
Христовом пришествии
И об антихристовом рождении.
И ныне, душа, воспокайся,
И ныне, душа, умилися,
И ныне, душа, возвратися,
И ныне, душа, расплачься
Прежде прихóда страшных ангелов!
Тогда небо и земля потрясется,
И кáмения все распадýтся,
Месяц и солнце преумеркнет,
Луна кровию претворится,
Тогда же небеса все раздерутся,
От небес моря́ возмутя́тся,
От морёв ре́ки все убоятся,
От рек ключи-источники все преиссякнут.
Тогда с небес сойдет госпожа
Всепетая Богородица,
И сойдет страшный судия,
Сам Иисус Христос.
Повелит Господи всем ангелам,
Всем ангелам, всем архангелам
Вострубить в трубу небесную,
В небесную, в духовную.
От той от трубы от небесной,
От небесной, от духовной
Услышат святые святители,
Пророцы и мученики;
Восстанут рабы питающие,
Восстанут рабы труждающие,
Восстанут все души праведныя.
По ошую сторону
Восстанут многогрешные.
От востоку и до западу, погибающие.
Руцá óб руцу пойдут на суд ко Господу,
На страшное на второе на пришествие,—
Пребудут они все во единый возраст.
И возмолятся рабы питающие,
И возмолят рабы труждающие,
И возмолят души праведные.

И обратится Господи на десную сторону́
И пророчет им Господи:
«Аминь, аминь, глаголю вам:
Подите, мои труждающие,
Подите, мои питающие,
Подите, друзи, сестры и братие!
Когда вы жили на вольном свету́,
Тогда вы меня, гладного, воскормисте,
Жаждущего воспоисте,
Тогда вы меня на́гого приодесте;
В горах, в вертепах, в пу́стынях
Вы меня, Бога, нахожда́ли,
Во темных во темницах
Вы меня, Бога, просвещали.
За ваше великое милосердие,
За ваше премногое моление
Готово вам есть царство небесное,
Готова вам пища райская,
Одежда во веки неизносимая
И птица райская
Во веки вам на утешение!»
И обратится Господи ко схимницем,
Ко схимницем, к пустынницем:
«О вы, схимници, пустынницы Отца моего,
Бога Саваофа, Отца благословенного!
Скитались вы в горах, в вертепах, во пу́стынях,
Все ради меня, ради Господа;
Вы всякие нужды принимали
От человека неподобного,
Все ради меня, ради Господа;
Закупали вы пищу райскую,
Ели гнилую колоду,
А пили болотную воду,
Все ради меня, ради Господа.
За ваше великое претерпение,
За ваше великое пострадание
Готово вам царство небесное,
Готова вам пища райская,
Одежда во веки неизносимая
И птица райская
Во век на утешение!»
И обратится Господи на ошую сторону
К человекам многогрешныим, погибающим:
«Аминь, аминь, глаголю вам:
Отъидите от меня прочь, проклятые,

Отъидите во огнь вечный.
Уготовали вы дьяволу и аггелу его!
Тогда вы, грешные,
Когда жили на вольном свету́,
Вы меня, гладного, не накормисте,
Жаждуща не напоисте,
Вы меня, на́гого, не одесте;
В горах, в вертепах, во пу́стынях
Вы меня не нахождали;
Во темных темницах
Вы меня, Господа, не просвещали;
Дьявольския помышления
Вы завсегда помышляли,
Вы в гусли, во свирели играли,
Скакали, плясали
Все ради его, ради дьявола!
За ваше великое согрешение,
За премногое беззаконие
Готова вам есть мука вечная,
Огонь-пламень неугасимый
И место темное, и черви лютые,
И пропасть подземельная,
Все ради его, ради дьявола!»
Возмолятся человеча многогрешные
Со грехами своими с погибающими
К Госпоже ко Владычице Богородице:
«О всепетая Госпожа,
Владычица Богородица!
Помолись о нас многогрешныих
Своему сыну, Христу Богу небесному,
Чтобы он до нас был милостив,
Не послал нас во злыя муки в лютыя,
Презлыя муки, превечныя,
Во та́ртары преиспо́денные!»
Возмолится Госпожа всепетая
Владычица Богородица:
«О Святый дух, пресладкий,
Мой сыне Иисус Христос, Царь небесный свет!
Воспомилуй такова народа,
Многогрешного, погибающего,
Таковыя злыя муки, все ради меня!»
Речет Господь ко матери ко своей:
«Аминь, аминь, глаголю тебе,—
Разве ты хочешь видеть меня
Во вторые, Бога, на распятии

Все ради их проклятыих?
Воспомилую такого народа,
Многогрешного, погибающего,
От таковыя злыя муки, все ради тебя!»
Расплачется всепетая Госпожа,
Владычица Богородица:
«О Святый Дух, пресладкий
Мой сын Исус Христос, Царь небесный свет!
Не могу я тебя во второй раз видети
Все ради их проклятых!»
Повелит Господь ударить яко скипетром,
Возвяжутся человечи многогрешницы,
Многи́ человеча ру́ка о́б руку,—
Еретник с еретником, клеветник с клеветником,
Двуязычник с двуязычником, ненавистник с ненавистником,
Блудник с блудником, пьяница с пьяницей.
От востока солнца до западу
Протечет река Сион огненная,
Протечет она, яко гром прогремит.
Тогда ангелы, архангелы преустра́шатся,
Херувимы, серафимы преужа́снутся,
И вся сила небесная
Вострепещется, восколеблется.
Понесет сия река огненная
Человека многогрешного
По мукам по разноличным,
Где которому человеку
По делам будет мученье.
Повелит Господь всем ангелам, архангелам
Брега́ со места содвигнути,
Повелит Господи перстьем засы́пати,
Святым духа́м замуравити,
Чтоб от грешных было не слышати
Ни зыку, ни крику, ни рыдания
Госпоже Богородице
И ныне, и присно,
Во веки веков, аминь.

82. О СТРАШНОМ СУДЕ

Полетите, полетите, Петры-Павлы,
Апостольские богомольцы,
Кирилловские чудотворцы,
К самому ко Христу на небеса,

Вы несите ключи золотые,
Отпирайте раи вековые,
Выбирайте душенек грешных.
Нет душеньке той да спасенья,
Коя душа согрешила:
Младенца в утробе потребила.
Тут же течет река огненна́я,
Течет со востоку на запад.
  Козьма-Дамьян со апостолом,
Архангел Михаил со ангелом,
Вышел Михаил на Сион круту го́ру,
Вострубил он в трубу золотую,
Возбудил он всех живых и всех мертвых:
«Воставайте, живые и все мертвые!
Праведныя души ко Господу лицом,
Грешныя души ко у́паду лицом,
Станет судить вас Христос истинный:
Ах вы, грешныя душеньки!
Что же вы жили на белом-то свету,
Жили, все свою волю творили,
Ко Божией ко церкви не ходили,
Меня, Христа, не величали,
Господнее служение не слыхали,
Воскресную заутреню просыпали,
Небесное служение просыпали,
Воскресную обедню проедали,
Меня, Христа, прогневили;
У коровушек удойчик отнимали,
Из квашни спорынью доставали,—
Нет этой душеньке спасенья.
Босого меня не обували,
Нагого меня не одевали,
От темныя ночи не предохраняли,—
Подьте вы в пропасти земляныя,
По вас двери полы-растворёны
И смола-огонь припасены».—
«Увы, ты Господи наш милосердый,
Прости нас, Господи, грешных!
Были на вольном мы свете,
Сами себя утешали,
Душу свою наслаждали,
Ко Господу Богу не угождали,
Нищую братию не уважали...»
Перевозят, перевозят души грешныя.
  Принесли ко Господу души праведны:

«Ах вы, милые люди!
Жили на вольном вы свете,
В темну темницу подавали,
Меня, Христа, величали,
Воскресну́ заутреню не просыпали,
Воскресну обедню не проедали,
Господу Богу вы угождали:
Нагого, босого одевали,
От темныя ночи сохраняли,
Темну темницу посещали.
Ах вы, мои любимые дети!
Жили вы на вольном-то свете,
Жили, мою волю творили,
Самого Господа Бога любили,
Божье читанье предлагали,
Из квашни спорыньи не доставали,
От коровушки удоя не отымали,
Большие дни почитали,—
Ко Господу Богу приходите».

83.

Господь грядет в полунощи, жених идет со славою,
Со ангелы-архангелы прославити святых своих,
А грешником комуждо их воздати им мучение.
Егда снидут архангели по Божию велению,
Ужасно они возгласят и грозно тогда вострубят.
Егда трубы возопиют и мертвые вся воззовут,
Небеса тогда ужаснутся и земля-та вся вострепещет,
Тогда вся тварь устрашится, концы земли содрогнутся,
Прекрасное солнце лучи своя сокрыет вся,
Луна тогда пресветлая престанет от течения,
Звезды тогда небесныя вси купно испа́дают,
Тогда вся тварь колеблема и сжигаема раста́ются.
Егда с небес подвигнутся вси ангели-архангели,
Велит Господь поставити престол его среди земли.
Егда сядет на престоле святыя славы своея,
Тогда ему поклонятся вся племена земная,
Судить будет племена вся грешная судом своим праведным.
Тогда осудятся все грешнии, отъидут вси со диаволом.
Ко грешником рече Господь: «Идите вы, проклятии,
В огнь вечный бесконечный, на вечное мучение».
Тогда рекут вси грешнии: «Кто нас и́змет от мучения?

Уже нет нам ныне милости от всех творца-создателя,
Никто же нас не помилует, но идем мы во тьму
кромешнюю.
На нас Господь прогневался, лице свое отвратил
от нас;
К кому ныне прибегнем мы и кому печаль поведаем,
Кроме тебе, создатель мой? Прости ты нас во всех
грехах!
Уже мы многогрешние, всему миру прелестные,
О коль мы, окаяние, иже всем грехам повинные,
Во всех грехах тебе каемся, прости ты нас, небесной
Царь,
Владыко Царю нéбесный, прости ты нас во всех грехах!»
Тогда речет Царь страшный к беззаконником:
«Вам несть ныне прощения и никакого милосердия
И несть вам прощения, ни грехом вашим отпущения;
Ни слез ваших приемлю, ни плача, ни рыдания,
Ни сердечного от персей ваших воздыхания;
И несть вам покаяния, от злых мук свобождения,—
Умильного моления никогда же слышах от уст ваших.
Идите вы, проклятии, во огнь вечный со диаволом».
Речет Господь ко праведным: «Идите вы в радость
вечную
Со ангелы-архангелы, наслéдите жизнь вечную,
Во вечное веселие, во царствие небесное».

84. БОГОРОДИЦА ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

Было добро, да миновалося,
Будет добро, того долго ждать.
И речет Пресвятая Богородица,
Святая жена милосердая:
«Рабы де вы мои христолюбивые!
Поимейте веру христианскую,
И верою, и любовию
Поимейте друг друга и брат брата,
И сын — отца и мать свою!
За вашу веру христианскую
Сошлет Господи пророчество,
Илью пророка и Онофрия
И станут святые пророчити».
И сойдет на землю бездушный бог,
Бездушный бог антúхристос,
Он искóлет святое пророчество.

От той-то от святой-то крови
Загорится матушка сыра земля,
Со восхода загорится до запада,
С полудéн загорится да дó ночи.
И вы́горят гóры со раздольями,
И вы́горят лéсы темные.
И сошлет Господи потóпие
И нá три дни, на три месяца:
И вымоет матушку сыру землю,
Аки хáратью белую,
Аки скорлупу яичную,
Аки девицу непорочную,
Аки вдовицу благочестивую.
И сойдет Михаил архангел батюшка,
И утвердит престол среди земли,
Вострýбит в трубоньку зóлоту:
«Вставайте вы, живые и мертвые,
Стáры и мáлы будьте в тридцать лет!»
По правую сторону идут души праведны,
Души праведны, законные рабы.
Воскри́чут праведны во разные гóлосы:
«Ты де, Господи, Царь небесный, Отец,
Судия наш праведный
И воевода небесная!
Прими де нас, Господи,
Во свой во прекрасный рай!» —
«Подите вы, други мои, и дети мои,
И дщерие мои, и любезныя мои,
Во мой де во прекрасный рай!
На древáх сидят птицы райския,
Поют песни царския
И глáсы де гласят архангельски;
Прекрасный рай вам красуется,
И птица вся радýется».
По леву сторону идут грешныя души,
Грешныя дýши, дýши беззаконныя.
Воскрикнули грешные, рабы беззаконные,
Воскрикнули во многие гóлосы:
«Ты де, Господи, Царь небесный, Отец,
Судья наша праведная,
Воевода небесная!
Прими де ты нас, Господи,
Во свой во прекрасный рай!» —
«Подите вы, грешные,
Ко сатане, ко дьяволам его.

Там де вам, грешныим,
Будет мука вечная,
И тьма кромешняя,
И пламя неугасимое!»
Как воскрикнут грешные
Громкиим голосом:
«Ты де, Господи, Царь небесный, Отец,
Судья наша праведная,
Воевода небесная!
Мы де к тебе, к свету, шли,
Не чаяли погибели!» —
«Вы де не чаяли,
А я вас и не ведаю!
Вы де жили на вольном свету,—
У вас де были церкви соборныя,
А в церквах книги уложённыя.
Вы в церковь Божию не хаживали,
Церковного петья́ не слушали,
Попов и дьяконов ни во что чли;
Вы бы душу пасли постом, молитвою,
Тихомолной милостынею,
Поклонами полунощными!»

85. БОГОРОДИЦА ЗАСТУПАЕТСЯ

Матушка Владычица просит:
«О сыне мой, сыне возлюбленный!
Прости эти души грешныя,
Кои сроду матерным словом не бранилися».—
«О матушка Пресвятая Богородица!
Хочешь ли меня за грешных
Видети на вторым на распятии?» —
«О сыне мой, сыне возлюбленный!
Не токмо что видеть на распятии,
Не хочу это и слышати».
Опять просит матушка
Владычица Богородица:
«Прости, кто сроду не ругался,
Из муки из вечныя,
Сыне мой, сыне возлюбленный!» —
«О матушка Пресвятая Богородица!
Прошу, кто сроду не ругался,
По твоему по прошению».
Господь послал иганию [? геенну, реку огненную]
За муку за вечную

От солнечного восхода до западу.
И прошел невод му́кой вечною,
И вытащил душ праведных
Из муки из вечныя:
«Идите вы, мои праведные,
Идите вы ко Абрамью в рай,
Ко праведному,
Вы жили на вольном свете,—
Вы меня, гладного, накармливали».
Речают праведны ко Господу:
«Мы тебе не видели!»
Господь праведным речает:
«Были вам созданы Божьи писания,—
Вы Божьи книги читывали,
Ушами вы слышали;
Вы меня нагого одевали,
Вы меня в темных темницах посетили,
Вы во гробе умерших со свечами провождали
До Божьей до церкви, до сырой земли».

86. БОГОРОДИЦА САМА СУДИТ

«Ох ты матушка, Владычица
Дева Мария Богородица!
Ты велишь нам, матушка, в рай взойти,
Нам в рай взойти, во царство небесное?»
Речет им матушка Владычица
Своим громким голосом:
«Подите вы, души праведныя,
Подите вы, души спасёныя!
У меня про вас раствореный рай стоит,
У меня про вас распечатаный рай стоит,
Изготовлены у меня про вас ризы неизносимыя.
Буде мало вам покажется,
Возложу я на вас золотые венцы;
Буде мало вам покажется,
Поставлю я вам в раю престол;
Буде мало вам покажется,
Уж я дам вам в раю свою волю.
Уж вы жили-были на вольном свете,—
Вы охочи были ходить в Божьи церкви,
Вы охочи были Богу молитися,
Вы заутрени не просыпывали,
Обедни в обедах не прообедывали,
Вы вечерни на улицах не проигрывали,

Вы на исповедь к отцам духовным хаживали,
Вы грехов своих не утаивали,
Святых таин вы примывали».
  Восплакнут же души грешния:
«Ох ты, матушка Владычица
Дева Мария Богородица!
Не можно ли нас простить, грешных?»
Речёт им Владычица
Дева Мария Богородица:
«Отойдите от меня прочь, души грешныя,
Души грешныя, проклятыя,
Проклятыя, беззаконныя!
Уж вы жили-были на вольном свете,—
Вы не охочи были ходить в Божии церкви,
Вы не охочи были Богу молитися,
Вы заутрени, грешные, просыпывали,
Вы обедни в обедах прообедывали,
Вы вечерни на улицах проигрывали,
Вы охочи были на улицу ходить,
Вы охочи были скакать-плясать;
Вы к отцам духовным на исповедь не хаживали,
Вы грехов своих не объявливали.
Прогоню я вас, проклятых,
За́ три го́ры за Сионския,—
Там огни горят негасимые;
Пропущу я вас сквозь матушки сыро́й земли,
Засыплю я вас матушкой-землей,
Закладу я вас камнями горю́чими,
Завалю я вас плитами железными,
Чтобы крику и зыку от вас не слышати».

87. О МИХАИЛЕ АРХАНГЕЛЕ

  Еще знал бы человек житие веку себе,
Своей бы силой поработа́л,
Равное свое житье-бытье бы пораздавал
На нищую братию на убогую.
  Речет Михаил архангел,
Грозных сил воевода:
«Еще кто у нас, братия,
У Христа есть во плоти?
У Христа есть во плоти свет Илья Пророк.
Взошел он на гору на Сионскую,
Указал он многим грешным муку и рай.
Всякому человеку место изготовлено,—

Тем ворам и разбойникам,
Блудникам и бражникам,
Еретникам, клеветникам, ненавистникам.
Течет им река огненная
От востоку солнца до запада,
Пламя пышет от земли до небеси.
Праведные идут через огненную реку,
Идут они ровно по́ суху и ровно по́ земле,
Огнем их, пламенем лице не пожирает,
Поют они песню херувимскую,
Еще поют серафимскую;
Гласы гласят все по-ангельскому,
Свет несут по-божественному,
Хвалят Христа — Царя Бога небесного,
Надеются на Спаса на Пречистого,
На Мать Божию Богородицу,
Хвалу несут дети отцу-матери:
«Спасибо тебе, батюшка со матушкой!
Умели нас вспоить-вскормить,
Умели на добрыя дела научить,
При́зрили нам царство небесное — рай».
Грешные рабы беззаконные
Оставались за рекой за огненною,
Вопияли во многие разные го́лосы:
«Свет наш Михаил архангел,
Грозных сил воевода!
Переведи нас через огненну реку,
Возьми ты от нас злата-серебра,
Мелкого скатного жемчугу,
Пускай нас во царство, во небесный рай».
Речет им Михаил архангел;
Грозных сил воевода:
«Вы гой еси, многогрешные, рабы беззаконные!
Здесь судья вам не подсудливая,
Здесь судья вам с Богом праведная.
Суд судим мы по-праведному,
Делаем повеленное.
Не бе́рем ни злата, ни серебра,
Ни скатного мелкого жемчугу,
А берем только души праведныя,
Отдаем во царство небесное
К святому Абрамию — отцу праведному».
Речет Михаил архангел,
Грозных сил воевода:
«Гой еси, многогрешные рабы, беззаконные!

У вас там было на вольном на свету,
У вас были судьи немилостливые,
Судьи судили не по-праведному,
Делали не повеленное,—
Правого ставили в виноватые,
Виноватого ставили во правые;
С виноватого брали злата-серебра,
Копили казну себе нечестную;
Ваша казна будет явитися
На втором на Христовом пришествии».
Пошли грешные в огненну реку,
Они плачучи и возрыдаючи,
В тосках телеса свои обрываючи,
К сырой земле припадаючи.
Клянут-бранят дети отца с матерью:
«Не спасибо вам, отец с матерью!
Умели вы нас породити
И умели вспоить-вскормить,
Да не умели на добрыя дела научить,
При́зрили нам муку превечную».
Вопияли грешные
Во многие разные го́лосы:
«Свет наш Михаил архангел,
Грозных сил воевода!
Зачем мы на том свету родилися?
Зачем сызмалешенька мы не померли?
На роду нас родная мать зачем не росто́птала?
На белый бы свет нас не пускали,
Не слыхать бы нам, грешным, слова грозного,
Не терпеть бы муки превечныя».
Речет им Михаил архангел,
Грозных сил воевода:
«Вы гой еси, многогрешные рабы, беззаконные!
Топерь, рабы, вы росплакалися,
Топерь, рабы, вы воспокаялися.
Некогда вам, грешным, душа спасти,
Некогда вам, грешным, во рай войти.
У вас-то было на вольном на свету́,
У вас были церкви соборныя,
Во церквах были книги Божественныя,
Во книгах было написано,
Написано и напечатано,
Чем душа спасти, как во рай войти,—
Душа спасти есть святым постом и молитвами,
В рай войти — честно́й милостиной,

Честной, не ожуренною;
При церквах попы были, священники,
Пастыри ваши поучители.
Для чего попов-отцов не слушались,
Ко Божьей церкви не прихаживали,
Страху господня не послушивали,
Писанию Божию не веровали,
Ранния заутрени просыпывали,
Священныя обедни прогуливали,
За смирною вечернею не стаивали,
Со слезами Богу не маливались,
Земных поклонов не кладывали
От белого лица до сырой земли?»
Речет им Михаил архангел,
Грозных сил воевода:
«Вы гой еси, многогрешные рабы, беззаконные!
Пожили вы веки долгие,
Своим душам добра не делывали,
Не имели вы ни середы, ни пятницы,
Ни того Воскресенья тридневного,
Ни тех годовых честны́х праздников,—
Не те ли грехи ваши объявляются?
Огненна река к вам приближается —
Палить лице многогрешное,
Палить лице огнем-пламенем».
Михаилу архангелу славу поем.
Во век ему слава не минуется.
Аминь.

88. МИХАЙЛО АРХАНГЕЛ — ГРОЗНЫЙ СУДЬЯ

Спустится на землю судья праведный
Михайло архангел-свет
С полками он с херувимскими,
С херувимскими и серафимскими,
Со всею он силою небесною
И со трубою он златокованною.
И первый он раз вострубит —
И души в телеса пойдут;
Второй он раз вострубит —
От гробы мертвые встают;
В третий раз вострубит —
Все на суд Божий пойдут.
И праведные идут по правую руку,
А грешные — по левую.

У праведных лица — хорошия,
На главах власы, как луна, светлы,
А у грешных лица — все черны;
У грешных волосы, словно стрелы, стоят,
Праведные идут — все стихи поют
Херувимские и серафимские,
Величают Христа, Царя небесного,
Пресвятую они Матерь Богородицу.
Величают они Михайла архангела:
«Не возможно ли, батюшка
Михайло архангел, помиловать?»
Отвечает Михайло архангел со ангелами:
«Проходите, рабы крещеные, души верныя,
Уготовали вы царство небесное».
  А грешне идут — сильно плачут,
Плачут они да рыдают,
Ко Михайлу архангелу причитаются:
«Не возможно ли нас, батюшка
Михайло архангел, помиловать?
И дайте нам годы урочные:
Столько годов, сколько в море песку».
Отвечает Михайло архангел-свет им со ангелами:
«Отойдите, злые, окаянные!
Белый свет вам на волю дан был,
Сами вы себе место уготовили,
Место — муку вечную и тьму кромешную!»
Рече Михайло архангел чудотворец:
«Ангелы вы мои, архангелы!
Берите прутье железное,
Гоните вы злых-окаянных,
Гоните их в реку огненную,
Засыпьте их песком,
Завалите досками да чугунными,
Не чуть бы от них ни писку, ни верезгу,
Ни зубного бы скрежета!»
Они идут да слезно плачут,
Ко сырой земле припадают:
«Зачем нас отцы-матери спородили?
Лучше бы нас на родах растоптали!
И ко страху Божьему вы нас не учили!»

89. ОГНЕННАЯ РЕКА

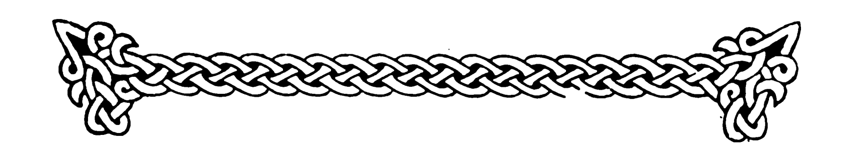
Протекла река, река огненна́я,
Ото встока река текёт до запада.

Как по праву руку-ту идут праведны,
Уж как праведны идут — веселятся,
Херувимския стихи да воспевают,
За отцей, за матерей да Бога молят.
Уж как грешны идут — сле́зно плачут,
Перед собой оне пути ведь не видят,
Отцей, матерей проклинают:
«Уж и лучше бы отець не засеял,
Уж и лучше бы мать меня не родила,
Сорока бы недель в утробы не носила,
На родимом бы мести да ростоптала,
На белой-от свет бы не попустила!»
Как приходят-то грешны ко огненной реки,
Уж как молятся грешныя души:
«Уж и гой еси, Михайло-свет архангел!
Уж и гой еси, Ондрей Первозванной!
Перенесите вы нас через огненну реку́,
Вы к Обраму, к Исаку, ко Якову».
Тут спроговорит Михайло-свет архангел:
«Уж и гой вы есь, грешныя души!
Уж как жили вы были на вольнём на свету́,
Вы ни петницы, ни среды не почитали,
Вы ни светлого Христового воскресенья,
Рано пили, рано ели, рано тешилися,
Вы во Божью-то церковь-то не ходили,
Уж вы нам-то, богам, да не молились
Й отцей, матерей вы не чтили.
Уж вы будьте вы прокляты, грешны,
Три земли проклятыя в преисподню!»
Тут спроговорит Михайло-свет архангел:
«Уж вы гой еси, Ондрей ты Первозванной!
Уж и рой-ко-сь грешных в огненну́ реку́,
Ты заваливай их пениём, каменьём,
Призадерьгивай решеткамы железныма,
Чтобы не слышать было писку-вереску».

90. АРХАНГЕЛЫ МИХАЙЛО И ГАВРИИЛ — ПЕРЕВОЗЧИКИ ЧЕРЕЗ ОГНЕННУЮ РЕКУ

Да зайдут человеча да на Хивон на гору,
Да згленут человеча да ино вверх по земли.
Ишша чем мати земля изукрашенная?
Изукрашена земля черквями Божьима.
Да зайдут человеча да на Хивон на гору,
Да згленут человеча да ино вниз по земли.

Ишша чем мати земля принаполненная?
Принаполнена земля душáми грешныма.
Протекла река да река огненная
От востоку-ту протекала да вплоть до западу,—
Ширина-глубина да не намеренная,
Через огненну реку да перевоз ведь есть,—
Перевозчиком Михайло архангел со Гавриилом.
Ишша праведных как душ как перевозят за реку,
Перевозят да переносят их на ту сторону,
Их на ту сторону до ко пресветлому раю́,
Ко пресветлому раю да к самому Христу.
А и грешны-те души да ходят по берегу,
А крычат-зычат да громким голосом своим:
«Ты, Михайло архангел со Гавриилом!
Перевези нас, перенеси да через огненну реку,
Через огненну реку да нас на ту сторону́,
Нас на ту сторону да к пресветлому раю́,
Ко пресветлому раю да ко самому Христу!»
Отвечаё Михайло со Гавриилом:
«Ишша, души вы, души да души грешные таки,
Ишша нам ведь вас да нам не велено везти,
Нам не велено везти да не приказано нам.
Ишша жили вы, душечки, на вольнем на свету,
Вы не знали, вы ни се́реды, ни пятници
Да ни светлого Христова да воскресеньиця;
Уж вы [к] Божьей-то церкви не хаживали,
Уж вы звону колокольнему не варывали,
Как четья-петья церковногȏ не слушивали,—
Вы подите-бредите, вы души да души в огненну реку,
Души в огненну реку да муку вечную!»
Тут заплакали-зарыдали да души грешные:
«Ты прости-тко, прости да нам ведь, белой свет,
Ты ишшо-ко, прошшай да сам Исус Христос
Ты прошшай-ко, прошшай ты, Михайло архангел со Гавриилом!
Вы прошшайте, прошшайте, да отцы-матери,
Вы прошшайте, прошшайте, да братьи-сестрици,
Вы прошшайте, прошшайте, да мужьи мудрые,
Вы прошшайте, прошшайте, да жены мужии!» —
Зарыдали-заревели да души грешные.
Пресвята мать Богородиця не могла да на престоле усидеть,
Не могла же как она ихно горё притерпеть,—
Столконула она да две горы,
Тут гора же с горой да столконулися.
Засыпало реку песками, хрешшами сыпучима.



СЮЖЕТЫ ИЗ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ

91. БОРИС И ГЛЕБ

С восточного словесного,
С держания Киева-града,
Великий Владимир-князь
Владел он всею Россиею.
Имел себе он трех сынов,
Старейшего Свéта-Пóлка,
А меньшиих Бориса-света и Глеба.
Великий Владимир-князь
Разделил Россию всю
Сыновьям своим нá три части:
Старейшему Свету-Полку
Великий славен Чернигов-град,
Благоверныим Борису-свету и Глебу
Великий Воспревышград.
Великий славен Владимир-князь,
Разделя Россию сыновьям своим,
Пóжил в доме, преставился.
Сотворил[и] [ему] честное погребение.
После его чада его разыдýтся
По своим по-грáдам:
Старейший Свет-Пóлкий в Чернигов-град,
А благоверные князья Борис и Глеб
В Воспревышград.
О злой, ненавистный, враг немилостивый,
Возлюбил много места,
Захотел владеть всею Россиею.
На своих братьев прогневúлся, опалúлся,
Яко Каин на Авеля,
Как бы победити Бориса и Глеба.
Зломышление на них помышляет,
На совет братиев призывает,
Во пир чéстный пировати,
Отца своего князя помянути.

Посланников злой посылает,
С посланниками лист написует
В тоё же в посла́нную в палату.
  Благоверные Борис и Глеб
Со радостию лист принимают,
Пред матерью стоя прочитали,
«О матерь наша порожде́нная!
Воздай нам свое благословение,
Нам ехать во Чернигов-град
Ко старейшему брату Све́ту-По́лку».
Возопиет мать их порожденная:
«Благоверные князья Борис и Глеб!
Не в пир че́стный он вас призывает,—
На смертное потребление
Вас он подлещает».
И тут они не послушали
Матерь порожде́нную,
О́седлали своих добрых коней,
Суду́ючи, раду́ючи,
Поедучи во Чернигов-град
Ко старейшему брату По́лку.
  Пребудут святые
Среди пути-дороги.
О злой, ненавистной, враг немилостивой,
Встречал их злой
Середи пути-дороги.
Он косо на своих братьев взирает,
Злыми зубами воскрежетает,
Злыми словами намекает.
Он [гнев] с яростию смешаючи,
Как бы победить Бориса и Глеба.
Еще Господь силены спустил [?]
На все благово́нные цветы.
Увидели печаль сию,
Скоро с добрых коней солеза́ли,
Главы клонят к матушке ко сырой земле,
Просили старейшего брата По́лка:
«О братец мой старейший, Свет-По́лкий!
Разве ты хочешь нами владети,
Или великою всею Россиею?
Поими́ нас, брат, в доме своем
Рабочими, верными слугами;
Не вемы мы никакого порока,
Чтобы в твоем доме зло мы сотворили.
Не сотвори, брат, печали матери,

Коя нас с тобой породила;
Не покори, братец, о Христе
Сродников наших;
Не срежь класы неспелые,
Не повреди ты винограда незрелого;
Не отрыгнут винограда сего
Коренья от сырыя земли;
Не победи нас, братец, во младыих летах».
И тут он злой-ненавистный, враг немилостивый
Прошения не слушает,
На поклоны не взирает,
А моления злой не восприемлет,
Злоумышление на них помышляет.
Помыслимши, злой научился,
Как есть, как есть злой враг накачнулся,
Как победити Бориса и Глеба:
Бориса злой копьем сбрюшил
И Глеба ножом заколошил.
Обнажил, яко вор-разбойник,
Он тьмой закрыл солнечной луч, просвещение.
Тогда месяц и солнышко померкли,
Не было солнечного посвещения
Три дни и три ночи.
Повелел [Святополк] между двух клажниц их погрузить.
Их святые мощи три года в плоте лежащи,
Ни чем тела не повредивши,
Ни звери, ни птицы их не поели,
Ни солнечных лучей попечением.
А он ненавистный, враг немилостивый,
Судуючи, радуючи на добрые кони,
Поедучи в великий славен Воспревышград.
На то Господь на злого прогневился,
Не потерпел ему Господи Владыка,
Сослал Господь с небес грозных ангелов.
Ангелы обрезавши о Христе нози,
Вознесли злого к верху,
Да свергнули до аду.
Пред ним земля потресется,
И морская волна вся восколыбалась.
Всповедали российские держатели, великие князи,
Что на земле быть у нас второму потопу.
А от их [Бориса и Глеба] святых мощей утвердил Господь
Огненный столб от земли и до неба.
Увидели российские держатели, великие князи,

Съезжалися-сбиралися, брали мощи да понесли
Во славен великий Воспревышград.
Состроили-воздвигнули
Святую соборную каменную церковь
Во имена́ Бориса и Глеба.
Явил Господь свою милость:
Было от святых мощей прощение,
Слепыим давал Господи прозрение,
Глухиим давал Господи слы́шание,
Скорбящшим-болящшим исцеление,
Всему миру давал Господи вспоможение,
Спасалась Россия вся от варварского нашествия.
Им же слава от ныне до века веков.
Аминь.

92. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Уж давно-то христианска вера
Во Россеюшку взошла,
Как и весь-то народ Русский
Покрестился во нее.
Покрестился, возмолился
Богу вышнему:
«Ты создай нам, Боже,
Житье мирное, любовное:
Отжени ты от нас
Врагов пагубных:
Ты посей на нашу Русь
Счастье многое!»
И слышал Бог молитвы
Своих новых христиан:
Наделял он их
Счастьем многиим своим.
Но забылся народ русский,
В счастии живя:
Он стал Бога забывать,
А себе-то гибель заготовлять.
А наслал Бог на них
Казни лютыя, смертоносныя!
Он наслал-то на святую Русь
Нечестивых людей,
Нечестивых людей, татар крымскиих.

Как и двинулось погано племя
От севера на юг,
Как сжигали-разбивали
Грады многие,
Пустошили-полонили
Земли Русския.
Добрались-то они до святого места,
До славного Великого Новагорода.
Но в этом-то граде
Жил христианский народ.
Он молил и просил
О защите Бога вышнего.
И вышел на врагов,
Славный новгородский князь,
Новгородский князь Александр Невский.
Он разбил и прогнал
Нечестивых татар;
Возвратившись со войны,
Во иноки он пошел.
Он за святость своей жизни
Угодником Бога стал.
И мы, грешнии народы,
Притекаем к нему:
«Ты угодник Божий,
Благоверный Александр!
Умоляй за нас
Бога вышнего,
Отгоняй от нас
Врагов пагубных!
И мы тебя прославляем:
Слава тебе,
Благоверный Александре,
Отныне и до века!»

93. МИХАИЛ И ФЕДОР ЧЕРНИГОВСКИЕ

Восплакася народы о гибели России:
«О Русь, о Русь, прекрасная страна!
В тебе живут теперь татары злые.
Разоряют храмы Божьи народы нечестивые,
Ругаются святыне раскольники поганы!
О жаль, о жаль, что церкви святой Руси погибают,
Святых мужей, попов безбожники ругают.
Вспокайтесь, людие, к небесному Отцу припадите,

От чистых ваших сердец любовь и веру ему принесите,
О, милостив и благ, предела нет его щедрот,
Он к вам святых мужей и избавителей пошлет.
Но вы, за милость его к вам, ему возблагодарите,
С крепкою верою мольбы во храмах совершите!»
Опомнившись, народ стал о грехах у Бога просити
И всем собором во храмах о избавлении его молити.
И видя Бог, что Русь святая уже погибает,
Простил грехи и избавителей ей посылает.
Явились на Руси два доблестны мужа со огненными мечами:
Черниговский Михайло, Феодор украсили себя российскими венцами,
Избавили они святую Русь, на краю гибели стоявшу,
И сами святые в орде нечистой смерть мученическую приявши.

94. ФЕОДОР, ДАВИД И КОНСТАНТИН ЯРОСЛАВСКИЕ

Во славном во граде Ярославле
На честном на княжеском престоле
Сидел свет святой Феодор.
Всем он суд правый правил,
Богатых и сильных не стыдился,
Нищих и убогих не гнушался.
Послал Бог на Феодора бесчастье:
Умерла у него честная княгиня.
Стал по ней Феодор сокрушаться,
Стал он Господу Богу молиться:
«Господи, Господи, Спас милосердый!
Чем я тебя, Господи, прогневал,
За что меня грешного казниши?
Не будет мне в старости утехи.
Али я тебе, Господи, не молился,
Святыим постом не постился,
Али суд неправый коли справил,
Али когда нищих не при́зрел?»
Так рыдающе он изнеможе,
Ложился спать он на ложе;
Во сне Феодор князь видит:
Пресвятая Мать Богородица
Сидит на златом она престоле,
А у ног Антоний с Феодосьем.
Говорит Феодору Мать Пресвятая Богородица:
«Ты не плачь, Феодоре, не кручинься;

Любя тебя сын мой наказует;
За то, что ты Господу молился,
Святыим постом ты постился,
За то, что ты правый суд правил,
За то, что убогих призреваешь,
Ты пойми другую супругу,—
Принесет она тебе плод честнейший,
Родит двух сынов тебе святыих,
Свет Давида да Константина».
Благоверный княже Феодоре и с чады!
Избавите раба [имярек] от зельныя печали,
Яже имат по рабе [имярек],
И да утвердится сердце его.
Аминь.

95. ПЕТР МИТРОПОЛИТ

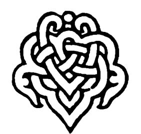
Долго ли, робята, нам во зле-то погибать?
Как пора-то нам, братцы, воспокаяться,
Воспокаяться, святыим мужам помолитися:
«Ой вы мужие святые, угодники Божии!
Вы простите грехи наши беззаконные,
Помолите за нас Бога вышнего,
Бога вышнего, отца милосердого,
Чтоб избавил царя нашего от ужасной от войны,
От ужасной от войны и от моровой язвы!»
А уж князь-то наш московский Симеон Иванович,
Он и смотрит, сам рыдает, на погибший на народ,
Возрыдаючи речь он взго́ворил:
«Ох я грешный человече, прогневил Бога мово!
За грех-то мой Бог козни наслал!»
Как услышал Бог молитвы угодника своего,
Угодника своего, Петра митрополита московского,
И избавил град Москву от ужасной от войны,
От ужасной от войны и от моровой язвы́!

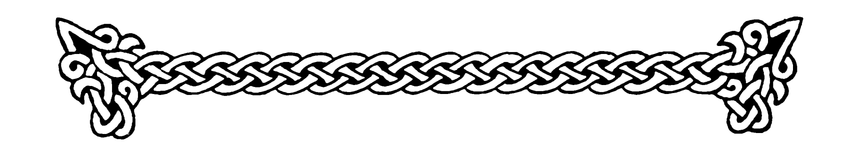
96. ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Накануне субботы Димитровской,
Во соборе святом Успенскиим,
Обедню пел Киприян святой,
За обедней был Димитрей-князь
С благоверною княгиней Евдокиею,

Со князьями ли со боярами,
Со теми со славными воеводами.
  Перед самой-то было перед «Достойной»,
Перестал Димитрей-князь молиться;
Ко столбу князь прислонился,
Умом князь Димитрий изумился;
Открылись душевныя его очи,
Видит он дивное виденье:
Не горят свечи перед иконами,
Не сияют камни на златых окладах,
Не слышит он пения святого,
А видит он чистое поле,
То ли чисто поле Куликово.
Изустлано поле мертвыми телами,
Христианами да татарами.
Христиане-то как свечки теплятся,
А татары-то как смола черна.
По тому ль полю Куликову
Ходит сама Мать Персвятая Богородица,
А за ней апостоли Господни,
Архангели, ангели святыи
Со светлыми со свещами,
Отпевают они мощи православных,
Кадит на них сама Мать Пресвятая Богородица,
И венцы с небес на них сходят.
Вопросила Мать Пресвятая Богородица:
«А где ж да князь Димитрей?»
Отвечает ей Петр-апостол:
«А Димитрей-князь в Московском граде,
Во святом Успенскиим соборе,
Да и слушает он обедню,
Со своей княгиней Евдокией,
Со своими князьями, боярами,
Со теми ли со славными воеводами».
И рече Мать Пресвятая Богородица:
«Не в своем Димитрей-князь месте:
Предводить ему лики мучеников,
А его княгине в моем стаде».
  Тут явление пропало
Свечи во храме загорелись,
На окладах камни засияли.
Образумился князь Димитрей
Да слезно он восплакнул,
Таково слово он промолвил:
«Ах, знать, близок час моей смерти!

Скоро буду в гробе я лежати,
А моей княгине быть в черницах!»
  А на память дивного видения
Уставил он Дмитровску субботу.





ИЗ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НОВЫЕ СТИХИ

97. О НИКОНЕ

По грехом нашим на нашу страну
Осени облак зело мрачный.
Солнце угаси лучи светлые
И свет свой не яви на лице земли.
Поздно с вечера в часы дневные
Наступила тьма несветимая.
По пророчеству Даниилову
Станет мерзость запустения
На святом месте,
Во церквах святых.
В тысящи шестьсот
Шестьдесят шестой
Антихрист возмути всю вселенную,
Отнял благолепие церковное,
Издал же свою печать мерзкую.
Вместо Христова креста — крыж латынский,
За святыя иконы — картины.
Обладали святыми местами вместо учителей — злые мучители,
Издали свое лжеучение вместо святых поучений;
За крещение — обливание,
Вместо ладану — табак мерзкую;
В знамение креста двоеперстного —
Щепоть гнусную троеперстную;
За благолепие — брадобритие;
Возлюбили тьму, ненавидим свет.
Никон лютый и с поборники
Потребил книги старописьменны,
Издал пес свои — новоумыслены,
На погибель душам христианским,
Да увязнут в сеть в неизбежную,
Да наполнен будет ад вселютый,
Тьма кромешная, огнь геенский.

Никон лютый и с пособники
Воздвиже гонение великое
На содержателей благочестия и пресветлого правоверия.
Погубил наших верных пастырей:
Павла, епископа Коломенского,
Царского отца духовного архимандрита Никанора;
Разорил обитель киновию соловецких чудотворцев;
Погнал веру христианскую в темны леса и пустыню;
Истребил наших верных пастырей,
Запустели церкви без учителей,
Разогнал овец по лику земли,
Наполнен овцами восток и запад,
Юг и север и вся концы,
Пожал пшеницу несозрелую,
Уморил верных без причастия.
Пришли ко овцам злые волки,
Губят верных пожиратели,
Лютые бегуны и предатели,
Кровопийцы и ругатели.
Взъемлют с нищих за крещение,
Грабят с больных сирот за причастие.
Оле, увы, горе православнии,
Горько и люто бысть сиротами...
Нет уже прежних наших верных пастырей,
Кои душ своих не щадили,
За Христову веру поло́жили.
Преставились наши патриархи,
Скрылись с глаз наших цари и князи!
О горе, братие, в сие время,
Аще помяну благочестие
И пресветлое правоверие,
Когда процветал крин церковный,
Зело блистал чин священный,
То не можно быть без рыдания
И без горького воздыхания!
Помолимся мы к высшему Творцу,
Да подаст нам верных пастырей
Отогнати от нас злые волки,
Лжи учители и мучители,
Патриарха Никона ученики,
Лицемеры, хищные ехидники
И чего еще хочем ожидать,
Посреде мира долго пребывать?
Уже наша жизнь скончавается,
А день судный приближается.

98. О ВРЕМЕНАХ АНТИХРИСТОВЫХ

По грехам нашим, на нашу страну
Осени облак зело мрачный,
Постигла нас тьма несветимая,
Солнце угаси светлая,
Свет свой не яви
На лицы земли.
Прежде вечера, в часы дневные,
Наступила нощь зело темная,
Лучи измени естество свое,
Светлая луна во тьму преломися;
Звезды в небеси
Свет свой угаси,
Земля и вода свой плод сократи;
Паде с небес сап горящий,
Пшеницу сломи несозрелую.
Из расселин горы каменны
Изыде змий многоглавый
И со многими крокодилами,
Огради стадо овец мысленных,
Умертви овцы и со пастыри.
Обагрись земля от овец крови,
Воссмерде воздух от овец плоти;
Премени море естество свое,
На себе зря телеса святых.
Наступи зима зело лютая,
Уби виноград всезеленый.
Дух антихристов возвея на нас,
Смути веру всю православную,
Оскверни души христианскии.
В тая времена во плачевная
Всякая душа православная
Не могла пребывать без рыдания.
И ныне о том вспомянет кто,
Каковых святынь мы лишилися!
  Живем, грешнии, по своей воле,
Не слышим ныне гласа пастырей,
Наставляющих ко спасению,
В число времени настоящего,
Изменения тривременного,
Треволнения всегубительна,
Благочестия нарушения,
Церковного колебания
От самого основания,

Богословия противления.
А мы, грешнии, за грехи наша,
После сих времен породилися;
Живем, грешнии, по своей воли,
Живых нас гробам что не предали!
Не видали бы плачевных дней,
Не терпели бы глада нужного.
Не имеем мы покаяния,
Умираем без причастия,
Лишаемся мы жизни вечныя!
В чем надежда наша ко спасению?
Мы скитаемся еси без пастырей,
От лютых зверей цядами.
Аще помяну благочестие,
Когда процветал крин церковный,—
Не могу пребыть без рыдания.
Солнечна луча зайде от пророк,
Дневной наш свет тьмою осени,
Дух антихристов всех нас возвери.
Бог даст им места нарочитыя!
Иссушила воля память смертную,
Вкоренила в сердце прелесть земную,
До конца тлеет благочестие.
Лихоимцы вси грады содержат,
Немилосердные в грехах первии,
А смиренные от градов бежат,
Слезно плачутся — негде скрытися;
На местах пути злии наставницы,
Православнии вси погреблены,
От отечества вон выгнаны.
Отцы братиею ненавидимы,
Всеми сродными оклеветаемы,
Вдовы и сироты обижены,
Беззаступныя во изгнании.
Духовный закон с корени ссел,
Закон градский вконец истреблен,
В закона место водворилося
Беззаконие и нечестие.
Мир с любовию остави землю,
Блуд со злобою и нечистота
На место любви водворилися.
Во страны язык уклонился.
Трезвость и пост с воздержанием
И растлением затворилися;
Пьянственные домы с объядением

И веселием водворилися.
С пути христианского совратилися,
К обычаям стран поганых
Любезно вси склонилися.
Вперися, душа, крылы легкими
Растерзай своя мрежа тленная,
Вскоре возлетай выспрь под облаки,
Протирай очи свои мысленны,
Взирай по городам равним образом,
Постигай собор мал оставший:
Христианы с мест все изгнаны,
От отечества отлученные,
В горах каменных пребывающих,
Прахом, пеплом покрывающих.
Не страшись, душа, страха тленного,
Поминай, душа, страх вечный,
Возверзи печаль свою на Господа,
Предай сам себя в руце Божии;
Наведи воды из очей своих,
Омывай черность свою греховную,
Самовластием очерненную,
Верою наступи на главу змии,
Любовию зри к самому Богу!
Стадо мысленно зверьми расплени;
Луч церковный тьмою помрачи.
Церкви Божия затворилися,
Как овощники все явилися,
А мы, грешнии, за грехи наши,
От ходу ея отлучилися.
Лик святителей не видим ныне,
Чин священническ сребром весь пленен.
А мы, грешнии, словесны овцы,
Скитаемся мы в дивей пу́стыни,
По горам, стезям по каменным,
Питаемся мы злаком горькиим,
Питие пьем — от очей слезы,
Уязвляемся крокодилами.
Неистови владеют нами!
Вавилонская любодеица
От своей чаши напоила нас,
Растлением прельстила весь мир,
Сластолюбием, славолюбием,
Сребролюбием почтила всех,
Горделивых всех честных нарече,
На седалищах первых учини.

Собор нищих всех возненавидим бысть.
Сродник бедных возгнушилися,
А с богатыми погаными вси сроднилися;
Отцы чад своих возгнушалися,
Честь к родителям мимо идет.
Солнце к вечеру приближается —
Тому дни конец познавается.
Что еще ныне ожидать будем?
Слово Божие совершается,
И пророчество все исполняется.
Страх антихристов устрашает мир,
Милосердая вся вещает к ним,
Облак светлый тьмою помрачи,
Лета, времена, то все премени,
Собор святых в конце низложи,
Из дальних стран возврати,
Во изгнании всех тех осуди,
Живущих внутри и тех улови,
Милость с лестию пометает в мир
А свою злобу открывает им.
На пути знаки вопрошаеми,
Не имущии знак возвращаеми.
Мало кто избегнет его руки,
Разве токмо той, имущий крыле,
Парит мысленно в места дальныя,
Горы с холмами, в места каменны,
Буду Богом там еси спасаеми.
Тому Христу надежею вся восприемлеши.
Аминь.

99. ВОСПОМИНАНИЕ ПРЕБОЛЕЗНЕННОЕ ОБ ОЗЛОБЛЕНИИ КАФОЛИКОВ

По грехом нашим на нашу страну
Попусти Господь такову беду:
Облак темный всюду осени,
Небо и воздух мраком потемни;
Солнце в небеси скры своя лучи,
И луна в нощи светлость потемни,
Но звезды вся потемниша зрак,
И дневный свет преложися в мрак.
Тогда тварь вся ужаснушася,
Но и бездны вся содрогнушася,
Егда адский зверь разрешишася,

От заклеп твердых искочи нагло.
О, коль яростно испусти свой яд
В кафолический красный вертоград.
Зело злобно тогда враг [возреве][1],
Кафолический род мучить повеле:
Святых пастырей вскоре истреби,—
Увы, жалости!— огнем попали.
И [четы] иноков уловляхуся,
Злым казнением умерщвляхуся;
Всюду вернии закалаеми,
Аки класове пожинаеми.
Тогда вернии горце плакаху,
Зело жалобно к Богу взываху:
Время лютости, Боже, сократи,
От мучительства злого защити;
Аще не твоя помощь сохранит,
И избранных всех адский змий прельстит.
Ох, увы, увы, лютых тех времен!
Ох, увы, увы, скорбных оных дней!
Како лютый зверь нас погуби.
Вся древеса вскоре попали.
Аще помянем благочестие,
Пресветлое правоверие,
Егда процветал крин церковный,
Тогда зело облистал чин священный,—
То не можем быть без рыдания
И без скорбного воздыхания.
Ох, увы, увы, древнее правоверие!
Кто лучи твоя тако вскоре [потемни],
Кто блистания тако измени?
Десятирожный зверь сие погуби,
Седмоглавный змий тако учини,
Весь церковный чин зверски прекрати,
Вся предания злобно истреби,
Церкви Божия искоренишася,
Тайнодействия вся лишишася,
Но и пастыри попленишася,
Жалом новшества умертвишася.
Зело горестно о сем плачемся,
Увы, бедные, вси сокрушаемся,
Что пастыри посмердишася,
В еретичестве потопишася.
Оле, бедности нам без пастырей!

---

[1] Квадратные скобки принадлежат собирателю.

Оле, лютости без учителей!
По своей воли вси скитаемся,
От зверей лютых уязвляемся.
Всюду вернии утесняеми,
От отечества изгоняеми.
За грехи наши днесь родимся,
В таковы беды попустимся.
Почто в юности мы не умрохом? —
Избежали бы лютых сих времен.
И мы горце вси всегда плачемся,
Преболезно вси сокрушаемся.
Вавилонская любодеица
И прескверная чародеица
Под прикрытием малы сладости
[Представляет] всем чашу мерзости.
И мы слабии тем прельщаемся,
Сластолюбием уловляемся.
Увядает днесь благочестие,
Процветает все нечестие,
Лжеучители почитаются,
На кафе́драх вси возвышаются,
Верных собо́ри истребляются,
Сонмы мерзости умножаеми,
Все пророчества совершаются.
И чего еще хощем ожидать,
Посреди мира долго пребывать?
Уже жизнь сия скончавается,
И день судны приближается.
О, ужаснись, душе, суда страшного
И пришествия всеужасного!
Окрылись, душе, крылы твердости,
Растерзай, душе, мрежу прелести,
Ты пари, душе, в чащи темныя,
От мирских сует удаленныя.
Постигай тамо верных мал собор,
Укрывающихся посреде холмо́в.
Не страшись, душе, страха тленного,
Убойся ты огня вечного.
Изливай, душе, реки слезныя,
Простирай к Богу мольбы многия,
Крепко всегда уповай,
Во веки его прославляй.
Аминь.

100. КОНЧИНА МАТЕРИ-ЦЕРКВИ

Пойдем ныне, сиротнии дети,
К матери нашей в кущу сидети;
Пришедши же во мертвых обитель,
Покличем свет нашу родитель:
О наша прелюбезная мати,
Не поленися гласа отдати,
Аще бо над тобою и бдехом
Обаче внезапу осиротехом;
К нам бо радость дойти не поспела,
А ты от нас скоро улетела.
Что нас слезами, а мати, кормишь,—
Или ты зачатия не помнишь,
Как ты в молитвах всегда стояла,
А у Бога нас прощала?
А когда ты нас во чреве зачала,
Тогда ты желание скончала,
К нам простерла любовь готову,
А мы познахом твою утробу.
Девятомесячное бо время
Носила насеянное бремя,
В рождении скорби принимала,
Их же ради себе конца чала.
Помиловавшу щедрому Богу,
Подавшему нам на свет сей дорогу,
Возрадовалася, нас родивше,
Возликовствовала, отдоивше.
Едино же при тебе было благо —
Видети житие наше здраво.
Не утолиша тя темныя ночи,
Не причащеся она твои очи;
Не почуша повсечасны скуки
Твои, о мати, легкия руки;
Присно бо, нас любя, обымала
И непрестанно во уста целовала;
Мягкими тела твои муки
Давала еси нам в руки;
От сосец реки выну млека стекоша,
А уста на питие привлекоша;
Тем же сладкое ти млеко пихом
И тебя зело любихом.
Ты бо была еси наша радость,
Всегдашняя медвенная сладость.

Не любила еси на нас напасти,
По всякой когда лютой напасти
Всегда везде умом си летала,
Нам же добра и счастия искала;
Честь нашу грозою си хранила,
А нас присно любовию дарила,
Врагов молитвами прогоняла,
А нас советами ограждала.
Всегда нам при тебе было благо,
О плодоносная наша мати!
Егда мы с тобою, мати, жили,
Ни о чем тогда не потужили;
Кое ли дело тогда начали,
Всякое с радостью скончали;
Родительстии хранили твои молитвы,
Наши присно сенитвы [?].
Не тяжка нам видела работа,
О доме бо была ти забота.
Всякую нашу злобну кручину
Топила в жалкую ти пучину.
Теплых твоих молитв покрывало
Всегда, выну над нами стояло,
Без пробуду бо при тебе спали,
А в деле урону не видали.
Ныне же тебе у нас не стало,
А нам попечение настало;
В немалом, о мати, быхом уроне,
Яко не видехом тя во своем доме.
У того бо рук не воздеваешь,
От напастей нас не покрываешь,
Не радуешися со враги за ны,
Не отъемлеши нашея раны.
Осиротевши, престахом звати
Пресладкое твое имя, мати.
Не слышим же кличаща уклети [?]
Восстаните, любезнии дети.
На всяк бо день тя, мати, поминаем,
Но жалости, ох, не обретаем.
Ко всем почтенном женам клонимся,
Материю быти нам молимся,
Но аще имя мати и срящем,
Но твоей жалости не обрящем.
Едина убо рождьшая мати,
Обыкла в детех обитати.
Почто нас ты уродила,

К нам, ох, путь заронила,
К нашим мольбам?

101. ВСТРЕЧА ИНОКА СО ХРИСТОМ

Идё инок по дороги
Да как черныя ризы по широки,
Ишше сам-то он слезно-то плаче,
Ишше сам-то он тяжело возрыдае.
Ишше стретился Царь ему да Небесный:
«Ты об чем, об чем, инок, плачешь,
Ты об чем, молодыя, ты возрыдаешь?» —
«Ишше как мне-ка, Господи, да не плакать,
Ишше как ведь мне-ка не рыдати?
Утерял-то я ключ церковный,
Уронил-то я в синее море».—
«Ты не плачь-ко-се, не плачь-ко-се ты, инок,
Ты не плачь, не рыдай ты, да молодыя!
Ты поди-тко-се к синёму морю.
Да потянут тогда буйные ветры,
Сколыбается ведь синёё морё,
Да расходятся ведь большия волны,—
Ишше выплешшот тебе ключ церковной».
Да пошел тогды к синёму морю.
Потянули тогды буйные ветры,
Сколыбалось тогды синёё морё,
Росходились тогды большия волны,
Да как выплёскало ключ ёму церковной.
Да идё тогды ведь инок по дороги,
Да идё черноризець по широкой
Он сам идé ведь слезно-то плáче,
Ишше сам он тяжело возрыдае.
Ишше стретился Царь ему Небесный:
«Ты об чем, об чем, инок, плачешь?
Ты об чем, об чем, молодыя, возрыдаешь?» —
«Ишше как мне-ка, Господи, не плакать,
Ишше как ведь мне-ка не рыдати?
Утерял-то я книгу-ту златую».—
«Ты не плачь-ко-се, не плачь ты ведь, инок,
Не рыдай, не рыдай ты, молодыя!
Напишу я тебе книгу-то златую
Своима-ти тебе златыма руками».
Да иде тогды инок по дороги,
Да идет молодыя пó широкой,

Он сам тогды слезно-то плаче,
Ишше сам тяжело он возрыдаё,
Ишше к матери к земли припадаё,
Отца с матерью споминаё:
«Вы пошто меня на горё засеяли,
На злочестье меня всё спородили!»
Ишше стретился Царь ему Небесный:
«Ты об чем, об чем, инок, ты плачешь,
Ты об чем, молодыя, возрыдаешь,
К матери к земли припадаешь,
Отця с матерью споминаешь?» —
«Ишше как мне-ка, Господи, не плакать,
Ишше как ведь мне-ка не рыдати,
Ишше к матери к земли не припадати,
Отца с матерью не споминати?
Ишше стал я топериче в младых летах,
Одолеют на меня худыя мысли,
Нападают на меня все ведь дьяволе».—
«Ты не плачь-ко-се, не плачь ты ведь, инок,
Не рыдай, не рыдай ты, да молодыя!
Ты поди-тко-се же, в лес уйди подальше,
Ты сострой собе келию по елью;
Ишше станут к тобе ангелы летати,
Ишше станут тебя пропитати;
Залетают к тобе птици-ти райски,
Запоют-то тобе песни-ти царски,—
Отвалятся от тебя худыя мысли,
Отойдут от тебя все ведь дьяволе».
Да пошел тогды инок, в лес ушел подальше,
Он сострoил собе келию-ту под елью.
Залетали к ёму тогды ангели,
Ишше стали ёго пропитати;
Залетали к ёму птици-ти райски,
Как запели ёму песни-ти царски,—
Отошли от ёго худыя мысли,
Отошли от ёго тогды дьяволе.

102. СТИХ ОБ АНТИХРИСТЕ

Кто бы, кто бы мне построил
Во темных лесах келию?
Кто бы мне поставил
Не на жительном бы месте,
Где бы люди не ходили,
Где бы птицы не летали,

Где тебе, Христу, угодно,
Где душам нашим на пользю?
Как во римской будет власти —
Злый антихрист народится,
Народится и воцарится.
Он пустит свою прелесть
По всей области вселенней,
Разоставит он свои сети
По всему миру крещеному,
Он исходит и прельщает,
В свои сети уловляет.
Сам Господь Бог проглаголет
И евангельским своим гласом:
«Вы, рабы мои, рабыни,
Православнии христиане!
Вы не весело ходите,
Не забых Бога живите
И от оного прелестника
Не будет вам уходу
Ни во градех и ни в заводех,
Ни в селех и ни в деревнех,
Ни во темных во лесах,
Ни во дальних пустынях.
Уходите вы, мои светы,
Вы во горы, во вертепы,
Вы во пропасти земныя.
Засыпайтесь вы, мои светы,
Вы пеплами и песками,
Еще мелкими хрящами.
Вы постойте, мои светы,
За крест и за молитву
И за веру християнскую.
Не уморю я вас, светы,
Голодною смертию;
Накормлю я вас, мои светы,
Единой крошечкой Христовой.
Напою я вас, мои светы,
Единой капелькой дождевой.
Подарю я вам, мои светы,
Подарочки драгие —
На главы венцы золотые,
И вселю я вас, мои светы,
Во прекрасный рай со святыми;
Огражу я вас, мои светы,
Своей рученькой Христовой».

103. ПОХВАЛА ПУСТЫНИ

О прекрасная пустыня!
Сам Господь пустыню восхваляет.
Отцы в пустынях скитались,
И ангелы отцём помогали,
Пророцы отцев прославляли,
И мученицы ублажали,
Апостолы святии величали.
О, прекрасная пустыня!
Отцы в пустыне пребывали
И дивиим овощием питались,
И с гор воды испивали.
Древа в пустынях выростали,
Различными цветы расцветали.
Ко древам птицы прилетали,
На кудрявыя ветви поседали,
Они райския песни воспевали,
Отцёв во пустынях утешали.
О, прекрасная пустыня!
Отцы у них Богу молились,
День и нощь Богу работáли,
Коленами к земли припадали
И слезы своя проливали;
И плоть они свою иссушали,
И наги в пустынях пребывали;
От солнца они опалялись,
От мраза они омерзали
И всякия скорби терпели.
Конец житию совершили.
Свои они души спасают,
От вечныя муки избавляют
И царство небесное восприемлют.
За весь мир Бога умоляют,
А нас они, грешных, обращают,
На чистое житие поучают.
И во веки веков, аминь.

104.

Видно, в мире жить скитаться —
Грехов не избыти!
Почему с ним не расстаться? —
Все могу забыти.

От красот я удаляюсь,
Мир претит мне суетой,
Никогда я не пленяюсь
Скоровременной красой.
Уж я с грусти и печали
Скроюсь в темные леса,
Взирать буду со слезами
Ко владыке в небеса.
Я во тех лесах дремучих
Со зверями буду жить,
Во пещере под землею
Буду рубище носить.
Тишина настанет в келье,
Окрест темные леса,
Не слыхать вокруг пещеры
Человечья го́лоса;
Только птицы воспевают,
Сладкопевцы соловьи.
Из моих глаз слезы льются,
Яко теплые ручьи.
Лейтесь, лейтесь, мои слезы!
Лейтесь из моих очей!
Вы едины мне полезны
В бедной участи моей.
Видно, сроду таковая
Моя участь и судьба.
Я прошу тебя, Создатель,
Не забудь мя до конца!

105.

Боже, жизнь мою управи
Всемогущею рукой
И от бед меня избави,
Даруй в пу́стыне покой!
Будь ты, Боже, покровитель
И заступник ты мне будь!
Будь мне, Боже, утешитель
И моих слез не забудь!
Я тебе молитву слезну,
Мой Создатель, возношу:
Тишину мне дай любезну,
Со смирением прошу!

106. СТИХ ПУСТЫННИЦЫ

Полно, дух, во мне мутиться
И пленяться красотой!
Лучше мыслью в рай пуститься,
Где Христос: он наш покой.
Прилети, душа, скорее!
Прилети, душа моя!
Воздохни к Богу жалчее,
Что мне нет спокойна дня.
Все нам горести лютые,
Скука мучит завсегда.
Без тебя, мой Бог, минуты
Веком кажутся. Беда!
Все я плачу и рыдаю
По тебе, Христос, как дочь,
Всю постелю возмочаю
От духов злых всяку ночь.
Полно ж, дух, во мне мутиться
И пленяться красотой!
Лучше мыслью в рай пуститься,
Где Христос: он наш покой!

107. РАЗОРЕНИЕ СКИТОВ

Что на юге и на севере
На восточной стране
Протекала река быстрая,
Река быстрая славна Керженка.
Что на той реке на Керженцу
Много было скитожителей,
Правыя веры ревнителей.
Как цвела там вера старая,
Вера старая, христианская;
Не менее двухсот лет
Изо всех стран собиралися,
Невозбранно жить поселялися.
Пустыня была всем прибежище,
А ныне нету нам убежища.
Первый был у нас на семействе,
Славный всеми был там славен,
Православьем был украшен,
Всем духовным благолепием.
У нас были здесь моленны,

Подобны они были раю,—
Сооружены святыми иконами,
Украшены духовным пением;
Службы были ежедневныя,
Молитвы к Богу непрестанныя.
У нас был звон удивленный,
Удивленный, аки гром гремел.
У нас было место блажное,
Нам везде казалось раем:
В рощах птицы воспевали,
Соловьи нас утешали.
И нас Господь посещает
Последние все дни прекращает.
У осьмотысящном веку в 361 году
Послал на нас Господь гнев свой,—
Гневы ярости — суд Божий:
По Божию попущению,
А по церковному повелению
Собирались, соезжались
Все к нам немилостивии судии,
Прочитали они нам указ —
От моленных нам был всем отказ.
Все часовни растворяли,
Храмы Божия розоряли,
Церковныя двери сымали,
Все святыя иконы отбирали,
Как жиды Христа вязали,
В Нижний Град отсылали.
В том же году через три месяца
Еще грянула на нас туча грозная,—
Прочитали нам второй указ,
Беспачпортницам от скита всем был отказ.
Высылают бедных, выгоняют,
По отечеству всех рассылают,
Все убогих и безродных,
Инок и скитниц 70 лет.
Но и еще они нам предлагали
И совет нам предавали:
«Не лишайтесь
И вси к церкви присовокупляйтесь.
Вам будет жизнь пространна».
И вси во един от нас отвечали:
«Не приемлем новой церкви,
Не нарушим свою веру,
Токмо мы ходим вси по воле,

Не имеем жизнь пространну
Ради душевного спасения,
Наших ради прегрешений».
Собиралися вси девицы
И младые крылошанки,
Вси плакали и рыдали,
Руце к Богу воздевали:
«Оле, оле, увы нам грешным!
Почто мы на свет уродилися?
Откуду прииде на нас
Такая неожиданная напасть?
Мы теперь должны будем
По чужим домам скитатися,
Мы теперь подобны будем
Праотцу нашему Адаму.
Праотец наш Адам изо рая изгнан бысть
Плоти ради вкушения,
А мы изгнаны быша
Своего ради прегрешения.
Увы наш прекрасный рай!
Прелюбезный и драгий скиту́!
Нам в тебе не быти,
Святыя службы не стояти,
Такия радости не видати,
Духовных песен не певати.
Восприимем ревность многу,
Припадем ко всещедрому Богу:
Боже, жизнь нашу управь
Всемогущею рукою
И от тоя беды нас избави,
Чтобы в мирских воинах не погрязнути,
Чтобы жить в мире, не погибнути.
Богом собранное стадо, —
Настал на нас час разлучения.
Кто нас старых пропитает?
Не своею волею разлучаемся,
А по царскому повелению.
Умолкнулось духовное пение,
Везде слышим плач и рыдания,
Младыя со старыми разлучение.
Кто нас старых припокоит?
Кто нас убогих пропитает?
Не своею волею разлучаемся,
А по царскому повелению».

108.

О, безмолвная мати пустыня,
Безмолвная, непраздословная,
Безропотная и нестроптива,
Смиренномудренная, терпелива!
Пришли тебя, пустыня, зажигати,
Со мною тебя, мати, разлучати.
Огню ты, мати, предаешися.
Со мною ныне расстаешися.
Душевное мое спасение,
Плотское мое оскорбление!
За то я тебя почитаю
И матерью называю,
Что ты льстивую плоть оскорбляешь
Души моея грехи очищаешь.
О, прекрасная мати пустыня,
Любезная моя другиня!
Бежал я прелестного мира,
В тебе, мати пустыня, водворился,
Со слезами я Богу молился,
Теперь ты меня высылаешь,
Отъити от себя благословляешь,
В которую страну посылаешь,
На коем ты месте водворяешь?
Прекрасная моя пустыня,
Любезная моя другиня!
Ныне я с тобой прощаюсь
И прочь от тебя удаляюсь.
Прости, моя мати пустыня,
Любезная моя другиня!
Пойду я по долам, по болотам
Искать островов непроходных,
Чтобы меня люди не находили
И мимо меня не проходили.
Пойду по горам, по вертепам,
По высоким холмам, по дубровам
Искать безмолвного места.
Ископаю земляную пещеру,
Чтоб и звери меня не находили,
Моему спасенью не вредили,
Только бы птицы пролетали,
Около пещеры глас пущали.
Их бы я, ленивый, наслушался,
Ото сна бы скоро пробуждался,

От лености бы не помрачался.
На том бы я месте водворился,
Во той бы пещере утвердился,
Со слезами бы я Богу молился,
Чтоб вновь от супостатов не разорился.
Стяжал бы я царство не земное,
Небесное царство вековое! Аминь.

109. СТИХ СТРАДАЛЬЦА

Здесь везде одно гоненье,
И пристанища нам нет,
Пытки, ссылки и сожженье
На кострах во цвете лет.
Цепь невинного страдальца
И несчастного томит.
Жить недолго остается,
Знать, судьба мне так велит.
Я страдаю в тяжкой доле,
Жду кончины дней моих,
А за что терплю я узы? —
Стару веру возлюбих.
Мне сказали — я преступник,
Но невинна жизнь моя,
Казнить ссылкой начертали,
Но Бог будет им судья!
Жалко родину оставить,
Позабыть все навсегда.
Отца с матерью лишиться,
Быть, как круглый сирота.
Вы прощайте, все родные!
Мне вас больше не видать,
Знайте, все друзья былые,
Мне в чужбине умирать.
Не златотканые одежды,
Будут кров мне — небеса,
Окружат могилу холмы
Да дремучие леса.
Но во гробе будет лучше:
Там престану я страдать,
Нежный голос мой умолкнет,
И не буду я стенать.

110. СТИХ О ПРЕКРАСНОМ РАЮ

Кто бы дал мне, яко птице,
Перья, равные крылам,
Полетел бы я в рай светный
И узнал бы, что есть там.
Но сего никак не будет,
Невозможно учинить,
Токмо горька смертна чаша
Может в небо преселить.
В сей ли день или далекий
Мне сию чашу испить
И с сего света на горний
Жизнь свою определить.
Что со мной тогда случится,
Не известен я весьма.
Токмо есть одна надежда —
Вера в Господа Христа.
Права вера и надежда
Много грешных душ спасла,
Покаяньем в согрешеньях
К Христу Богу привела.
Возвещает нам писанье
Ясно райские места:
Там растут и процветают
Вечно красные древа,
Все рождают, умножают
Снедь от сладкого плода,
Там летают, воспевают
Птицы райские всегда;
В рае нет ни дня, ни ночи,
Но свет светит, как звезда.
Наконец, в блаженном раю
У небеснаго Отца
Ни зимы нет, ни же лета,
Но всегдашняя весна.

111. ЕЩЕ СТИХ О ПРЕКРАСНОМ РАЮ

Раю, ты раю прекрасный,
Раю, ты раю пресветлый!
Сам Господь тебя сотворил есть,
Сам Господь тебя просветил в честь;
Раю, ты раю предивный,

Раю, ты раю пречудный!
Сам Господь тебя насадил весь,
Сам Господь наш дал твои яства есть.
Древеса в тебе благоплодные,
И все злаки в тебе благовонные,
Цветы в тебе пестротою сияют,
Птицы в тебе райския пречудно воспевают,
В тебе, раю, реки истекают,
Медом и млеком питают,
Сады чудные напояют
И всех святых услаждают.
Красота твоя, раю, пресветла,
Чистота твоя, раю, всепречиста,
Благоухание в тебе предивно
И сладко зело и пречудно!
Свет в тебе, раю, немерцающий,
Непрестанно ее просвещающий;
Доброта в тебе, раю, несказанная
И радость в тебе неизреченная.
Непрестанный в тебе день есть
И нощи в тебе вовеки несть.
В тебе, раю, восток сотворен бысть,
И дневный свет из тебе есть.
Солнце красное из тебе восходит,
Во вся концы лучи свои низводит,
Тварь всю веселием наполняет
И радость вселенной сотворяет,
Лучи и звезды из тебя сияют,
Нощную тьму земли просвещают.
В тебе, раю, палаты чудны возведены
Из злата чиста и серебра сотворены,
В тебе дворы зело лепные,
Престали в тебе зело светлые,
Блистанием вся озаряют
И на венцах праведников сияют.
О, пресветлый ты Эдеме!
Прекрасный ты Божий доме!
Прими мя от сия пустыни
В свои пречудныя райския густыни!

112. СТИХ О ЮНОСТИ

Горе мне, увы мне
В юности, во цвете!
Сам не понимаю.

Как мне жить на свете.
Плоть моя желает
Больше согрешити,
А душа жаждает
Царство получити.
Юность, моя юность,
Младое ты время!
Быстро ты стрекаешь,
Все грехи сбираешь,
Душу погубляешь,
Злых дел прибавляешь.
Где бы мне не надо,
Ты везде поспела!
Очи много видят,
Уши много слышат,
Руки много грабят,
Ноги много ходят.
Как с тобою, юность,
Мне закон хранити?
Ты так скоротечна,
Как конь необуздан,
К злому поспешаешь,
Бога забываешь.
Как тебя я буду,
Юность, провождати?
Как ти угождати
И себя спасати?
Наше угожденье
Для душ повреждение.
  Юность, моя юность,
Младое ты время!
К Богу ты ленива,
Ко греху радлива,
По тебе мне жити —
Бога прогневити.
В том бы не постигла
Смертная кончина?
На суде на Божьем
Идут две дорожки,
По обем дорожкам
Много людей пойдет.
Первая дорожка
Имеет страх Божий,
Истины храненье,
Бога прославленье,—

Тем она приводит
В небесное царство.
Другая дорожка —
Имать свою волю,—
Тем она доводит
До кромешной муки.
Юность, моя юность,
Младое ты время!
Ты меня отводишь
Со десныя стра́ны.
  Юность возбудилась,
Вне себя явилась,
В разум приходила,
Слезно говорила,
Громко восклицала,
Умильно вещала:
«Кто добра не хощет,
Кто худа желает?
Разве злу соперник,
Добрых дел противник?
Я бы весьма рада,
Сила моя ма́ла,—
Езжу на лихом коне,
Конь мой необуздан,
И смирить мне нечем,—
Вожжи оборвались.
По горам, по ямам
Прямо конь стрекает,
Всадника сбивает,
Ум мой повреждает.
Вне ума бываю,
Что творю, не знаю.
Вижу я погибель,
Страхом вся объята,
И сама не знаю,
Чем коня смирити.
Вот когда случится,
Конь мой усмирится,
В руки возьму вожжи,
Буду направляти
Ко пути смиренну,
Для души полезну,
Бога прославляти
И себя спасати».

113. СТИХ О УСЕРДНЫХ И ВЕРНЫХ ПРИХОЖАНАХ В ВЕЛИКОРОССИЙСКУЮ ЦЕРКОВЬ И О ИХ УЧИТЕЛЯХ

Кто несмыслен, как скотина,
И имеет нрав зверей,
В том нечистая вся тина,
Нет евангельских дверей.
Кои всех животов свирепых
Дерзостью нрава превзошли
И обычаи все нелепые
Явно в церковь привнесли.
Тут тот верной християнин,
Не имеет кто власов
И остригся, как поганин,
И стоят, как у бесов.
И тот тут первый християнин,
Кто обрил себе браду,
Обругался, как латынин,
И это дело всем в виду.
Эвти глаженые люди
К тайнам ходят — не рядя́т,
А всегда ли чист он будет,
О том ни мало не радят...
Церковь-мати их приемлет,
Тех всех верныех людей,
Яко чадов всех объемлет,
Всех богатых и судей.
А кто добрых всех лишившись,
Тот и верен есть для тех,
Табак курити научившись,
Православнее тот всех.
Табаку с собою взявши,
В храм молитвенной пойдут,
На колену там припадши,
Славу Богу воздадут.
Как придут в храм помолиться
Те злосмрадные козлы,
Табаком воня явится,
Где стоят тут те ослы.
Тут и женский пол яви́тся
Со развитым волосам,
От ко́их весь вред родится,
В тех жилище есть бесам.
Нет различья жен с мужами
Ради вида волосов,

Не стыдятся пред мужами
Обнажить всех волосов.
  С сатанинскими приборы
Дамы с модами придут
И различными уборы
Иноземцев превзойдут.
  Кто похулит праву веру,
Тот им верный и слуга,
Кто беспечен есть без меры,
Тот и следует туда.
  Кто отец святых ревнитель
Их преданию всегда,
От Нико́новых любитель
Такой ху́лим завсегда.
  Все их дело и правленье —
Стару веру нарушать,
Только в том и утешенье —
Табаком нос забивать.
  В том их подвиги и меры —
Нарушать святых посты...
Те учители-лицемеры,
Одна речь, одне хвосты.
  Наруши́ть святых преданье,
Не имеет в том беды,
Ради Спаса тех страданья
Потерять их и следы...
  Все учения там новы,
Нет там древности следа.
Всем чинам там перемена,
Как не быть у них вреда?

114. ОБ АЛЕКСАНДРЕ II

  Мы подумаем, друзья,
Про белого царя.
Милостивый государь,
Александр Второй царь,
Вон с любовию радел,
Всем свободы дать хотел,
Под крылом, ўсех держал
И отказны́х ўсех збавлял,
Все законы исправлял,
Слышал бедных людей стоны,
Сам на помощь поспешал,
Всех злодеев съукрощал.

Стали злодеи суд судить,
Как бы царя истребить.
Много казны спотребили,
Отчайных подкупили,
Дали им в руки горнаты.
Оны от Бога прокляты,
Везде мины подводили,
Государя истребили.
Каравул везде стоял,
Государя сохранял.
До марту первого числа
Господь сохранял царя.
Марту первого числа
Жизнь скончалась государя́.
Проявился первый вдар,
Государя миновал;
Проявился второй взрыв —
Государя споврразил.
Спровраженный царь упал,
Жалобно слово сказал:
«Подымите меня, дети,
Знать, отжился я на свети,
Знать, скончалась жисть моя!»
За народною толпой
Не видать было, отколь
Там его горька страсть была,—
С государя кровь лила.
Слуги его к государю доступали
Под белы руки подняли,
На руках царя вздержали,
Слезно плакали-рыдали:
«Что ты наш батюшка, земной Бог!
Ты лишился своих ног!
Добро нам ўсем творил,
За то свою кровь пролил!
Ты наш батюшка, государь-отец,
Несем тебя во дворец».
При дворцы ўси стояли,
Слезно плакали-рыдали,
Черный травур надевали,
О покой души сказали,
Черны хвлаки опустили,
Царску смерть возвестили.
Как возвестили на владык указ,
Полилися слезы с глаз;

Как отбили телеграм,
Затмение солнца нам;
Там было свету и светилы,
Земли было потрясенье,
По всем по городу по Питеру тревога,
Государю стражды много.
Как нам вздумать и взгадать,
Как на царя руки взнять?
  По всем святым церквам,
По соборам подзвонили,
Погребение служили,
Прослужили шесть недель,
А нам зда́лось — один день.
Солнечныя лучи повскрылись,
Государя мы лишились.
Давайте мы, братие, Бога молить:
Как сына примудрить,
Как сын пойдет по делам отцу,
Произведет дело к концу.
  Слава Богу и царям держава,
И во веки веков, аминь.

115. СТИХИ О СМЕРТНОЙ ПАМЯТИ

О коль наше на сем свете
Житие плачевно,
Коль скоро и коль кратко,
Аки однодневно.
Родимся мы на свет наги,
Облиты слезами,
Растем в болезнях и скорбях,
Случаях печальных.
А что ж потом последует?
Ах, страшно сказати!
Смерть люта острым серпом
Имеет пожати,
А когда и в кое время,
Никак неизвестно.
Придет нощию, аки тать,
Возьмет нас нечестно,
Поведет во гроб и землю,
Во темныя жилища,
Отдаст червям и глаголет:
«Ешьте, вот вам пища».

Ужель не страшно о сем слышать,
Бедные человеки?
Простите вы, простите,
Временные веки.
Сколько было на сем свете
Мудрых патриархов,
Великого жития
Святых иерархов!
Македонский Александр
Ужасен был в мире,
Многих царей одолел
В крепкой своей силе;
Многия царства покорил
Славный Кир, царь перский;
Целым светом завладел
Август кесарь римский;
Проникнула во всем мире
Петра Великого слава,
Но и тех сильных царей
Смутить не убоялась.
Яко к простым и нехрабрым
Под жизнь их подкралась.
Не надейтесь, богачи,
На то, что вы богаты,—
Не запрут вас от смерти
Каменные палаты.
Не надейтесь вы, сильные,
На тщетную силу,—
Потеснит вас лютая смерть
В темную могилу.

116.

Чу! уныло завывает
Томный звон колоколов,
Знать, родного провожают
Спать надолго средь гробов.
Скоро ль, долго ли с землею
Мы сроднимся, не минем,
Может, завтра же с зарею
Я усну таким же сном,
Может, завтра погребальный
Звон раздастся надо мной,
Повторится стих прощальный:
Со святыми упокой.

Ни отец, ни мать родные
Не поплачут надо мной,
И на гроб чужие руки
Кинут горсть земли сырой.
И никто на той могиле
Никогда не посидит,
Разве чижичек унылый
Над ней с трелью покружит.
Разве близ моей могилы
Кто из странников пройдет
И, уставши, на зеленом
Дерне сядет отдохнет.
Хоть и есть друзья былые,
Но вспомянут ли о мне?
Погрустят ли, нет родные
Там в далекой стороне?

117. ГОРА АФОН

Гора Афон, гора святая,
Не знаю я твоих красот
И твоего земного рая,
И под тобой шумящих вод.
Я не видал твоей вершины,
Как шпиль твой впился в облака,
Какие на тебе картины,
Каков твой вид издалека.
Я не видал, гора святая,
Твоих стремнин, отвесных скал
И как прекрасна даль морская,
Когда луч солнца догорал.
Я рисовать тебя не смею,
Об этих чудных красотах
Сложить я песню не умею —
Она замрет в моих устах.
Одно, одно лишь знаю верно
Я о тебе, гора чудес,
Что ты таинственна безмерно
И недалека от небес.
Я знаю, кто тобой владеет,
Кому в удел досталась ты,—
Тебя хранит, тебя лелеет
Царица горной высоты.
Царица, дивная царица

Народов всех и всех племен;
Она Христа Царя денница,
Разрушила твой темный плен.
Сквозь сумрак древности глубокой
Я вижу, грешный, как теперь:
Корабль несется одинокий,
На нем царя-пророка дщерь;
Несется он из Палестины,
На остров Кипр его полет.
Вдруг — ветр, волнуется пучина,
Корабль к Афону пристает.
На вопль кумиров Аполлона
Спешат Марию все встречать,
И узнают толпы Афона
В ней Бога истинного мать.
«Сия гора,— рекла Царица,—
Да будет жребием моим,
Отсель прострет моя десница
Всегдашний кров над местом сим.
Здесь благодать польется чудно
И милость сына моего.
Для жизни сей достать не трудно
Достаток нужного всегда.
А там тебе, афонский житель,
Слуга мой, верный раб Христа,
Готова райская обитель,
Награда веры и труда.
Сего я места не забуду,
Всегда заступница ему,
О нем ходатайствовать буду
Во веки к сыну моему.
Обет царицы сладкозвучный
Сбылся и зрится в чудесах.
Она с Афоном неразлучна,
Афон всегда в ее очах.
И лик свой там она являет,
Беседует к рабам своим,
Сама судьбой их управляет
И бдит над бытом их земным.

118.

Умоляла мать родная
Свою милую дитя,
Пред кончиною рыдала

О судьбе ее грустя:
«Распростись со мной навеки,
Ненаглядный мой цветок!
Скоро будешь сиротою
Цвести в поле ты одна.
Мне минута наступила
Тебя навек спокидать,
Скоро хладная могила
У тебя отымет мать.
Ты, звезда моя, денница,
Пожалей своей красы,
Не сгуби себя, девица,
Не плети ты две косы!
Не меняй волю златую
На прелестные цветы,
На богатство, честь земную,
На заботы, суеты.
Ты теперь хошь не богата
И в народе не славна,
Навек птичка ты крылата,
Беспечальна и вольна.
Не забудь сего, девица,
Твой жених — небес творец,—
Вовек будешь как девица,
С ним ты пойдешь под венец —
В рай пресветлый на востоке,
Вечной радости страна,
Не замеченным в пороке
Будешь девам отдана.
Лучше царских там палаты,
Вертограды и сады,
Терема, чертоги златы,
В садах дивные плоды;
В рощах с чудными древами
Всегда ангелы поют,
Плавно катятся там речки,
Чище слез воды́ струи.
Ты вселишься там навеки,
Дочь любимая моя.
Там не жди беды, напасти
И печали никакой,
Все погибнут наши страсти,
Но лишь радость и покой.
Ты, звезда моя, денница,
Пожалей своей красы,

Не губи себя, девица,
Не плети ты две косы!
Ты люби, люби себя же,
Дочь любимая моя, —
Не забудь сего, девица,
Ты послушай свою мать!
Рай пресветлый сего света, —
Я тебя там буду ждать».
Мать последний раз вздохнула,
Оградившися крестом,
На девицу раз взглянула
И уснула вечным сном.
Не забыла дева слова,
Помнит материн совет,
Без препятствия земного
Она жизнь свою ведет.

119.

Если в жизни измучен бываешь
И труды не по силе тебе,
Если тяжко душой ты страдаешь,
Изнывая в неравной борьбе,

Если вера тебя покидает
И надежда начнет оставлять,
Если сердце от боли рыдает,
На судьбу тогда станешь роптать.

Если сил не хватает порою,
В Божий храм поскорей поспеши,
Приходи, пред иконой святою
Помолись, помолись от души.

В Божьем храме найдешь облегченье
От тяжелых трудов отдохнешь,
Все твои разрешатся сомненья,
Как ты душу в слезах изольешь.

Ты с надеждой и верой святою
Будешь жизненный путь проходить,
Если встанешь во храме с мольбою
Утешенье себе находить.

От унынья молитва спасает,
Сил для жизни она подает,
Веру людям она подкрепляет,
Всяк в молитве отраду найдет.

120. ПРОСНИСЬ, ДУША

Пора тебе уж пробудиться,
О бедная душа моя,
Должна ты снова возродиться,
Конец приходит бытия.

Восстань! — глас внутренний взывает,
Да пощадит тебя Христос,
Кто все собою наполняет
И все за грешных перенес.

Ты спишь, душа, и ангел света
Стоит и тихо слезы льет,
Ты спишь, греховной мглой одета,
А смерть тебя, как жертву, ждет.

Она придет, как гость незваный,
В себе весь ужас затая,
И в час неведанный, незваный...
Проснись, проснись, душа моя!

Ты спишь забвенно и беспечно,
Ты спишь в несчастной суете,
А время льется скоротечно,
И мы идем к своей череде.

Страшись греха, он постепенно
Тебя ужалит, как змея,
Взгляни — зияет уж геенна...
Проснись, проснись, душа моя!

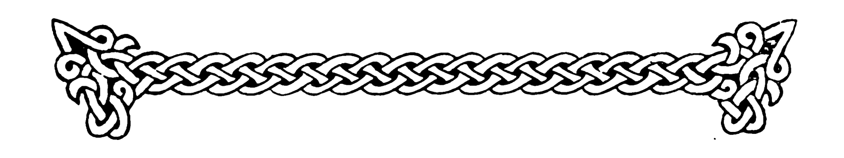
Восстань и вспомни хоть мгновенья,
На ложе мрачное взгляни,
Почувствуй стыд и униженье
И сон греховный отгони.

Господь давно к тебе взывает,
Его ты светом озарись;

Смотри, он длани простирает...
Душа, душа моя, проснись!

Ты спишь, а враг твой бдит всечасно,
Ты спишь, а бездна под тобой.
И Божий гнев, как гром ужасный,
Гремит над грешной головой.

Он скоро, скоро разразится,
Иссякнет благости струя,
А дверь спасенья затворится...
Проснись, проснись, душа моя!



ПЕСНИ СЕКТАНТОВ-МИСТИКОВ (ХЛЫСТОВ И СКОПЦОВ)

121.

Здравствовал батюшка,
Ликовался сын Божий возлюбленный,
Гость богатый в Риме-Иерусалиме.
В каменной Москве
И в верховой сторонушке.
А в ту-де пору сошел он
С небесной высоты в небесных пеленах
К диакону в омет с соломой.
Рано утром диакон пошел за соломой
И стал крюком солому дергать.
Но только что запустил крюк в солому,
Слышит он голос отрока:
«Диакон, дьякон, потише, глаз не выколи!»
Диакон изумился,
Запустил крюк в солому другой раз,
И снова голос говорит ему:
«Потише, дьякон, глаз не выколи».
И так три раза было.
После этого дьякон поспешил омет разобрать
И нашел в соломе-то
Младенца в небесных пеленах.
Скорехонько взял его и принес домой,
Развернул там небесныя пелены,
Смотрит — мужеск пол.
Испугался да скорее к попу.
Прибегает туда и говорит ему:
«Батюшка, я в омете младенца нашел».
А в ту-де пору-времячко
В стародубской сторонушке
Жил благочестивый человек,
По имени Тимофей Суслов.
Человек он был богатый,
Только детей у него не было.

Вот поп-то и говорит диакону:
«Неси ты его, свет, к Тимофею Суслову,
Да скажи, чтобы кýма-то
Взял он встречного».
Суслов младенчика принял
И понес крестить.
  Идет это он с младенцем-то,
А сударь батюшка катит
Навстречу на белом коне.
Суслов к нему и говорит:
«Добрый человече!
Мне Бог сына послал,
Так не окрестишь ли?»
Батюшка согласился,
Подкатил он к церкви,
Коня к ограде привязал,
А сам в церковь вкатил.
Тем временем в церкви
Все к крестинам приготовили,
А поп-то вошел в алтарь
Да и замешкался.
А сударь взял младенца-то,
Да и окрестил его,
Не допустил до скверных
Поповских-то рук.
Поп из алтаря-то выходит,
Глядь — кум младенца-то окрестил уж;
Он и давай кричать:
«Кум, кум! Что ты делаешь?»
А сударь-то и говорит:
«Я не здешний, меня позвали
Младенца крестить, я и окрестил,
Думал, мне крестить-то надо».
Тут поп видит — делать нечего
И говорит: «Ну уж видно все равно».
Младенца назвали Иваном.
А батюшка выкатил из церкви,
Сел на коня и поднялся
В небесную высоту.
На том у батюшки
И суд Божий исполнился.

122.

Как по морю, морю синему,
По синему морю по Хвалынскому,
Плывет, выплывает тут большой корабль,
На кораблике построен муравшин чердак,
На чердаке построен был христов престол;
За престолом ликуется свет небесный царь, богатый гость.
Как на батюшке кафтан — сер пониточек,
На кафтанчике пуговки ольяшныя,
В его пуговках залито по люту зверю,
По люту зверю, по индырчику.
Как наш батюшка по кораблику покатывает,
Он рукавчиком по пуговкам поваживает,
Как ольяшные его пуговки раззвенелися,
И во пуговках люты звери разревелися,
За ними выплывает легка лодочка,
И во лодочках гребцы — воровские казаки;
И хотят они большой корабль поразграбить и разбить,
Прибыль и наживу по себе разделить.
Как золотая трубонька, проглаголовал
Наш батюшка небесный государь:
«Не бегите, не топитесь, воровские казаки,
И во первой-то вине вас Бог простит,
А вперед вы, мои други, так не делайте!»

123.

Уж во садике,
Во зеленоим,
И во тереме,
Во высокоим,
Что сидела тут
Красна девица.
Сидючи, она
Думу думала —
Слезно плакала:
«Государь ты мой
Родимый батюшка!
Ты пожалуй-ка мне
Уж добра коня,
Богатырского,—
Перевез бы меня
Тот добрый конь

Через реченьку,
Через огненну;
Перевез бы он
Чрез сине море;
Он довез бы меня
До царствия,
До того раю
До блаженного!»
Проглаголывал
Сударь батюшка:
«Ты душа ль моя
Красна девица!
Уж к чему тебе
Да добра коня —
Богатырского?
Ты проси себе
Чиста серебра,
И еще проси
Красна золота,
И проси себе
Крупна жемчугу!» —
«Государь ты мой
Родимый батюшка!
Рассуди, сударь,
Про сие дело:
Уж к чему-то мне
Чисто серебро?
А еще к чему
Красно золото?
Да еще к чему
Бел крупен жемчуг?»
Проглаголывал
Сударь батюшка:
«Ты душа моя
Красна девица!
Чисто серебро —
Чистота твоя;
Красно золото —
Красота твоя;
Бел крупен жемчуг —
Из очей твоих
Слезы катятся,
Ко батюшке
В небо просятся!
К Отцу, Сыну,

Ко Святому Духу,
К Святой Троице,
И до царствия
До небесного,
До его раю
До блаженного!

124.

Уж не стук, други, стучит перед тучей грозной;
Уж не гром-от гремит перед дождичком сильным;
Как не лист по траве расстилается,
А живая-то вода разливается,—
А гостиный сударь-сын подымается,
Подымается, надежда, снаряжается,
Снаряжается, низко кланяется,
Низко кланяется, благословляется:
«Благослови, мой государь, сударь батюшка родной,
Походить, погулять, поутешиться,
А святым полным духом поувериться,
Походить, погулять по всем дальным сторонам,
По уездам, городам и по селам, деревням,
По садовым деревам, по большим кораблям,
Где бы место изобрать, собор-церкву построять,
Верных-праведных сбирать,
Верных-праведных сирот
Во свой Божий во синод;
Изоставлю коностаты [иконостасы]
Все серебряные,
Изнавешу я лампады
Позлащенныя,
Засвечу ли я свечу
От сердечной теплоты,
От христовой доброты;
Уж не те мои свечи,
Кои в церкви во бревнах,
Уж как те мои свечи,
Кои в сердце, в ребрах,—
Свет — любовь, любовь Божия,
Свята истинная и воистинная.
Кому батюшку любить,—
Во злату трубу трубить,
Ему в милости ходить,
Всем верным послужить».

Свет — любовь, любовь Божия!
Свята истинная и воинственная!
Кабы то не Бог еще,
Кто бы нам помог?
Уж и где бы нам бывать —
Верных-праведных видать?
И видом бы не видать
И слыхом бы не слыхать.

125.

«Благослови нас, сударь батюшка родной,
Повели нам, гость богатый, дорогой,
Сказать нам про твое шествие, про бытье,
Как про нынешнее время, про житье,
Как приходит на нас грешных забытье:
Забываемся мы в разуме, в уме.
Мы поставлены на дорожке, на пути,—
Обещались служить, батюшка, тебе,
И душами и плотями отдались,
Сколько мочи, сударь, силы нашей есть,
Мы повинны пред тобою, сударь, снесть.
А нам надобно советывать совет
И про батюшку Небесного Царя,
Как даны то нам не малыя дела».—
«Вы несите, други, царски знамена.
Не отказал сударь от царства, от ра́я,
Записал сударь все ваши имена,
Во свою государь животную книгу,
Во своей государь палате судовой,
Во своем государь престоле на столе,
В государевом печатным дворе.
Вы кладите свету-батюшке труды,
И не отойдут от его, света, судьбы.
И он сам, сударь, садил свои сады,
Он пречистой своей кровью поливал,
Он небесным покровом покрывал,
Он ко всякому деревцу припадал,
И он сам, государь, глаголует, речет:
«Вы ростите, мои зеленые сады,
Вы цветите на древах, белы цветы,
Вы постойте, мои последни сироты,
Подержитесь вы телесной чистоты,
Тем дойдете до небесной высоты,

Там получите душевной красоты».—
«Как прислалася от батюшки к нам весть:
Обещался за работушку, за честь,
Благословил Евангель свой прочесть,
Отдадимте мы Святому Духу честь».

126.

Про меня младу худа слава лежит,
Худа славушка, не очень хороша,
Будто я с Богом знаюся,
Со Святым Духом в совете живу;
Уж кто с Богом-светом знается,
Тот голосом навоется,
У того всегда печаль в дому,
Сердечушко обливается кровью.
Уж тошно мне, тошнешенько,
Еще грустно мне, грустнешенько,
К батюшке в гости хочется.
К реке пришла — перевозу младой нет;
Все мосточки размостилися,
Перевозчики отлучилися.
Пришло младой хотя плыть, хотя плыть,
У батюшки в гостях быть, таки быть;
Пришло младой обмочитися,
У батюшки обсушитися.
У батюшки нова горница во саду,
У батюшки много гостей во дому;
На святом круге гуляет государь,
Родослов-книгу читает государь.

127.

Не золота трубушка вострубила,—
Проглаголовал наш батюшка Небесный Царь
К верным рабам, к последним сиротам:
«Уж вы верныи рабы, вы последни сироты,
Послужите Богу мне верой-правдой на земле,
Без обмана, безо лжи, со всей истиной;
Подымайте знамена на последни времена».
Как далеко, далеко в зелененьких лугах
Ликовала наша матушка помощница,
Пресвятая Мать Богородица,
С любимым полком израильским,
По зелененьким лужочкам покатывала,
Из пречистых своих уст проглаголовала:

«Зеленейся, зеленейся, мой зелененький лужок,
Вы цветите, расцветайте в саду, алые цветы,
Уж ты спей, созревай в саду, белый виноград,
До время, до поры — до студеной до зимы.
Как исполнится у батюшки и время и пора,
И время и пора — его страшный Божий суд,
Как вострубит государь во двенадцать своих труб,
А сыра земля потрясется вся.
Небеса-то, мои други, поколеблются,
На земли-то Божьи люди перепугаются;
Не могут они стоять на резвых своих ногах,
Как станет, мои други, вся вселенна стонать;
Хочет государь всей вселенной потрясти,
Некому будет всю вселенную спасти;
Не хочет государь за вселенную стоять,
Только хочет он стоять за детушек своих,
За верных, за святых и за праведных».

128.

Как у нас было на тихом Дону
У богатого хозяина в дому,
Среди его широкого двора
Стояла тут новая горница,
Столовая светлая светлица.
Как в этой новой горнице,
В столовой светлой светлице
Собирались братцы батюшки,
Сестрицы белы голубушки,
Богом святым полюбовные,
Святым духом избранные,
Избранные, созванные,
Детьми Божиими названные.
Как гуляет по горнице батюшка,
Он такия речи говорит:
«Послушайте, мои детушки,
Уж какой же я вам суд-то засужу,
Путь-дороженьку в царствие покажу.
Уж и кто же с Богом водится,
По ночам он Богу молится,
Своим сердцем надрывается,
Живот кровью обливается,
Сердечный ключ подымается.
Хоша сердцем надрывается

И слезами умывается,
За то в небе великая ему честь,—
На престоле ангельском будет сидеть.
А кто с Богом-то не водится,
По ночам Богу не молится,
Хоша, други, он не молится,
За то много на нем спросится,
Тяжело ему ответ будет держать,
На том свете в темноте будет лежать.
Ей, ей, батюшка, святой, сударь, дух,
Утешитель душам истинным,
Утешитель Божьим-праведным!»

129.

Ай, кто пиво варил?
Ай, кто затирал?
Варил пивушко сам Бог,
Затирал Святой Дух.
Сама матушка сливала,
Вкупе с Богом пребывала;
Святы ангелы носили,
Херувимы разносили.
Херувимы разносили,
Серафимы подносили.
«Скажи ж, батюшка родной,
Скажи, гость дорогой!
Отчего пиво не пьяно?
Али я гостям не рада?
Рада, батюшка родной,
Рада, гость дорогой,
На святом кругу гулять,
Бога-света прославлять,
В золоту трубу играть,
В живогласну возносить!
Богу слава и держава,
Во веки, аминь.

130.

Ой, во саду, саду, во саду зеленом
Стояло тут древо от земли до неба.
На это на древо птица солетала,
Птица-голубица древо любовала,
Древо любовала, гнездышко свивала,
Гнездышко свивала, детей выводила,
Детей выводила, деткам говорила:
«Уж вы, мои детки, детки голубятки!
Клюйте вы пшеничку, клюйте не роняйте,
Во поле не летайте, в пыли не пылитесь,
В пыли не пылитесь, росой не роситесь!»
Детки не стерпели, в поле полетели,
В пыли запылились, росой заросились.
Уж как-то нам быть, к батюшке притить?
К батюшке притить, слезами залиться!
Авось наш батюшка до нас умилится!

131.

Под высоким небом, серéдь земли,
Вырастало древо кипарисное.
Вокруг древа вырастали алы цветики,
Прилетали пташечки, пели они песенки,
Царския песенки, райския.
Наступила пора, время лютое,
Холодное, морозное.
Из того ли стада птички
Брали ясного сокола за оба крыла.
Повезли сокола со царского двора,
Посадили сокола в тесну клеточку,
Не услышат от него люди Божьи весточку,
Станут детушки сокола поминать,
Станут слезно плакать и рыдать,
А неверныя душеньки в землю зарывать.

132.

Уж ты мать моя, прекрасная Москва,
У тебя, Москва, забавы хороши.
Я в тебе, Москва, забавушку имел,
Я по каждый час ягодки ел,

Хоть не каждый час мне батюшка давал.
Сударыня родная матушка моя
Отъезжает в чужу дальнюю страну,
Разлучает меня с батюшкою.
Мне расстаться с ним не хочется.
Хотя есть у меня духовная родня,—
Не велят мне часто в гости к ней ходить,
По все времячко в печалях, в скорбях жить.
Призасох, заблек зелененький садок,
Призавяли все лазоревы цветы,
Приуныли райски пташечки в саду петь.
А я, молодец, в неволюшке сижу,
Как соловьюшек во клеточке, во серебряной сеточке.
Мимо царского окошечка пролетала райская пташечка.
Свет аминь Царю Небесному, Святому Духу
блаженному.

133.

Уж как по морю, по морю,
По синему морю,
По Хвалынскому и житейскому
Плыли-выплывали гости-корабельщики
Из дальних городов, израильских родов.
Приплывали гости
К Иерусалиму-граду, к каменной Москве,
Приходили они к земляной тюрьме.
Стали они караульщиков спрашивать:
«Ай вы, гой еси, караульщики!
Что у вас это за темницы стоят?
Что в темницах за невольники сидят?
Про что вы их бьете, про что мучаете?
Что на них пытаете, чего спрашиваете?»
Тут ответ держат караульщики:
«Ах вы, братцы-корабельщики!
Их про веру бьют Божью истинную,
На них спрашивают самого Бога Христа».
Стали гости между собой сглядываться,
Золотой казной стали складываться,
Выкупать стали, выручать
И на волю выпущать.

134. ОТКУДА ЧАЙ И КОФЕ, ТАБАК И КАРТОФЕЛЬ

Здравствовал батюшка,
Ликовался сын Божий,
Гость богатый, царь небесный,
Судья милосердный,
Возлюбленный, милостивый
На матушке сырой земле,
В каменной Москве,
В Московском царстве,
В Иерусалиме своем небесном.
Изволил батюшка
После своего успенья
И святого воскресенья,
Изволил батюшка
С неба на землю скатиться
И гостем богатым объявиться.
И стал батюшка набирать к себе
Полки верных-праведных,
Молодцов неженимых
И девиц незамужних,
Мужчин и бабух.
И стал он им
Ученье правое воздавать,
А грех-безделье заповедывать.
А в ту-де пору-время
Ненавидящий по земле ходил,
И нельзя ему было
Подойти к палатушке,
Где батюшка был.
Где батюшка ликовался
С праведными-то,—
На тридцать верст
Земля была святая.
Тогда-де ненавистник
Пошел к нечестивой бабе
И надергал у нея шерсти,
И обвертел ей свои ноги,
И образовались у него
На ногах-то валенки;
В них-то он и подошел-де
К палатушке и выслушал,
Что батюшка глаголовал,
Ученье правое воздавал,
А грех-безделье заповедывал.

А как услышал он это,
Кинулся-де он от палатушки,
Выбег на выгон, а на дороге-то
И стряхнул он свои валенки.
А мир де народ поутру-то
Пошли и поехали,
И те валенки увидели и дивились:
Гляди-ка, куда какое дело!
Они-де с этих валенок манер сняли
И с тех пор также сапоги валять стали.
Ненавидящий-де в то время
Полетел к самому иерарху в преисподнюю
И говорит ему, князю бесовскому:
«Князь, ты ничего не знаешь?»
Тот отвечает: «Нет, я ничего не знаю».—
«Ведь опять Бог-то на землю скатился
И гостем богатым объявился».
А сатана-то и спросил его:
«А что де он делает?»
А ненавидящий ему отвечает:
«Он-де набирает полки
Молодцов и девиц, мужчин и женщин
И ученье правое им воздает,
А грех-безделье заповедует;
Что же мы-то теперь будем делать?»
А сатана-то отвечает:
«Надо на земле насеять
Чай и кофе, табак и картофель».—
«А где же семена-то взять?» —
«Вот где: в первое-де времячко,
Когда Сын Божий еще
В Иерусалиме ликовался,
И так же собирал к себе
Полки праведных,
Молодцов и девиц, мужчин и бабух,
К нему-де на христову
Апостольску беседушку
Шли молодец с девицей,
Да они-де дорогой-то блуд сотворили,
И их-де за это Бог
Живыми в преисподнюю и спустил,
У них-то-де теперь и растут эти семена-то».
И послал-де сатана
Двух самых злющих из диаволов
И велел им семена те принести.

А они-де целых три дня палились
И в преисподнюю спустились,
И нашли-де тех молодца и девицу,
И нашли у них те злыя семена.
У молодца-то...
Растет табак и картофель,
А у девицы-то...
Чай и кофе.
И они-де ненавистники
Из преисподней те семена вынесли,
И на земле-то насеяли
И сатане о том сказали.
А сатана-то и говорит:
«Теперь-де молодые-то
Будут курить табак,
Пить чай и кофе и есть картофель,
Будут наши, а старые-то
Их будут осуждать
И нам же угождать.
Так-де и сойдут все к нам».
  А батюшка сударь,
Сын-то Божий
Узнал духом-ти своим святым,
Что ненавистники
На земле те злыя семена посеяли,
Изволил батюшка проглаголовать
Своим верным-праведным:
«Послушайте-ка вы, верны-праведны,
Кто из моих Божьих людей
Будет курить табак,
Пить чай и кофе и есть картофель,
То как бы он ни молился,
Как бы ни постился,
Хотя бы как свеча теплился,
А быть ему в отпадшей силе».
  И на том у батюшки
Суд Божий исполнился.

КОММЕНТАРИИ

В книгу вошли духовные стихи, записи которых велись с XVIII по 70-е гг. XX в. Собиратели придерживались разных принципов фиксации произношения и особенностей исполнения, при печатании текстов не было единства в их графическом оформлении. При перепечатке введена современная орфография; внесены незначительные коррективы в фонетические записи: например, слова *сирьдечныя, приежжать* передаются как *сердечныя, приезжать;* допущены отдельные изменения в морфологии: окончания прилагательных и притяжательных местоимений муж. р. в род. п. *-аго, -яго* передаются как *-ого, -его* (но оставлены в тех же категориях жен. и ср. р. окончания *-ыя, -ия*). Пунктуация дана в приближении к современным нормам; прямая речь заключается в кавычки; если она не начинает эпизод, красной строкой не выделяется. В единичных случаях недостающие для понимания смысла стихов составителем введены слова (они заключены в квадратные скобки).

В источниках встречаются различные написания одних и тех же личных имен и географических названий. Литературная форма имени — *Иисус*, но старообрядцы не признавали двойного *и* в начале и говорили *Исус* (следовательно, сохранение такого написания имеет принципиальное значение); последняя форма была распространена в разговорной речи не только у старообрядцев. Или: в источнике встречаем Димитрий и Дмитрий, Салымский, Салынский, Солунский; разные написания имен и географических названий не исправляются.

В эпических стихах выделяются (красной строкой) эпизоды (что не во всех источниках сделано).

В сборнике 14 разделов. В большинстве из них объединяются стихи, единые по тематике («Змееборцы», «Мученики», «Подвижники») или по основным персонажам («Евангельские сюжеты»). Необходимость учета истории христианства в Средиземноморье и на Руси не позволила последовательно выдержать тематический принцип систематизации духовных стихов. Так, в разделы «Персонажи и сюжеты из Ветхого завета», «Сюжеты из древнерусской истории», «Из старообрядческой истории. Новые стихи», особенно в раздел «Песни сектантов-мистиков» вошли весьма разнородные по темам произведения. Старшие и младшие стихи, деление на которые ранее отмечено, распределяются почти по всем разделам (при явном преобладании младших в последних разделах).

Мироздание: его начало и судьбы

По масштабности охвата времени (от сотворения мира до его конца), пространства (по народно-христианским средневековым представлениям, вся вселенная), судеб живого и творимого человеком мира нет других стихов, равных Голубиной Книге. Приведенную

характеристику стиха может оправдать не один вариант, а их совокупность, поэтому печатаются два варианта: первый открывается началом мироздания, а второй заканчивается рассказом о близком конце мира. В раздел включена «Евангелистая песнь», в какой-то мере трактующая «исходное» значение чисел.

1. *Кирша Данилов*, № 59.

Оне тута стали в раю нагим-наги... — Они осознали, что оба нагие.

Фаор-гора — Фавор, гора близ Назарета, родины Христа, на которой произошло его временное преображение (перед тремя учениками — Петром, Иаковом, Иоанном), т. е. освобождение от земной плоти. В данном случае речь идет о ветхозаветных персонажах, но место действия взято из Нового завета (Евангелия).

Ты услышал молитву... — вместо: ты услышь молитву.

А на той горе Сионския, У тоя главы святы Адамовы... — Сион — священная гора иудеев (в Иерусалиме), на ней располагалась резиденция библейского царя Давида (конец XI — начало X в. до н. э.); по народным легендам, верхнюю часть Лысой горы (Лобного места, Голгофы), на которой был распят Иисус Христос, образует череп Адама (или просто он здесь похоронен). Названия ветхозаветной и новозаветной священных гор слились для обозначения одной горы. На этой же горе Христос будет творить Страшный суд (см. «Страшный суд»).

Сцена борьбы единорога и льва за право царствовать над зверями — поздняя; она возникла, вероятно, как следствие забвения первоначальной «подземной» сущности единорога.

Опричь царства Московского... — Возможно, исполнитель хотел подчеркнуть, что формула «Иерусалим — всем градам отец» не относится к городам Московского царства; в других вариантах стиха этой формулы нет.

2. *Бессонов;* II, № 80. Записано П. Н. Рыбниковым от калики Ивана в Повенецком уезде Олонецкой губ.

Гора Фагорская — Фавор-гора, см. коммент. к № 1.

Латырь бел камень — здесь: название «камня», вершины Голгофы.

На ту на славу на великую... — на слух о выпавшей книге.

Сагаоф — Саваоф, одно из имен Бога-отца.

Белый [русский] *царь над царямы царь... Свято-Русь-земля всем землям мати...* — Смещение «центра» мира как следствие характерных в русских духовных стихах центробежных для Иерусалима и центростремительных для Руси тенденций.

...церковь соборная... святу Климанту, папы римскому... — Климент, папа римский при императоре Траяне (конец I — начало II в.), был сослан в Херсонес (Корсунь), здесь замучен и брошен в Черное море (в стихе обозначенное как Окиян-море). По церковной легенде, мощи Климента сохранялись здесь ряд веков и в IX в. были извлечены из моря Кириллом, славянским просветителем, и переправлены в Рим; по древне-

русской легенде, остатки мощей Климента в конце X в. были перенесены на Русь князем Владимиром.

При последнем будет при времени, При восьмой будет при тысяци... — По старому летосчислению «от сотворения мира», которое существовало на Руси до 7209 (1700) г., восьмое тысячелетие началось в 1492 г. Царь Давыд предсказывал будущее, ставшее для создателей и исполнителей духовных стихов текущим временем, когда Кривда овладела всей землей; эпоха «великого беззакония» — «последнее время» (времена антихриста), она должна завершиться концом света.

3. *Бессонов*, II, № 94. Записано в с. Новоселки Уфимского уезда.

«Песнь» по своему происхождению — кант, т. е. произведение, сочиненное учениками духовных школ (на Украине), но оно входило в репертуар калик перехожих и распевалось как диалог двух полухоров: один задавал вопросы, другой на них отвечал. По вариантам не все значения чисел устойчивы.

Два тавля́ Исеевы — две таблицы, скрижали, т. е. каменные плиты с заповедями, переданные, согласно Ветхому завету, богом Яхве Моисею (это имя сохраняется в других вариантах стиха). Моисей — библейский пророк, основатель иудейской религии, выведший евреев из египетского рабства в Палестину (~XIII в. до н. э.).

Три патриарха на земле — вероятно, имеются в виду патриархи, праотцы Израиля (еврейского народа): Авраам, Исаак, Иаков.

Четыре листа евангельски — четыре канонических евангелия: от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна.

Един-на-десять апостолов — апостолы — проповедники христианского учения в странах Средиземноморья, при жизни Христа — его ученики и спутники. Постоянное число апостолов — 12, но после предательства и смерти Иуды их осталось 11 — именно это время имеет в виду стих. После вознесения Христа число апостолов было восстановлено, на место Иуды по жребию был избран Матфей.

Персонажи и сюжеты из Ветхого завета

В состав духовных стихов традиционно включаются произведения, повествующие о персонажах из Ветхого завета, хотя событий, в которые они вовлечены, в Ветхом завете может и не быть. Это стихи с занимательными или драматическими сюжетами на темы удачи, рока, судьбы. «Духовность» этих произведений определяется лишь их родством со Священным Писанием. «Плач Адама» — единственный в этом разделе собственно духовный стих (народный).

4. *Бессонов*, VI, № 649. Запись П. Н. Рыбникова, Петрозаводский и Повенецкий уезды.

Трудная земля — земля, на которой надо трудиться (в отличие от рая, где Адам и Ева были свободны от труда).

Весь мир обновился, Адам освободился... — Христос своими страданиями на кресте искупил грех Адама; в образном воплощении легенд череп Адама, находящийся под крестом, был омыт кровью, текшей из казнимого Христа. См. также № 18, в котором сказано: *Изыде из него Кровь и вода На умовение Нашему согрешению.*

Души наши пойдут По своим местам... — В зависимости от грехов или богоугодных дел, в ад или в рай.

5. *Бессонов,* I, № 37. Запись П. Н. Рыбникова, Петрозаводский и Повенецкий уезды.

В сюжетной основе стиха ветхозаветное (и распространявшееся в многочисленных письменных и устных вариантах) предание об Иосифе, младшем сыне Иакова (родоначальника 12 колен Израилевых).

Грозим мне-ка сон показался... — Видел страшный сон.

Как буде отцу Якову сказати, Как буде Израиля оболгати? - *Израиль* — другое имя Якова; *оболгать* — здесь: обмануть.

...негтиное терзанье — терзание ногтями.

Харавон, Харавоне — фараон; здесь употребляется как имя собств.

Тебе, хлебодару, быть свершену... — Быть казненным, убитым.

Приказал он отца к столбу проводити... — Яков уже ослеп, а Осип не смог бы выдержать богатырских объятий отца (*Зажал бы с тоски тебя до смерти*), поэтому могучая сила его предварительно «сбрасывается» на столб.

Сдеем со мной доброе здоровье... — По-доброму поздороваемся.

6. *Мякутин,* с. 165—168. Записано от Г. Гуреева, ст. Рассыпная.

Жалоба Иосифа на могиле матери, переданная в предыдущем варианте несколькими строками, бытовала самостоятельно в виде развернутого плача. Печатаемый «Плач» в источнике предшествует эпическому повествованию о судьбе Иосифа.

Прободём тебя на сем месте... — здесь: убьем.

7. *Рыбников,* I, № 50. Записано от К. Романова, Кижи.

Народно-поэтическая обработка одного из сюжетов, относящихся к сказаниям о библейском царе Соломоне (X в. до н. э.), сыне Давида.

8. *Бессонов,* III, № 171.

Возможно, в стихе нашло отражение библейское сказание о детях Давида — Фамари и Амноне. По указанному источнику брат насилует сестру, затем отказывается взять ее в жены.

9. *Рыбников,* I, № 1. Записано от Т. Рябинина, Кижи.

Возможно, что эпизод с поднятием сумочки в духовном стихе заимствован из былины о Святогоре, с которым смешивался такой же могучий богатырь Самсон. Однако, если заимствование произошло, духовный стих подчинил этот эпизод своим идейно-нравственным установкам. Самсон похвалился, что он может перевернуть небо и землю, но оказалось, что ему не под силу и малые сумочки. Как бы ни был силен человек, он — ничто перед всемогущим Богом. Смысл былинного эпизо-

да, в котором божественная сила не участвует, другой: только человек, связанный с землей, ее обрабатывающий (Микула Селянинович), способен нести ту ношу (сумочку), которая непосильна для самого могучего богатыря (Святогора).

Самсон — библейский богатырь. Его любовница Далила, желая погубить богатыря, выведала у него секрет могущества (в волосах, которые он не стриг). Она усыпила Самсона, остригла волосы на его голове, а филистимляне, поскольку он боролся против них как поработителей иудеев, выкололи ему, обессиленному, глаза. Когда волосы отросли, к Самсону вернулась прежняя сила. Поводырь приводит его ко дворцу, где пируют его противники. Самсон разрушает дворец и сам гибнет под его обломками. Духовный стих во второй части следует сюжетной схеме библейского сказания, но ряд подробностей (хмельные напитки, крепостная служаночка, скитание по дворам) появились на русской почве. Мотивировка мести жены (а не любовницы, как в Библии) Самсону здесь переведена в личный план.

Евангельские сюжеты

В раздел вошли народно-поэтические обработки канонических и апокрифических сказаний о начальных и конечных эпизодах земной жизни Иисуса Христа и связанных с ними событиях в жизни Богоматери.

10. *Бессонов*, IV, № 234. Запись В. А. Коробова, Коломна.

11. *Бессонов*, IV, № 318.

Приказ Ирода (Великого), царя Иудеи, вызван его боязнью будущего соперника: Иисус — потомок царя Давида, а Ирод не из царского рода Давидова.

12. *Бессонов*, № 331. Записано от калики Онисима, Торопецкий уезд Псковской губ.

По содержанию стих примыкает ко времени «избиения младенцев», хотя в Евангелии такого эпизода нет. Мотив негорения человека в огне известен по сказкам многих народов и библейским сказаниям.

13. *Бессонов*, № 608. Запись И. Миролюбова в Олонецкой губ.

14. *Ильинский*, с. 35—36.

Понтийский Пилат, игемон — римский наместник в Иудее (Иерусалим), приговоривший Христа, по требованию местных властей и толпы, к распятию.

...жиды начали мыслить Сына Божия, А чаяли пророка... — Поняли, что Христос не просто пророк, а Сын Божий.

Осиф с Никодимом — тайные ученики Христа.

Заключительная часть стиха — советы всегда помнить его, переписывать, распространять; стих должен служить оберегом от всяких напастей, способствовать праведной жизни.

15. *Бессонов*, IV, № 376. Записано от слепого калики, Суздальский уезд Владимирской губ.

16. *Бессонов*, IV, № 381. Записано в Коломне.

Во пятой во тысящи в пятистах...— Разница между старым, библейским (от сотворения мира), и новым (от рождения Христа) летосчислением 5508 лет. Рождение Христа в стихе указано с небольшим отклонением.

17. *Глухарев*, с. 70—71.

18. *Бессонов*, IV, № 389.

19. *Бессонов*, VI, № 619.

В начале стиха Богородица рассказывает свой сон Христу о будущей его судьбе (см. № 13 и 14); со строки 31 *(И тут окаянные)* начинается объективное повествование, относящееся к сюжету «Сошествие Христа во ад». Этот сюжет разрабатывался преимущественно в апокрифических евангелиях.

Площеница — плащаница, полотно, которым обернули умершего Христа; в стихе осознана как гроб, на который «обручи набивали».

В одночасьи надежда...— искажение: в одночастной одежде (т. е. в плащанице).

Одного царя Соломона в адию покинул...— Существовало народное сказание о самостоятельном выходе царя Соломона из ада — этот мотив развивается в диалоге Христа и Соломона.

Ты будешь, адие... наполнено... Платонами...— Античные философы, в том числе и Платон (конец V— первая половина IV в. до н. э.), как язычники, по церковным легендам, пребывают в аду.

20. *Соболев*, с. 27—29. Записано от слепых нищих Е. Казакова и М. Сивцовой, г. Киржач Владимирской губ.

В тексте соединены два сюжета: «Воскресение» и «Вознесение». «Вознесение» — наиболее популярный среди нищих стих (бытовавший самостоятельно, см. № 21), поскольку в нем Христос «санкционирует» образ жизни нищей братии и гарантирует ей средства к существованию (*Мое имя свято будет вам кормилищем!*).

21. *Бессонов*, I, № 1. Запись С. П. Кораблева, Пермская и Новгородская губ.

Ты Иван да Богословец, Ты Иван да Златоустый...— *Иоанн Богослов* — автор включенного в Новый завет Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсиса), отождествляемый иногда с Иоанном Евангелистом (автором четвертого Евангелия в Новом завете), любимым учени ком Христа (см. № 18, где Христос, уже распятый, поручает Иоанну заботиться о своей матери: *Иоанне, приими Матерь мою); Иоанн Златоуст* — один из деятелей ранней христианской церкви (Константинополь, конец IV— начало V в.), автор многих проповедей и псалмов. Персонаж духовного стиха стал обладателем имен двух лиц.

22. *Бессонов*, IV, № 393.

Обычное для духовных стихов смешение времен: Святая Дева ищет

Христа, как в стихах о распятии, но оказывается, что распятие свершилось в далеком прошлом (*Распяли Христа деды-прадеды*), да и сама Святая Дева давно лежит в гробу..

23. *Киреевский*, № 36.

Змееборцы

Раздел образовали стихи о подвигах и событиях, характерных для сказок, особенно для былин (борьба со змеем за женщину, отражение вражеского нашествия). Эти произведения испытали сильное влияние былин (или слагались одновременно, в одних условиях с ними). поэтому их композиция, лексика, стих сходны с былинными. Принадлежность героев к кругу христианских святых, способы и «божественная» заданность целей их борьбы (внедрение или восстановление христианской веры) вводят эти произведения в ряд духовных стихов.

24. *Якушкин*, № 15.

Федор Тирон — св. великомученик, воин; как христианин и противник язычества, он сжег храм богини Кибелы, за что подвергся истязаниям, затем сожжен на костре в Амасии (город в Малой Азии на берегу Черного моря) в 306 г.

А что — стóит мое похождение Супротив твоего порождения? — Смысл вопроса: оправдывает ли Федор те муки, которые приняла мать при его рождении? Подвиг сына в данном варианте мать ставит выше своих мук.

Еще кто почтит отца и мать свою, Надеется Федору Тирону На первой неделе... — Царь Константин устанавливает день памяти святого Федора Тирона (хотя такие дни царь не мог устанавливать, да и при жизни человека это делать нельзя). День памяти великомученика Федора Тирона отмечается православной церковью 17 февраля (2 марта).

25. *Ляцкий*, с. 205—207. Запись Е. А. Ляцкого в Олонецкой губ.

Рыли жеребья... — бросали...

26. *Бессонов*, II, № 120. Записано в с. Репьевке Сызранского уезда Симбирской губ.

Сборы они соборовали... — Решили всем собором, советом.

...резвый жеребий — скорый, неожиданно выпавший на царскую семью.

...власы щётом стали... — Вздыбились, стали как щетка.

..смотри в моей буйной главе пóроха... — Ищи в моей голове... Весь эпизод у моря — переработка сказочных мотивов.

27. *Бессонов*, IV, № 109. Заглавие — по первой публикации в кн.: Сахаров И. П. Сказания русского народа. Кн. 2. Спб., 1849.

Мученики

Гонения на сторонников новой веры в первые века распространения христианства, затем многовековой натиск магометан (арабов и

тюрков), нетерпимых к иноверцам, на страны Ближнего Востока и Средиземноморья, уже официально принявших христианство, породили обширную литературу о мучениках за веру. Наиболее популярные на Руси жития святых мучеников стали основой для создания духовных стихов об этих мучениках.

28. *Истомин — Ляпунов,* № 4. Записано в д. Печенкине Яранского уезда Вятской губ.

По житийной литературе, Георгий Победоносец (Егорий Храбрый) жил при римском императоре Диоклетиане (конец III — начало IV в.); истязаниями его пытались принудить к отказу от христианской веры, затем казнили (в 303 г.).

Микола Святитель — см. коммент. к № 39.

Дак он списал свой лик на образи... — Сам Егорий написал свой образ на иконе.

29. *Якушкин,* № 1. Запись С. В. Максимова в Архангельской губ.

Действие в стихе полностью перемещено на Русь времен ордынского нашествия. Егорий Храбрый — сын князя Федора Черниговского. Егорий при всех мучениях, которым подвергает его царь Кудреян, не упоминает о том, что он страдает за веру. Кудреян стремится сломить героя как защитника Руси и русского народа. В вариантах № 27, 28 Егорий первично «устраивал» Русскую землю, здесь он восстанавливает прежнее ее состояние, нарушенное нашествием Кудреяна (леса, горы, реки становятся «по-старому»). Стих испытал сильное воздействие былинного эпоса. Кудреян — имя царя, обычное для былин о вражеском нашествии, враги — «татары поганые». Егорий действует с помощью таинственной божественной силы, т. е. сохраняет качества христианского святого, но характеризуется как удалой добрый молодец; исходная ситуация в произведении, развитие событий и их конечный результат близки к былинным.

30. *Варенцов,* с. 77—86. Записано в г. Нолинске Вятской губ.

Кирик и *Улита* — святые мученики, жившие в конце III— начале IV в.; православная церковь отмечает день их памяти 15(28) июля.

31. *Бессонов,* III, № 211. Записано в Москве.

Галактион и *Епистимия* — мученики, пострадавшие при римском императоре Деции (вторая половина III в.), гонителе христиан. День памяти 5(18) ноября.

32. *Тростянский,* № 42. Записано в с. Воробьевке Задонского уезда Воронежской губ.

Варвара — особо чтимая святая, которой дана от Бога благодать спасать от внезапной и насильственной смерти. Пострадала в финикийском г. Гелиополе (начало IV в.). День памяти 4(17) декабря.

33. *Бессонов,* III, № 210. По рукописи, Москва.

Победа духовного начала над телесным, материальным достигалась не только вынужденно. Образцами для преклонения становились также люди, добровольно отвергшие мирские радости и просто потребности, стремившиеся своими подвигами аскетизма обрести некую духовность, близкую к божественной. Под воздействием литературных житий о святых подвижниках слагались и духовные стихи о них.

34. *Бессонов,* I, № 29.

По церковному преданию, Алексей Божий человек жил в конце IV – начале V в. День памяти отмечается 17 (30) марта.

Одес-град — Эдесса (соврем. г. Урфа на юго-востоке Турции), город, игравший значительную роль в истории раннехристианской церкви, насыщенный множеством монастырей; столица Эдесского царства (II в. до н. э. — III в. н. э.).

С семи лет он грамоте доволен... — Достаточно сведущ.

Великая себя он изнуряет... — Сильно, очень.

Семь лет годов на десяток... — 17 лет.

До конца лет, души переселения... — До смерти, когда душа переселится в иной мир.

Со великиим со кремненством... — С толпою почтенных горожан, сопровождающих князя.

Молился Алексей у отца в доме невемым... — Будучи неизвестен, неузнаваем.

Списал Алексей вечное извещение... — Рассказ о веке своем, о жизни, о кончине.

Нашли они забыдящую келью... — Заброшенную, забытую.

Распростай свое рукописание... — Выпусти из рук.

В зрящий пяток приуспокоился... — Умер в пятницу на шестой неделе Великого поста.

Мир же на злато не взирали... — Народ на золото не обращал внимания.

35. *Ефименко,* № 10. Запись А. М. Никольского в г. Мезени.

В этом варианте, в отличие от предшествующего, Алексей менее самостоятелен, он находится под постоянным наблюдением Богородицы и основные поступки (покидает дом и невесту, возвращается в Рим, пишет свое «рукописанье», т. е. житие) совершает по ее велению. Князь Ефимьян здесь более «бытовой»: часто «пиры пирует», приглашает кума из купеческого рода.

Индейское царство, появившееся в русском эпосе под влиянием средневековой переводной литературы, едва ли в данном стихе соотносится с исторически известной Индией.

Господь им тишень давает, Способный им поветерь и споносный... — Господь дает спокойную погоду, попутный ветер, который гонит их корабль.

Пашут от них демьянные духи... — Пахнет от них (мощей) фимиамом (см. Словарь).

36. *Кадлубовский — Марков,* с. 243—248. Запись А. В. Маркова от А. Крюковой, Зимний берег Белого моря.

Стих — переработка отдельных эпизодов известной на Руси с XI—XII в. переводной (с греч.) повести об индийском (условно-литературном) царевиче Иоасафе и старце-пустыннике Варлааме.

Предотеча — Иоанн Предтеча (Иван Креститель), пустынник и аскет, проповедник и пророк, предвозвестивший появление Иисуса Христа, засвидетельствовавший крещением его в р. Иордане его мессианскую роль.

Уж ты можешь ли, Варлаамий, Небеса ли ты все измерить... Взять ты солнце, взять рукою... — В повести и других стихах об Иоасафе речь идет о драгоценном камне, символизирующем духовную неисчерпаемость Христа, христианской веры: легче взять солнце в руки, нежели постичь до конца их сущность. В стихе — переосмысление в сторону попытки испытания возможностей новой веры; Варлаамий отвергает ее.

37. *Глухарев,* с. 60—63. Запись С. П. Шевырева.

38. *Бессонов,* III, № 208. По рукописи из Смоленской губ.

Преподобный Онуфрий 60 лет жил в Фивиадской пустыне, умер около 400 г. День памяти — 12(25) июня.

Чудотворцы

Раздел формируется из стихов о деяниях святых, приходящих на помощь людям «с того света».

39. *Бессонов,* III, № 126. Запись П. Н. Рыбникова, Петрозаводский и Повенецкий уезды.

Святитель Микола (Николай) Чудотворец (Угодник) — христианский святой, творивший чудеса и богоугодные дела с младенческих лет; в нашем стихе — одно из чудес, совершенных Миколой после своей смерти. В фольклоре он выступает как одно из главных христианских божеств (см. стих «Егорий и змей»), а иногда — как единственный вершитель людских судеб. Прототип фольклорного и житийного (литературного) образа — ликейский (Малая Азия) епископ Николай, живший в первой половине IV в.

Много сладкого канона составляет... — *Канон* — канун, день или вечер перед днем, о котором идет речь, преимущественно перед праздниками, поминками; кануном (каноном) назывались также пища и питье, приготовляемые к этому дню. В стихе говорится о кануне в честь Миколы Чудотворца.

На дворе крепко злы псы притугают... — Рвутся и лают все сильней и сильней.

40. *Соболев,* с. 35—36. Записано от Гани безрукого в г. Киржаче Владимирской губ.

Покровитель нищих, как мы видели по стиху «Вознесение Христа», сам Христос. В данном стихе более «рациональный» взгляд. Положение нищих зависит от непосредственных «подателей и покормителей» — крестьян. Именно об их благополучии, о наполнении их закромов «всяким хлебушком» молят нищие Миколу Угодника, покровителя земледельцев.

41. *Озаровская*, с. 81. Записано от М. Кривополеновой, д. Шотогорка Пинежского уезда Архангельской губ.

Меркольский — искажение: Мирликийский. Николай был епископом города Мира в Ликии (юго-запад Малой Азии); от этого сочетания произошла одна из «фамилий» Чудотворца.

...во земли во Турьской, в славном Балеградьи... — Возможно, имеется в виду сербский город Белград, длительное время (XVI—XIX вв.) находившийся под властью Турции.

42. *Бессонов*, III, № 129. По рукописи из Симбирской губ.

В Мир-град ко мощам его мира причаститься... — Миро — благовонное масло, употребляемое для символического помазания при совершении христианских таинств. В данном случае речь идет о приобщении к мощам святого через миро, находящееся при этих мощах (мумифицированных останках).

Единую часть на цене отдаша... — Продали по какой-то цене.

Ту и попа Христофора... — Тут же, с третьей частью пленников.

Се внезапу меч святый поверже... — Внезапно Никола (невидимый) выбил из рук палача занесенный над Христофором меч.

43. *Бессонов*, III, № 133. Записано в с. Репьевке Сызранского уезда Симбирской губ.

Солунь — современные Салоники, город в Греции на берегу Эгейского моря, родина славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Димитрий Солунский — воин и правитель Солуни, пострадавший за христианские убеждения в начале IV в. Святой великомученик Димитрий Солунский почитается православной церковью как покровитель славян. День памяти 26 октября (8) ноября.

...Салым-град... победити... — подвергнуть бедам, навести беды.

...митрия-триполиты... — митрополиты.

44. *Бессонов*, III, № 132. Запись С. П. Кораблева, Пермская и Новгородская губ.

Вариант интересен тем, что во время сражения с войском Мамая святой Димитрий превращается в типичного русского богатыря.

45. *Бессонов*, V, № 440. Запись И. Миролюбова в Олонецкой губ.

Переложение, вероятно, позднее церковной легенды о происхождении праздника Покрова Пресвятой Богородицы (1(14) октября). Богоматерь, представившаяся в видении юродивому Андрею во время церковной службы, распростерла над молящимися свой омофор (широкую ленту, покрывало) в знак своего покровительства Царьграду (Констан-

тинополю) при натиске на него со стороны сарацинов (арабов). Событие относят к 910 г.

Мать сыра земля

Древнейшее обожествление матери сырой земли и христианская духовность, устремленная ввысь, к Богу небесному, дали в народном творчестве такой художественный сплав, аналитическое разъятие которого убило бы непостижимую глубину и красоту этого сплава, стихов о матери сырой земле.

46. *Киреевский*, № 30.

47. *Марков — Маслов — Богословский*, II, № 19 (две начальные строки из № 20).

48. *Соболев*, с. 8—12.

49. *Соболев*, с. 12—13.

Стихи назидательные

Поучительность, назидательность — вообще отличительные качества духовных стихов. Но одно дело примеры богоугодного (или неугодного Богу) поведения, демонстрируемые персонажами, другое — прямая назидательность, императивность стихов, о которых идет речь. В этих стихах роль земных персонажей сведена до минимума; если они есть, то только как объект поучения. Активными действующими лицами (говорящими, поучающими) выступают сам Иисус Христос, Богоматерь, персонажи, в народном творчестве приравненные к святым.

50. *Бессонов*, VI, № 564. Запись П. И. Якушкина в Раненбургском уезде Рязанской губ.

Во прети Бог написал... — искаженное: во плоти.

Годы потруслйвыя, натяжлйвыя... — Перед концом света наступят самые тяжелые времена.

Поимейте вы друг друга и брат брата... — Призыв к христианской любви человека к каждому другому человеку.

Поимейте вы три дни в неделю... — Речь идет о необходимости соблюдения постов (запрет на скоромную пищу) в среду и пятницу и о запрете работать в воскресенье (день для посещения церкви).

Поимейте вы мою страшную неделю... — Христос требует обязательного говенья (воздержания от пищи), исповеди и причащения на страстной неделе (последняя неделя перед Пасхой) или, как уточняется ниже, *Хоть и малую часть — От великого четверга До Христова воскресения.*

Мать Пресвятая Богородица На престоле встрепенулася... — Каждое матерное выражение, произнесенное человеком, поражает Богородицу стрелой, причиняет ей великие страдания.

Хто же яго возлюбить, И перейметь, и спишеть... — Совет иметь «Ерусалимский свиток» в каждом доме в качестве оберега.

51. *Бессонов,* VI, № 593. Запись Н. К. Отто в д. Бор Валдайского уезда Новгородской губ.

Пятница — унаследовавшая функции языческого женского божества, отождествляемая с христианской святой Параскевой (что по-греч. тоже — Пятница) и получившая в народном быту имя Параскевы-Пятницы; она же Параскева-мученица,— см. след. стих. В стихе выступает как проповедник заповедей Христа.

52. *Бессонов,* VI, № 585. Записано в Юрьевском уезде Владимирской губ.

В перечне указываются пятницы, не являющиеся праздниками сами по себе, а чаще предшествующие праздникам. Часть пятниц соотносится с переходными, т. е. зависящими от Пасхи (Воскресения Христова) праздниками: время 1-й и 3-й ясно по тексту, 4-я — на другой день после Вознесения (оно на 40-й день после Пасхи), 5-я — на троицкой неделе (Троица — на 50-й день после Пасхи). Остальные праздники отмечаются по числам: Благовещение Пресвятой Богородицы —25 марта (7 апреля), 2-я пятница; день Ильи-пророка —20 июля (2 августа), 6-я; Преображение Спаса —6(19) августа, 7-я; Успенье Пресвятой Богородицы —15(28) августа, 8-я, Усекновение главы Иоанна Предтечи —29 августа (11 сентября), 9-я; день Параскевы-Пятницы —28 октября (10 ноября) и день Козьмы и Демьяна —1(14) ноября, 10-я пятница может приходиться на эти дни или находиться между ними; Рождество Христово —25 декабря (7 января), 11-я; Богоявление (Крещение) —6(19) января, 12-я пятница.

В ту Пятницу царь Ирод Иоанну главу отсек... — Царь Галилеи Ирод отнял у своего брата жену. Иоанн Предтеча (здесь: Поститель) постоянно обличал царя как нарушителя обычаев. Ирод приказал казнить Иоанна.

53. *Киреевский,* № 33.

54. *Бурцев,* № 2.

55. *Киреевский,* № 31.

56. МГУ, ФЭ—08:9396—9397. Записано в д. Ежемень Пинежского р-на Архангельской обл. (1971 г.).

57. *Маслов,* № 3. Записано в с. Старая Яблонка Хвалынского уезда Саратовской губ.

58. *Бессонов,* VI, № 577. Запись П. И. Якушкина в Раненбургском уезде Рязанской губ.

Василий Кесарийский (Великий) родился в Кесарии (Каппадокия, восток Малой Азии) и был архиепископом в этом городе (середина IV в.), отсюда «фамилия» святого. Он известен как основатель ряда монастырей, заступник за гонимых и угнетенных, автор богословских сочинений. В «Слове Василия Великого о пьянстве» показана Богородица, осуждающая этот порок. В стихе (а также в устных легендах) произошло смещение: пьяницей оказался сам Василий Кесарийский, к нему является Богородица, побуждающая оставить его хмельное питье. День памяти Василия Великого —1(14) января.

Мало праведников, а грешникам нет числа. Все творят большие и малые, добрые и злые дела, а смерть их всегда подстерегает. Размышления о таинственном рубеже, именуемом смертью, через который должен перешагнуть всякий, породили ряд духовных стихов. Одни из них сосредоточивают внимание на предсмертных раздумьях, другие — на посмертной судьбе, но уже не собственно человека, а его души. Начало или конец повествования в событийно-временно́м плане могут быть удалены от названного рубежа либо, наоборот, максимально приближены к нему.

59. *Бессонов,* I, № 24.

Стих восходит к притче Христа о богатом Лазаре, но там речь шла о богаче, не проявля́вшем милосердия к безымянным «братьям во Христе». Стих оставил одного из многих, сделал его родным братом богатого и наделил тем же именем. Как положение самого убогого Лазаря, так и состояние нищих, любивших петь этот стих, получили отражение в поговорке *петь Лазаря* (Будешь ты у меня петь Лазаря! Он Лазаря запел...).

Авраамий праведный — Авраам, библейский родоначальник евреев и арабов.

Прохладен был богатый в беседах сидеть... — Любил богатый...

60. *Срезневский,* № 28. Из рукописного сборника.

Переложение евангельской назидательной притчи, рассказанной Христом.

Согреших ти, отче, зело... — Я сильно перед тобой согрешил (виноват), отец.

61. *Соболев,* с. 29—30. Записано в с. Бабаеве Владимирского уезда.

Мария Египетская — раскаявшаяся великая блудница; провела в Заиорданской пустыне около 50 лет, питалась травами, последние годы вообще не нуждалась в пище; при жизни начала творить чудеса. По церковному преданию, жила во второй половине V— начале VI в. День памяти —1(14) апреля.

Я не мнение тебе... — Не призрак, не видение, т. е. не то, что мнится.

62. *Бессонов,* V, № 490. Записано в Астраханской губ.

Имели ли вы среду и пятницу, Великого дня — понедельничка? — Соблюдали ли посты в среду, пятницу и понедельник?

63. *Киреевский,* IV, с. 129—135.

Произведение опирается, с одной стороны, на переводное греческое сказание о сражении богатыря Дигениса Акрита с Хароном (перевозчиком в царство мертвых), а с другой — на древнерусскую повесть (переведенную с немецкого) «Прение Живота и Смерти».

...где на возду́се гробница пребывала... — Имеется в виду гробница Христа, по средневековым преданиям, хранящаяся в висячем положении в одном из храмов Иерусалима.

У чуда ноги лошадины... — Смерть представлена в виде кентавра,

т. е. существа с человеческой головой на лошадином туловище.

Святогор — былинный богатырь, пытавшийся бороться с судьбой, но погибший при поднятии сумочки с тягой земной или в захлопнувшемся гробу.

Малофер — искаженное Олоферн. Согласно Библии, Олоферн — вавилонский полководец (при царе Навуходоносоре, VII—VI в. до н. э.), обезглавленный проникшей в его стан иудейской красавицей Иудифью.

Самсон — см. коммент. к № 9.

И свят дух дохнёт... — Речь идет о ветре.

64. *Рыбников*, II, № 23. Записано в Вытегорском уезде Олонецкой губ.

В отличие от Аники, разрушителя городов и христианских святынь в предыдущем тексте, в данном варианте на первый план выходит другая сторона образа: Анику не удовлетворяет сотворенное Богом мироздание. Его он намерен перевернуть, чтобы небо и земля (и их обитатели) поменялись местами, а земные люди, ставшие небожителями, обрели бессмертие. В ответ на похвальбу Аники Бог посылает на его пути сумочки, которые, по-видимому (по аналогии с былиной о Святогоре), сосредоточивают в себе всю «тягу земную». Полная несостоятельность претензий Аники на «переворот» мироздания (что подтвердила сцена с сумочками) неизбежно влечет поражение и во втором намерении: Аника не может обессмертить не только человечество, но и себя, причем могучего и непобедимого при жизни богатыря ждет адская участь незаурядного грешника.

65. *Срезневский*, № 27. Из рукописного сборника.

66. *Киреевский*, № 23.

67. *Можаровский*, № 36.

68, 69. *Киреевский*, № 32, 38.

70. *Маслов*, № 1. Записано в с. Старая Яблонка Хвалынского уезда Саратовской губ.

71. *Варенцов*, с. 160. Записано в Казани.

72. *Маслов*, № 2. Записано в с. Старая Яблонка Хвалынского уезда Саратовской губ.

73. *Срезневский*, № 31. Из рукописного сборника.

Все уды онемели... — Все члены, части тела...

74. *Киреевский*, № 22.

Полтораста... двести... две тысячи врагов... — здесь: злых ангелов, бесов.

75. *Киреевский*, № 28.

Дочь на возрóщае — на возрасте.

76. *Якушкин*, № 10.

В соломах я заломы заламывала... — Заломом называется особый вид колдовства: связывают на корню узлом рожь, чтобы вынуть спорынью (силу) из хлеба.

Проворы в полях пораскладывала... — Вынимала жерди в расклады-

ваемых пряслах (частях изгороди между кольями), что давало возможность скоту вытаптывать посевы.

Во сырое коренье выдаивала... — Вид колдовства с целью, чтобы корова не давала молока.

Во белых во грудях его и засыпывала... — При ночном кормлении ребенка грудью заснула и придушила его.

77. *Кирееевский — Якушкин,* № 6. Записано в с. Сабурове Орловской губ.

Книга зирцовая — имеется в виду «Великое Зерцало» — сборник (перевод с польского) повестей и притч назидательного характера (XVII в.).

78. *Ильинский,* с. 36—38. Записано в Ярославской губ.

Кончина мира, Страшный суд

В стихах предшествующего раздела ад и рай принимали души постоянно уходящих из жизни конкретных людей. В данном разделе стихов ад и рай заново «открываются» для всех живущих на момент Страшного суда, для всех живших ранее и ныне воскресших грешников и праведников. Народные представления о конечных судьбах мира и о загробной жизни формировались под влиянием церковных сочинений («Слово св. мученика Ипполита о Христе и антихристе», «Слово св. Ефрема Сирина», «Житие св. Андрея Юродивого») и апокрифических сказаний («Слово Мефодия Патарского», «Вопросы Иоанна Богослова» и др.).

79. *Хаханов,* с. 168—170. В источнике текст без разделения на стихи.

На горе Елеонской (у ее подножия Гефсиманский сад) Христос прощался с учениками перед взятием его иудейскими воинами; с этой же горы он вознесся на небо; ангелы возвестили оставшимся апостолам, что Христос вернется на землю так же, как и ушел. По стиху, будущие судьбы человечества раскрывает апостолам сам Христос. И он же, перед вторым своим пришествием, насылает на людей за их грехи не просто забвение всех нравственных устоев, а полное одичание человечества и, говоря современным языком, экологическую катастрофу.

80. *Бессонов,* IV, № 482. Записано в с. Репьевке Сызранского уезда Симбирской губ.

Земля — «мать и отец», и в ней же с ее «червями неусыпляющими» для всякого человека «мука превечная»; избавившись от нее покаянием, он, чуть ли не в «земном» виде, достигает царства небесного,— так вытекает из начальной части стиха. Промежуточное пребывание «в месте темном», куда, показав грешникам муку вечную и «плач неутешимый», посадят их «до страшного до второго до Христова пришествия»,— редкая в духовных стихах ситуация; обычно сразу после смерти они попадают в ад. Еще уникальная деталь стиха: посланные для спасения людей во время 30-летнего царства антихриста Илья и Енох (Онов), взя-

тые в свое время на небо живыми, будут убиты. О царстве антихриста и о Страшном суде повествуется как об устрашающей грешников перспективе, без особой детализации; основной пафос произведения — в призыве к своевременному покаянию.

На престол книги полагаются... — Те книги, в которых «записаны» грехи и богоугодные дела каждого человека (см. также «Воскреснет небесный Царь»).

81. *Бессонов*, V, № 478. Записано в с. Репьевке Сызранского уезда Симбирской губ.

Пребудут они все во единый возраст... — Бог сообщает Иоанну Богослову («Вопросы Иоанна Богослова»), что на Страшный суд все люди, воскресшие и живые, придут в одном, 30-летнем, возрасте. Отголосок ветхозаветных представлений, согласно которым в 1000-летнем царстве Божьем на земле все будут всегда здоровы и в цветущем возрасте. В № 84 Михаил архангел прямо говорит: *Стары и малы будьте в тридцать лет.* В этом возрасте человек в полную меру должен познать райское блаженство и адские муки.

Во темных во темницах Вы меня, Бога, просвещали... — Не оставили без света в темницах. Это, как и другие милосердные дела праведников, Бог проецирует на себя: все страдания людей в земной жизни — это и его страдания.

Уготовали вы дьяволу и аггелу его... — Приготовили вы себя для дьявола и беса (бесов) его.

82. *Дилакторский*, № 2. Записано от Василия Слепого, д. Наумовская Вологодского уезда.

Петры-Павлы... — День памяти Петра и Павла отмечается в один день —29 июня (12 июля), поэтому в церковном и народном обиходе имена этих апостолов употребляются в парном сочетании. По народным легендам, Петр и Павел (чаще Петр один) — хранители ключей от райских ворот; стих опирается на эту легенду (Петр и Павел должны отпереть «раи вековые»).

Постоянное сочетание двух имен привело к тому, что оно стало осознаваться как имя одного человека, об этом свидетельствует сократившийся до нескольких строк «Стих Петру-Павлу»:

Праведное солнце в раю просветило.
Речет Исус Христос святому Петру-Павлу:
«Церковный апостол, бери златы ключи,
Отомкай ў рай вороты,
Пушшай душ безгрешных».
Мы славим тебя, Христе Боже наш!

Тиханов, с. 258.

Кирилловские чудотворцы — святые покровители известного в России Кирилло-Белозерского монастыря (Новгородская обл.), основанного в конце XIV— начале XV в.

Козьма-Дамьян — почитаемые церковью как мученики за христианскую веру (конец III в.); одни дни памяти (1(14) июля и 1(14) ноября) обусловили их «парное» бытие в народном сознании.

Станет судить вас Христос истинный... — Как и в ряде других стихов, будущее время (в речи Михаила архангела) переходит в настоящее (в речах Христа), а затем и в изображении действий, протекающих как бы в настоящем времени.

У коровушек удойчик отнимали, Из квашни спорынью доставали... — Речь идет о колдовских действиях, в результате которых коровы переставали давать молоко, тесто в квашне не кисло и хлеб был не сытным.

По вас двери пóлы-растворёны... — тавтологическое сочетание: пóлы — то же, что и растворены.

83. *Срезневский*, № 33. Из рукописного сборника.

Луна... престанет от течения... — остановится.

Судить будет племена вся грешная... — На Страшный суд идут не просто сонмы грешников, а «племена» — отражение распространенного в средневековой литературе взгляда, согласно которому «грешными» (следовательно, заслуживающими вечных адских мук) считались народы, христианство не принявшие, особенно воевавшие с христианскими странами.

84. *Бессонов*, V, № 477. Запись С. П. Шевырева в с. Даниловке Петровского уезда Саратовской губ.

85. *Бессонов*, V, № 479. Записано в с. Ананьине Сызранского уезда Симбирской губ.

Образ Богоматери несколько померк бы, если все ее попытки облегчить участь грешников оказались бы безуспешными (как в № 81). Народное сознание «реабилитирует» заступницу, создавая стих об избавлении от адских мук, по ее просьбе, какой-то части «осужденных»; хотя заступничество не исключает того, что сама Богородица выступает в роли грозного судьи, как в следующем стихе (№ 86).

86. *Бессонов*, V, № 486. Записано в г. Сызрани Симбирской губ.

87. *Варенцов*, с. 137—142. Записано в г. Нолинске Вятской губ.

В рай войти — честнóй милостиной, Чéстной, не ожуренною... — Милостыней, поданной без осуждения или укора (словесного и внутреннего). Подаяние милостыни *«неукрадомой, от праведного труда, от потного лица, от чистого сердца»* (см. «Свиток Ерусалимский») — в ряду богоугодных дел человека.

88. *Бурцев*, № 1. Записано в г. Кадникове.

89. *Марков — Маслов — Богословский*, II, № 17. Записано от А. Полежаевой, Кандалакша, Терский берег Белого моря.

Ондрей Первозванной — Андрей Первозванный, один из апостолов, брат Петра, проповедник христианства на Балканах и в Причерноморье. С введением христианства на Руси возникла легенда о миссионерском путешествии Андрея на места будущих центров Руси — Киева и Новгорода. Андрей Первозванный считался покровителем русского военно-

морского флота (отсюда андреевский флаг); возможно, поэтому он оказался «перевозчиком» через огненную реку.

Уж вы нам-то, богам, да не молились... — Богами в данном случае называются иконы с образами святых.

90. *Озаровская*, с. 81—83. Записано от М. Кривополеновой, д. Шотогорка Пинежского уезда Архангельской губ.

Хивон-гора — искажение: Сион-гора (см. коммент. к № 1).

Сюжеты из древнерусской истории

91. *Бессонов*, III, № 143. Записано в с. Репьевке Сызранского уезда Симбирской губ.

Летописи под 1015 г. сообщают, что после смерти князя Владимира киевский стол занял Святополк. Посланные им люди убивают Бориса вместе с его воинами на р. Альте. Затем Святополк зовет Глеба в Киев якобы к больному отцу. Люди Святополка захватывают корабль, на котором ехал Глеб, и убивают его. В стихе, согласно фольклорной традиции, у князя Владимира только три сына (вместо летописных 12; хотя есть варианты стиха, в которых 12 или 10 сыновей), в повествование введена княгиня-мать как предвестница злого умысла своего старшего сына; братьев, причем обоих одновременно, убивает сам Святополк. По стиху, князь Владимир завещает Святополку Чернигов, а Борису и Глебу — Вышгород (в стихе Воспревышград; в название города добавлены две усилительные, «возвышающие» приставки вос- и пре-; по другому варианту Борису и Глебу завещан Киев). По летописи, Борис княжил в Ростове, Глеб — в Муроме.

Старейшего Свéта-Пóлка... — Имя князя Святополка осмыслено исполнителем как имя *Полк* с эпитетом *Свет*.

В тоё же в послáнную палату... — В посольскую, где принимали послов.

Не покори, братец, о Христе Сродников наших... — Не введи в укоризну, в срам и позор наших сродников о Христе (т. е. христианский народ).

Не отрыгнут винограда сего Коренья от сырыя земли́... — По другому варианту: *Не отторгни лоз винограда со корнии от сырой земли.* Здесь осмыслено по-другому: если повредишь виноград, его корни не дадут отростков.

Не победи нас, братец... — Не введи в беду, не обидь.

Помыслимши, злой научился... — Решил, что сделать.

Повелел [Святополк] между двух клажниц их погрузить... — Велел спрятать их тела между двух колод (толстых бревен).

Их святые мощи три года в плотé лежащи... — Во плоти, т. е. не подверглись разложению.

92. *Бессонов*, III, № 153. Записано в Орловской губ. от старообрядца.

В стихе заметен условно-фольклорный склад позднего происхожде-

ния (как и в последующих текстах — № 93—96); созданный под влиянием книжного жития Александра Невского, стих сделал этого князя борцом против крымских татар, набеги которых стали беспокоить Русскую землю через два столетия после смерти Александра Невского.

93. *Бессонов*, III, № 154. Записано в д. Слободе Новгородского уезда.

Черниговский князь Михаил Всеволодович, как один из непокорных русских князей, был вызван в ставку к хану Батыю и там замучен (1246 г.); Федор, сопровождавший его боярин, погиб вместе с князем. Мучения Михаила и Федора Черниговских, в соответствии с христианской традицией, истолковываются как подвиг, избавивший Русь от окончательной гибели.

94. *Бессонов*, III, № 212. По рукописи.

В стихе повествуется о Федоре Ростиславиче, князе Смоленском, впоследствии Ярославском. После смерти первой супруги он женился на ордынской царевне, после крещения принявшей имя Анна. Федор поставил несколько храмов в улусах Орды, затем в Ярославле (умер в 1299 г.). Сыновья Федора Давид (ярославский князь после смерти отца, умер в 1323 г.) и Константин (умер в 1321 г.) рождены в Орде. Все трое стали почитаемы церковью после открытия их мощей (т. е. неистлевших, высохших тел) в 1463 г. День памяти — 19 сентября (2 октября).

95. *Бессонов*, III, № 155. Записано от старика Алексея в с. Зимёнках Зарайского уезда Рязанской губ.

Симеон Иванович — князь московский (1340—1353). При его княжении на Русской земле свирепствовала моровая язва (черная смерть). Митрополит Петр участвует в избавлении Руси от эпидемии, возможно, как святой заступник, поскольку он умер до княжения Симеона (1326).

96. *Бессонов*, III, № 156. Записано в Москве.

Перед самой-то было перед «Достойной»... — Перед исполнением молитвы, начинающейся словом «достойно».

Димитровская суббота отмечается перед днем памяти святого Димитрия Солунского — 26 октября (8 ноября). Православной церковью она утверждена как день поминовения воинов, павших в Куликовской битве. Установление Димитровской субботы стих возводит к решению самого Димитрия Донского.

Из старообрядческой истории. Новые стихи

Все или почти все духовные стихи входили в репертуар старообрядческой среды, которая более ревностно хранила его, чем остальное русское православное население. В данный раздел включены лишь те стихи, которые возникли в старообрядческом движении в последние века (вторая половина XVII—XX в.), в том числе стихи, сложенные в новой, «литературной» манере.

97. *Абрамов*, с. 145—147. По рукописи. Стих сложен в среде казаков-некрасовцев.

По пророчеству Даниилову... — Даниил — библейский мудрец и пророк (VI в. до н. э.), видения и пророчества которого описаны в канонической «Книге пророка Даниила»; к этой книге позднее примкнул ряд апокрифических сказаний о кончине мира, Страшном суде и о загробной жизни.

В тысящи шестьсот Шестьдесят шестой... — В апокрифической эсхатологии число 666 несло в себе некую таинственность, и, при учете цифровых значений букв в греческом и русском алфавите, находили ряд имен, «равных» этому числу, а значит, несущих на себе печать антихриста. В данном случае, пусть с добавкой первой лишней цифры, реальная историческая дата оказалась антихристовой (Собор 1666—1667 гг. утвердил преобразования, проведенные Никоном, хотя сам Никон с 1658 г. уже не был патриархом). Стих сложен значительно позднее указанной даты: современники событий не могли называть ее, поскольку тогда еще действовало старое летосчисление, новое введено с 1700 г.

98. *Бурцев*, № 12.

Не терпели бы глада нужного... — Голода, вызванного нуждой, невзгодами.

Растерзай своя мрежа тленная... — Разорви путы (мрежа — невод, рыболовная сеть) земные, материальные.

Вавилонская любодеица... — В Ветхом и Новом завете Вавилон неоднократно обличается как город беззакония и разврата; в «Откровении Иоанна Богослова» он называется «матерью блудниц» и «великой блудницей». Последнее сочетание стало нарицательным для характеристики нравственной распущенности и нечистоплотности отдельных людей, групп и целых обществ. В данном случае — это духовная и светская власть, пошедшая по пути реформ.

99. *Селищев*, с. 36—37.

Кафолики — здесь: сохраняющие древнее «пресветлое правоверие» старообрядцы, противопоставляющие себя никонианцам, уклонившимся от истинного православия.

100. *Срезневский*, № 21. Из рукописного сборника.

101. *Марков — Маслов — Богословский*, I, № 2. Записано от Ф. Пономарева, Зимний берег Белого моря.

102. *Рождественский*, № 11. По рукописи.

103. *Киреевский*, № 54.

104, 105, 106. *Можаровский*, № 14, 13, 32.

107. *Крашенинников*, с. 153—156. По рукописи.

У осьмотысящном веку в 361 году... — в 7361 г.; по новому летосчислению, в 1853 г. К этому году относится правительственный указ о закрытии старообрядческих скитов и об учреждении особого секретного комитета по делам раскола.

108, 109, 110, 111. *Можаровский*, № 50, 6, 20, 24.

112. *Можаровский*, № 29.

Ты меня отводишь Со десныя стра́ны... — Отводишь с праведного пути на грешный.

113. *Рождественский,* № 54.

114. *Сперанский,* № 3.

При Александре II в 1855 г. распущен особый секретный комитет по делам раскола (хотя все правила 1853 г. действовали). Затем постепенно, особенно с середины 60-х гг., разрабатываются меры по предоставлению раскольникам общегражданских прав; хотя и с ограничениями, но по закону от 3 мая 1883 г. (уже после смерти Александра II) они их получили. Ряд правительственных акций, смягчивших отношение гражданских и духовных властей к раскольникам, принятых при Александре II, способствовал доброму отношению старообрядцев к этому царю.

115. *Мякутин,* с. 146—147. Записано от Г. Гуреева в ст. Рассыпной Оренбургской губ.

Примеч. собирателя: Стих этот поют женщины у покойника во время остановки чтеца.

116. *Можаровский,* № 26.

117. *Мякутин,* с. 178—180. Записано от Г. Гуреева в ст. Рассыпной Оренбургской губ.

Афон — гора, вернее, узкий гористый полуостров (Эгейское море, Греция), на котором располагается два десятка монастырей, первые основаны в конце III— начале IV в. Афон — один из центров восточной христианской (православной) церкви.

118. *Ильинский,* № 12.

119, 120. *МГУ, ФП-01:* 8796—8797; 8793—8795. Рукописный сборник В. Скоблова, с. Пушкино Ромодановского р-на Мордовской АССР (1963 г.).

Песни сектантов-мистиков (хлыстов и скопцов)

Резкие отличия сектантских стихов от всех предшествующих: 1. Принципиально иной статус действующих лиц; «бог» и «святые» — конкретные живые люди, остальные — «люди божьи», «израильские», избранные, только они достойные войти в царство небесное (вместе со своими «христами»), которое частично познается ими уже на земле, во время радений. 2. Ни далекого прошлого старших духовных стихов, ни недавнего прошлого старообрядческих псальм в сектантских песнях, как правило, нет; изображаемое здесь время событий и явлений — настоящее продолжающееся, раелизуемое в «наших» (персонажей песен) взаимоотношениях с «христом» и другими вместе с «нами» живущими сакральными персонажами. 3. Традиционные духовные стихи, использующие книжно-христианские сюжеты и мотивы, повествующие об известных в церковной литературе персонажах и опирающиеся на сложившиеся в фольклоре песенные композиции былин, баллад, причитаний и других жанров, все же представляют собой самостоятельные художест-

венно-содержательные структуры. Сектантские стихи — это в значительной мере трансформации (с переосмыслением народнопесенной символики) конкретных обрядовых, лирических и исторических песен, отчасти былин. Даже первые строки этих стихов указывают на начала широко известных традиционных русских песен («Как по морю, морю синему», «Уж не стук стучит», «Не золота трубушка вострубила», «Как у нас было на тихом Дону», «Ай, кто пиво варил», «Во лузях» и т. п.).

Названные причины обусловили формирование, пусть тематически неоднородного, особого раздела сектантских стихов.

Все тексты из одного источника (Рождественский — Успенский), поэтому его название не повторяется. Отдельными строками выделяются номера текстов, потребовавших комментариев; пояснения, относящиеся к особенностям бытования песен, излагаются по информации собирателей.

Некомментируемым № сборника 121, 122, 123, 124, 126, 128, 131, 132, 134 соответствуют № источника 592, 655, 100, 418, 349, 244, 77, 355, 617. Номера комментируемых текстов даются через тире (№ сборника — № источника).

125—119. Батюшка — здесь местный «христос», к которому обращаются «люди божьи»; сударь (государь) в его ответе — сам Бог небесный, якобы давший те наказы, которые батюшка передает «людям божьим».

127—137. См. стихи о Страшном суде. Здесь речь идет тоже о «страшном суде», но в качестве грозного судьи выступают «христос» Кондратий Селиванов и его «богородица»-помощница; помилованы будут только «детушки» этого «христа», т. е. члены его общины.

129—415. Песню поет «пророчица», которая находится в круге во время радения скопцов.

130—220. Предостережение скопцам не смешиваться с православными, не общаться с ними.

133—4. Поется о складчине хлыстов для освобождения «христа» Суслова из тюрьмы. Песня могла прилагаться и к другим заточенным «христам».

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВ И ИХ УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абрамов — Абрамов И. Старообрядцы на Ветке//Живая старина. 1907. В. 3.

Бессонов — Калеки перехожие: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. В. 1—6. М., 1861—1864.

Бурцев — Обзор русского народного быта Северного края/ Собрал А. Е. Бурцев. Т. 2. Спб., 1902.

Буслаев — Буслаев Ф. И. Русские духовные стихи// Буслаев Ф. И. Народная поэзия: Исторические очерки. Спб., 1887.

Варенцов — Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. Спб., 1860.

Глухарев — Материалы для истории города Боровска и его уезда/ Собраны и записаны Н. П. Глухаревым. Т. 1. Боровск, 1913.

Дилакторский — Духовные стихи: IV. Вологодской губернии (Публикация П. А. Дилакторского) // Этнографич. обозрение. 1898. № 3.

Ефименко — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком. Ч. 2. Народная словесность. М., 1878.

Ильинский — Народные апокрифические сказания, записанные в Ярославской губернии (Публикация Я. Ильинского) // Живая старина. 1906. В. 1.

Истомин — Ляпунов — Песни русского народа/ Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г.; Записали Ф. М. Истомин, С. М. Ляпунов. Спб., 1899.

Истор. песни — Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966.

Киреевский — Русские народные песни, собранные П. Киреевским. Ч. I. Русские народные стихи. М., 1948.

Киреевский, IV — Песни, собранные П. В. Киреевским. В. IV. М., 1862.

Киреевский — Якушкин — Собрание народных песен П. В. Киреевского/ Записи П. И. Якушкина. Т. 2. Л., 1986.

Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958.

Кондратьев — Взыскующие града// Изв. Архангельского о-ва изучения Русского Севера. 1912. № 5.

Котляревский — Сочинения Котляревского А. А. Т. 4. Спб., 1895.

Крашенинников — Духовные стихи крестьян-старообрядцев деревни Зайковой Челябинского уезда Оренбургской губернии (По сообщению И. М. Крашенинникова)//Этнографич. обозрение. 1908. № 1/2.

Ляцкий — Стихи духовные/ Вступит. ст. Е. А. Ляцкого; Тексты избрал Е. А. Ляцкий при участии Н. С. Платоновой. Спб., 1912.

Марков — (Запись А. В. Марковым духовного стиха: приложение к статье.) Кадлубовский А. П. К истории русских духовных стихов о преподобных Варлааме и Иоасафе//Русский филологич. вестник. 1915. № 2.

Марков — Маслов — Богословский — Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и А. Богословским. Ч. 1—2//Труды Музыкально-этнографической комиссии. Т. 1—2. М., 1906—1911.

Маслов — Песни с Поволжья (Саратовской, Симбирской и Самарской губ.), записанные летом 1901 г. А. Л. Масловым//Труды Музыкально-этнографической комиссии. Т. 1. М., 1906.

МГУ, ФЭ, ФП — Фольклорный архив кафедры русского устного народ-

ного творчества (материалы фольклорных экспедиций и фольклорных практик) Московского гос. университета им. М. В. Ломоносова.
Можаровский — Духовные стихи старообрядцев Поволжья/ Собрал и записал А. Ф. Можаровский// Этнографич. обозрение, 1906, № 3/4.
Мякутин — Песни оренбургских казаков. IV. Песни обрядовые, духовные стихи, апокрифы, заговоры, очерки обрядов, царь Максимилиан/ Собрал А. И. Мякутин. Спб., 1910.
Озаровская — Озаровская О. Э. Бабушкины старины. М., 1922.
Рождественский — Рождественский Т. С. Памятники старообрядческой поэзии. М., 1909.
Рождественский — Успенский — Песни русских сектантов-мистиков: Сборник, составленный Т. С. Рождественским и М. И. Успенским. Спб., 1912.
Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1—2. М., 1909—1910.
Селищев — Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы: Семейские. Иркутск, 1920.
Соболев — Соболев А. Н. Обряд прощания с землей перед исповедью, заговоры и духовные стихи// Труды Владимирской ученой архивной комиссии. 1914, Кн. 16.
Сперанский — Сперанский М. Духовные стихи из Курской губернии// Этнографич. обозрение, 1901, № 3.
Срезневский — Бегунские стихи/ Сообщил В. И. Срезневский// Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола/ Под ред. В. Бонч-Бруевича. В. 1. Спб., 1908.
Тиханов — Тиханов П. Н. Брянский говор: Заметки из области русской этнологии// Сб. Отделения рус. яз. и словесности Имп. АН. 1904. Т. 76. № 4.
Тростянский — Тростянский В. Этнографические материалы, собранные в Задонском уезде Воронежской губернии по поручению Имп. Академии наук// Сб. Отделения рус. яз. и словесности Имп. АН. 1916. Т. 95. № 1.
Хаханов — Хаханов А. Закавказские духоборы// Этнографич. обозрение. 1909. № 2/3.
Яворский — Яворский Ю. А. Очерки по истории русской народной словесности. II. Духовный стих о грешной деве. Киев, 1905.
Якушкин — Сочинения П. И. Якушкина. Спб., 1884.

СЛОВАРЬ

Аггел — злой ангел, бес; аггелы — воинство дьявола
аз — я
амво́н — возвышенная площадка в церкви перед царскими вратами (перед входом в алтарь)
ангелы — бесплотные существа,— духи; воины Бога, посредники между ним и людьми; преимущественно добрые существа
апо́столы — ученики Христа, после его вознесения на небо распространявшие христианское учение на Ближнем Востоке и в Средиземноморье
арха́нгелы — ангелы высшего чина: архангел Михаил — военачальник, предводитель небесного (ангельского) войска
а́спид — ядовитая змея, распространенная в тропических и субтропических странах
аще — если
Баско́й — красивый, хороший
бесерме́нский — относящийся к людям иной веры, преимущественно магометанской
бла́говестить — звонить в колокола перед началом церковной службы
блажно́й — блаженный, счастливый
большина́ — первенство
бра́ные (скатерти) — из узорной цветной ткани
бусурма́нский — см. бесерменский
Вве́рзить — ввергнуть, бросить
вельми́ — сильно, очень сильно
верте́п — пещера, ущелье, тайное убежище
вертогра́д — сад, огород, возделываемая земля, обнесенная оградой
вку́пе — вместе
волстви́ — волхвы, волшебники, языческие жрецы
волхова́я (чаша) — волшебная
восемь-на́-десять — восемнадцать
все́ночная, всенощная — вечерняя церковная служба
выну — всегда
выспрь — вверх
вы́я — шея
Глаго́л — слово, речь
глумотво́рец — человек, относящийся с насмешкой к святыням, кощунствующий
гове́ть — поститься и посещать церковные службы, приготовляясь к исповеди и причастию в установленные церковью сроки (в посты)
Два-на́-десять — двенадцать
двуязы́чник — последователь двух религий; колеблющийся между двумя вероисповеданиями
демья́н-ла́дан — см. тимьян и ладан
деся́тский — выборное лицо из крестьян, выполнявшее полицейские обязанности в дореволюционной России
длань — ладонь
до́ зени — до земли
дондеже — пока, пока не; когда, как только
Егда́ — когда

е д е́ м — эдем, рай на земле; сад, в котором жили первые люди Адам и Ева, после грехопадения отсюда изгнанные (см. «Плач Адама»); вообще рай, место загробного блаженства праведников

е л л и́ н ы н е в е р н ы е — древние греки (эллины)-язычники

е́ м л е т — берет, принимает

е р б о́ в а я (бумага) — гербовая

Ж е р е́ л ь е — ожерелье

ж и в о́ т — имущество, богатство

ж и д, ж и д ы́ — в древнерусской и новой русской литературе до начала XX в., название евреев, иудеев. В духовных стихах жиды выступают как враги Христа или христианских городов Иерусалима и Константинополя (Константинова града); как враждебная сила, они, подобно былинным татарам или литве, наделяются эпитетами *скверные, поганые* и т. п.

ж и́ т о — рожь

З а́ с е к а — лесной завал, оборонительное сооружение из поваленных деревьев

з е л о́ — очень, сильно

з н а́ м е н и е — символическое предвестие (преимущественно грозное)

з у б ч и к и — зубоскалы, глумотворцы

з ы м а́ т ь (пищу) — добывать

И г е м о́ н — правитель, властитель, наместник

и м а́ т ь — иметь; надевать

и́ н д ы р ч и к-з в е р ь — мифическое животное единорог, по Голубиной Книге (см. № 1), живущее под горами и колеблющее их; то же белояндрик-зверь в № 2; в № 122 чудесные пуговицы с его устрашающим «живым» изображением

и́ н ш и й — иной, другой

и с п р а́ в н и к — начальник уездной полиции в дореволюционной России

К а д и́ л о — металлический сосуд на длинных цепочках с прорезной крышкой, служащий при богослужении для курения ладаном

к а м о́ — куда

к а м ч а́ т н ы й — из камки́, шелковой цветной узорчатой ткани

к е́ с а р с т в о — царствование

к и н о́ в и й — монастырский, относящийся к местам жительства монахов

к л е т о́ в щ и к — клеветник

к о к о́ ш н и к — головной убор замужней женщины

к о м у́ ж д о — каждому

к о п а р у́ л я — мотыга, кирка для взрыхления твердой почвы

к о р ч е́ в н и ц ы — корчемники, держатели корчмы, питейного заведения

к р и н — полевой цветок

к р о п о т а́ — ворчанье, брюзжанье, брань

к р ы л о ш а́ н к и — клирошанки, женщины, поющие на клиросе (место для певчих в церкви по правую и левую сторону от амвона)

к р я ж ь я́ (Из тех дерев кряжья рублены) — короткие бревна

к у м и р с к и й б о г — языческий идол

к у́ щ а — листва, кроны деревьев; жилище, шатер

Л а́ д а н — ароматическая смола, употребляемая для курений в церковных обрядах

л е́ з ь я (у топоров) — лезвия

л е п о т а́ — красота

л и́ к о — лицо

л у́ ж и к — ложка

л ы́ з ь е — см. лезья
л ю б о д е́ й — любовник
л ю́ б ч а я б р а́ т ь я — меньшая, нищая братия
М и́ р о — благовонное масло, употребляемое при некоторых христианских обрядах
м и р о н о́ с и ц ы — женщины, пришедшие утром в воскресенье, по восточному обычаю, помазать тело Христа миром перед окончательным погребением
м о р к о́ т н о — трудно
м р а з — мороз
м у р а в ш и́ н (чердак) — муравленый, облицованный глазурью; от слова мурава (трава), т. е. с растительным орнаментом
м у р з а в е́ ц к и й (копье, сабля) — восточный, татарский (от слова мурза)
м ы т а́ р с т в о — различные состояния, через которые проходит душа после смерти человека
м ы́ т а р ь — сборщик налогов, податей; шире: великий грешник, корыстолюбец
Н а б — надо бы
н е́ г л и — может быть, пожалуй, авось
н и к о м у́ ж д о — некому
н о ч е́ с ь — прошедшей ночью
О б о л о к а́ т ь — одевать
о д е с н у́ ю — направо, по правую сторону
о д и н - н а́ - д е с я т ь — одиннадцать
о л ь я ш н ы й — вольячный, т. е. точеный, резной, красиво и прочно отделанный
о п р и́ ч ь — кроме
о с т а́ л ь н ы й — последний
о т р о к о в и́ ц а — девушка
о т т у́ л ь — оттуда
о ш у́ ю — слева, по левую сторону
П а́ г у б а — гибель, сильный вред
п а п е́ р ь, п а́ п е р т ь — крыльцо, площадка перед входом в церковь
п а́ ч е — лучше
п е р е м ё т н ы е с у м о ч к и — те, которые носят (возят) перекинутыми через плечо (через хребет лошади)
п е р ё н о е (крыльцо) — обшитое досками углом в виде расходящихся «перьев»
п е́ р с и — груди, грудь
п е р ч а́ т ы е (скатерти) — берча́тые, т. е. браные, узорные
п е р с т ь, п е р с т ь е — прах, земля
п о в е́ м — поведаю
п о н и́ т о ч е к — пониток, верхняя одежда из домашнего сукна (основа — льняные нитки, уто́к — овечья шерсть)
п о́ п р и щ е — мера дневного пути
п о р ф и́ р а — длинная пурпурная мантия, надеваемая монархами в торжественных случаях
п о т а́ й — тайно
п о х о в а́ н е — похороны
п р и л у́ ч н и к — любовник
п р и́ с н о — всегда
п р и т в о́ р — церковные двери, место у дверей
п р о с в и́ р к а — просфора, культовый пресный хлебец, употребляемый в православном богослужении
п р о́ т о р ь — расходы, издержки, средства к существованию

пядь — старая русская мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев

пя́тинка — пятница

Ри́за — верхняя (дорогая) одежда

руда́ — кровь

рыть (же́ребья) — бросать

Свы́шний — старший, важный

серафи́мы — ангелы, наиболее приближенные к Богу, своим пением постоянно прославляющие его; внешний вид их достаточно расплывчат, наиболее устоявшийся их признак — шестикрылость (как и херувимов)

си — вот

ски́петр — один из знаков (регалий) власти монарха, жезл с драгоценными камнями и резьбой

скора́ — кора

ско́рпия — скорпион

скурапе́и — скорпионы

сове́рзить — сбросить

со́ймище — собрание, совет

срачи́нский — сарацинский, арабский

сря́дный — нарядный

стезя́ — тропа, дорога

Та́ртарары́ — ад, самая глубина преисподней (от греч. тартарос)

тать — убийца, душегуб

тимья́н — фимиам, благовонное вещество, а также дым, возникающий от горения этого вещества при богослужении

тожно́ — тогда, после завершения чего-либо

то́кмо — только

тра́пеза — прием пищи, обед

труждáющий — подвижник, трудник, ведущий аскетическую жизнь

Упад (ко у́паду лицом) — запад

Фарисе́и — представители общественно-религиозного течения в Иудее на рубеже старой и новой эры, отличавшиеся фанатизмом и лицемерным исполнением правил благочестия

Ха́ртиал, ха́ртия — бумага

херуви́мы — ангелы, особо приближенные к Богу, несущие охранительные функции

хуро́бый — убогий, худой, нищий

Ця́до, ча́до — дитя, ребенок

Черни́зцы — монахи, чернецы (по черной одежде)

чуть (Не чуть чтобы от них ни писку, ни верезгу) — слышать

Шкипетр — см. скипетр

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. Селиванов. Народно-христианская поэзия 3

Мироздание: его начало и судьбы

1. Голубина Книга сорока пядень 27
2. Голубиная Книга 31
3. Евангелистая песнь 37

Персонажи и сюжеты из Ветхого завета

4. Плач Адама 41
5. Осип Прекрасный 44
6. Плач Иосифа Прекрасного 58
7. Сон Саламанова отца 60
8. О царе Давыде и об его дочери Олёне 61
9. Самсон-богатырь 62

Евангельские сюжеты

10. Рождество Христово 66
11. Избиение младенцев 66
12. Жена милосердная 67
13. Сон Богородицы 69
14. «Опочивала Пресвятая Богородица...» 70
15. Распятие Христа 72
16. Страсти Господни 74
17. Богородица у распятия 76
18. Плач Богородицы 77
19. Сошествие Христа во ад 80
20. Про Христа милостива 82
21. Вознесение Христа 83
22. Хождение Святой Девы 84
23. Стих о трех гробницах 85

Змееборцы

24. Федор Тирон 86
25. О спасении Елисавии Арахлинской царевны 94
26. Егорий и змей 99
27. Сказание о Георгии Храбром — искоренителе басурманства и поборнике светлой Руси 104

Мученики

28. Егорий Храбрый и царище Демьянище 108
29. Стих про Егория Храброго 117
30. О святом младенце Кирике, о мучении, как его мучит царь, отец бывший ему, по ихному магометанскому закону 120
31. Галактион и Епистимия 125
32. О великомученице Варваре 127
33. Иоанн-воин 129

Подвижники

34. Алексей Божий человек 130
35. Алексеевский стих 140
36. Иосаф и Варлаамий 148
37. «Расплакался млад юноша...» 153
38. Онуфрий 155

Чудотворцы

39. Агрик и его сын Василий 157
40. О Миколе Угоднике 160
41. Микола 161
42. Христофор и Никола 161
43. Димитрий Солунский 162
44. «Сопущались с небес два ангела...» 168
45. Покров 169

Мать сыра земля

46. Плач земли 170
47. Непрощаемый грех 170
48. Обряд прощания с землей перед исповедью 171
49. Покаянный стих 173

Стихи назидательные

50. Свиток Ерусалимский 175
51. Пятница и Пустынник 179
52. О двенадцати Пятницах 180
53. Стих о трех дарах 183
54. Стих о лени 184
55. Стих о вдовах 185
56. «Вдоль по крутому, по красному бережку...» 186
57. «Соходила же Владичица со небесных кругов...» 186
58. Василий Кесарийский 186

Праведники и грешники

(Раскаявшиеся и нераскаявшиеся)

59. Два Лазаря 190
60. О блудном сыне 195
61. Про Марию Египетскую 196
62. Три души праведныя 196
63. Аника-воин 197
64. «Жил-был Оника-воин...» 202
65. Ожидание смерти 204
66. Плач души грешной 205
67. Стих к грешной душе о покаянии 206
68. Стих о зле 206
69. О суете жизни 207
70. «Уж ты, матушка Владычица...» 208
71. Плач души 208
72. «Проложоная дороженька...» 209
73. Об исходе души от тела 210
74. Стих о грешной душе 211
75. О грешной рабе и об ее праведной дочери 212
76. Стих про душу великой грешницы 213
77. Стих про блудницу 215
78. Слово о муках, заповеданных Пресвятой Богородице архангелом Михаилом 218

Кончина мира, Страшный суд

79. Перед вторым пришествием Христа 221
80. Надо покаяться и очиститься 223

81. О нынешнем веке и будущем 227
82. О Страшном суде 230
83. «Господь грядет в полунощи...» 232
84. Богородица предупреждает 233
85. Богородица заступается 235
86. Богородица сама судит 236
87. О Михаиле архангеле 237
88. Михайло архангел — грозный судья 240
89. Огненная река 241
90. Архангелы Михайло и Гавриил — перевозчики через огненную реку 242

Сюжеты из древнерусской истории

91. Борис и Глеб 244
92. Александр Невский 247
93. Михаил и Федор Черниговские 248
94. Феодор, Давид и Константин Ярославские 249
95. Петр митрополит 250
96. Димитрий Донской 250

Из старообрядческой истории
Новые стихи

97. О Никоне 253
98. О временах антихристовых 255
99. Воспоминание преболезненное об озлоблении кафоликов . . . 258
100. Кончина матери-церкви 261
101. Встреча инока со Христом 263
102. Стих об антихристе 264
103. Похвала пустыни 266
104. «Видно, в мире жить скитаться...» 266
105. «Боже, жизнь мою управи...» 267
106. Стих пустынницы 268
107. Разорение скитов 268
108. «О, безмолвная мати пустыня...» 271
109. Стих страдальца 272
110. Стих о прекрасном ра́ю 273
111. Еще стих о прекрасном раю 273
112. Стих о юности 274
113. Стих о усердных и верных прихожанах в великороссийскую церковь и о их учителях 277
114. Об Александре II 278
115. Стихи о смертной памяти 280
116. «Чу! уныло завывает...» 281
117. Гора Афон 282
118. «Умоляла мать родная...» 283
119. «Если в жизни измучен бываешь...» 285
120. Проснись, душа 286

Песни сектантов-мистиков (хлыстов и скопцов)

121. «Здравствовал батюшка...» 288
122. «Как по морю, морю синему...» 290
123. «Уж во садике...» 290
124. «Уж не стук, други, стучит перед тучей грозной...» 292
125. «Благослови нас, сударь батюшка родной...» 293

126. «Про меня младу худа слава лежит...» 294
127. «Не золота трубушка вострубила...» 294
128. «Как у нас было на тихом Дону...» 295
129. «Ай, кто пиво варил?..» 296
130. «Ой, во саду, саду, во саду зеленом...» 297
131. «Под высоким небом, серéдь земли...» 297
132. «Уж ты мать моя, прекрасная Москва...» 297
133. «Уж как по морю, по морю...» 298
134. Откуда чай и кофе, табак и картофель 299

Комментарии 302
Источники текстов и их условные сокращения 325
Словарь 327

Стихи духовные/Сост., вступ. ст., подгот. текстов
С80 и коммент. Ф. М. Селиванова.— М.: Сов. Россия, 1991.— 336 с.

Один из своеобразнейших жанров народной поэзии практически не известен современному читателю, так как более семидесяти лет духовные стихи не издавались.

В основе духовных стихов — сюжеты неканонической христианской литературы, ветхозаветные и новозаветные легенды. В сборник вошли стихи на библейские и евангельские темы, стихи о змееборцах, о христианских мучениках и чудотворцах, о праведниках и грешниках, о конце мира и Страшном суде, а также на сюжеты из истории старообрядчества и стихи сектантов-мистиков.

Уникальны по своему содержанию стих о Голубиной Книге, воссоздающий картину мироздания, в которой сплелись христианские и языческие представления человека средневековой Руси, и «Плач земли», отразивший древнейший языческий обряд «прощания с землей».

82.3Р

С $\frac{4702010202-318}{М-105(03)91}$ КБ—21—53—91

ISBN 5—268—00844—7

СТИХИ ДУХОВНЫЕ

Редактор *Е. Г. Кожедуб*
Художественный редактор *Л. Е. Безрученков*
Технический редактор *И. И. Павлова*
Корректоры *С. В. Мироновская,*
М. Е. Анарцева, А. З. Лазуткина

ИБ № 6308
Сдано в набор 20.05.91. Подп. в печать 03.10.91. Формат 84×108 1/32. Бумага типогр. № 1. Печать высокая. Гарнитура обыкновенная новая. Усл. п. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 18,48. Уч.-изд. л. 21,11. Тираж 50.000 экз. Заказ № 2144. Цена 3 р. Изд. инд. ЛХ—398.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.
Книжная фабрика № 1 Министерства печати и массовой информации РСФСР. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

3 р.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ